

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Семенова Анастасия Владимировна

**ПОЭМЫ М.М. ХЕРАСКОВА НА ТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
(«РОССИЯДА», «ВЛАДИМИР», «ЦАРЬ, ИЛИ СПАСЕННЫЙ НОВГОРОД»)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Коровин Владимир Леонидович

Москва – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
 Глава первая. История и вымысел в поэме «Россияда»	17
§1.1. Образ врага.....	27
§1.2. Мотив священной войны.....	36
§1.3. Героический пафос.....	45
§1.4. Фантастические элементы.....	52
§1.5. Сюжетообразующие анахронизмы.....	60
§1.6. Необоснованные неточности.....	68
 Глава вторая. Интерпретация «Корсунской легенды» в поэме «Владимир»	75
§2.1. Христианская проповедь.....	84
§2.2. Прения о вере.....	101
§2.3. Дискредитация язычества.....	113
§2.4. Выбор и его следствия.....	125
§2.5. Историческая основа поэмы.....	136
§2.6. Внутренняя хронология.....	148
 Глава третья. Предание как основа стихотворной повести «Царь, или Спасенный Новгород»	159
 Заключение	183
 Список сокращений	189
 Список источников и литературы	191

ВВЕДЕНИЕ

Объект исследования – поэмы Михаила Матвеевича Хераскова (1733–1807) «Россияда» (1779; 3-я ред. 1796), «Владимир» (1785; 3-я ред. 1797) и «Царь, или Спасенный Новгород» (1800). Первые две – его главные эпические поэмы, прославившие поэта среди современников как «русского Гомера» (и дважды им перерабатывавшиеся¹); третья – меньшая по объему «стихотворная повесть», лишь один раз изданная при жизни автора². В отличие от других поэм Хераскова³, они повествуют об историческом прошлом России, в некотором смысле представляют собой цикл их трех произведений о ключевых в древней (допетровской) российской истории событиях: «Россияда» – о покорении Казани Иваном Грозным, «Владимир» – об обретении будущим Крестителем Руси истинной веры, «Царь» – о воцарении в Новгороде Рюрика, родоначальника русских князей.

Предмет исследования – интерпретация и репрезентация российской истории в названных трех поэмах Хераскова, при создании которых он так или иначе имел дело с различными историческими источниками, сочинениями и преданиями. **Цель** – выявить в этих поэмах соотношение поэтического вымысла и истории, исторической действительности (или того, что поэт признавал в этом качестве), изучить особенности литературной обработки находившегося в поле зрения их автора исторического материала.

Предмет и цель исследования обусловили необходимость решения следующих **задач**:

¹ В нашей работе рассматриваются их последние прижизненные редакции по изд.: *Херасков М.М.* Творения, вновь испр. и доп.: [В 12 ч.]. – Ч.1: Россияда, эпическая поэма. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. – XX, 340 с.; Там же. – Ч.2: Владимир, поэма эпическая. – 1797. – IX, 361 с. «Россияда» в первом издании (М., 1779) и во 2-й ред. (М., 1786), кроме других отличий, имела подзаголовок «ироическая поэма». «Владимир» в первом издании назывался «Владимир Возрожденный» (М., 1785) и состоял из XV песней; во 2-й ред. поэмы (М., 1787) – XVI; в последней, 3-й ред. (1797) – XVIII песней.

² <*Херасков М.М.*> Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть. – М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. – [10], 246 с. (имя автора в изд. отсутствовало). Единственное переиздание поэмы: *Херасков М.М.* Царь, или Спасенный Новгород: Стихотворная повесть / Изд. подгот., коммент. В.А. Кошелев. – Великий Новгород: Печатный двор, 2018. – 240 с.

³ «Плоды наук» (1761; дидактическая поэма), «Чесменский бой» (1771; малая эпическая поэма о современном событии), «Селим и Селима» (1771; пасторальная поэма), «Пилигримы, или Искатели счастья» (1795; аллегорическая сказка), «Вселенная» (1797; поэма на библейскую тему), «Бахарияна, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок» (1803), «Поэт» (1805; поэтологический трактат).

- проанализировать тексты поэм «Россияда», «Владимир» и «Царь», выявить историческую составляющую, сопоставив их с установленными или наиболее вероятными (доступными автору) историческими и литературными источниками;
- учесть литературный и политический контексты, жанровую специфику и иные факторы, оказавшие влияние на изображение исторических событий в исследуемых произведениях;
- выделить в них авторские вымыслы, а в особенности различные исторические анахронизмы, дать им оценку, отделив намеренные от находящих соответствие в письменных и печатных источниках, которыми мог пользоваться поэт;
- установить художественные и идеологические функции этих анахронизмов в исследуемых поэмах, выяснить, чем обусловлено наличие в них заведомо вымышленных компонентов;
- соотнести трактовку отдельных исторических эпизодов с общей концепцией автора и преследуемыми им целями в каждой из поэм.

Научная новизна и актуальность исследования обусловлены его предметом, целью и материалом (объектом). Вопрос об особенностях репрезентации российской истории и обработки исторического материала в цикле поэм Хераскова на темы древней истории России ранее не ставился и не становился самостоятельным предметом исследования. Между тем необходимость их изучения в сопоставлении именно (хотя и не исключительно) с историческими источниками издавна признается в отечественной науке, а в последние десятилетия наблюдается возрастание исследовательского интереса как к этим поэмам, так и в целом к творчеству Хераскова. Знаковым событием является выход в 2018 г. подготовленного В.А. Кошелевым комментированного издания поэмы «Царь, или Спасенный Новгород» (см. сноску 2), прежде никогда не переиздававшейся, как, например, и поэтологический стихотворный трактат «Поэт» (1805), также недавно (2014) переизданный со статьей и комментарием⁴. При этом мы все еще не имеем научного издания «Россияды» и «Владимира» (первая полностью перепечатывалась в последний раз в 1896 г., вторая – в 1820 г.) – произведений, относящихся к числу наиболее значительных в русской литературе XVIII века, и настоятельно требующих разностороннего изучения, в том числе в избранном в настоящей работе аспекте.

⁴ Вендумти М., Шруба М. «Ars poetica» М.М. Хераскова // Russian Literature. – 2014. – Vol. LXXV. – № I/II/III/IV. – P. 535–561.

Исследуемые здесь три поэмы Хераскова (как, кстати, и ряд его трагедий⁵) сюжетно основаны на русском историческом материале, художественная обработка которого для поэта являлась самостоятельной задачей, а ее решение (в принципе вариативное) во многом определяло характер всего произведения. Поэмы рассказывают о разных периодах российской истории, и автору был доступен неодинаковый объем исторического материала – от подробного описания событий в ряде источников до лаконичных известий и вызывавших сомнения в своей достоверности преданий. Как следствие, в «Россияде», «Владимире» и «Царе» варьируется соотношение истории и художественного вымысла. Толкование автором излагаемых событий, количество и характер его домыслов и вымыслов зависели также от концепции каждой из поэм, влияния литературных образцов и творческого поиска Хераскова, пробовавшего разные подходы к созданию эпопеи. В перечисленных аспектах (и в связи с творческой эволюцией) эти три поэмы ранее подробно не рассматривались. Кроме того, хотя установление полного перечня их исторических источников не было целью нашей работы, в ней указываются некоторые прежде не называвшиеся источники и отмечаются незамеченные соответствия с источниками известными (см. ниже, в конце «Введения»).

Степень изученности предмета исследования, как и самих интересующих нас поэм и вообще творчества Хераскова, очевидно недостаточна и неравномерна.

В конце XVIII – начале XIX вв. эпопеи Хераскова, в первую очередь «Россияда» и «Владимир», сохраняли неприкосновенность для критики как первые русские образцы главного классицистического жанра. Однако уже в 1810-х гг. они перестали вызывать живой читательский интерес (о том, как и почему это произошло, достаточно подробно писал, например, А.И. Любжин⁶). Определенную роль в этом сыграли статьи А.Ф. Мерзлякова, который, однако, не ставил перед собой целью пересмотр литературной репутации Хераскова, а напротив, стал автором первого литературно-критического разбора поэмы и в определенном смысле положил начало традиции научного изучения «Россияды». А.Ф. Мерзляков обратил внимание на то, что композиция поэмы Хераскова выстроена в соответствии с историческим ходом событий, автор рассказывает о

⁵ Пять из девяти трагедий Херасков написаны на темы российской истории: «Пламена» (пост. 1762, опубл. 1765), «Борислав» (пост. 1772, опубл. 1774), «Идолопоклонники, или Горислава» (1782), «Освобожденная Москва» (пост. 1797, опубл. 1798), «Зареида и Ростислав» (опубл. 1807). В нашей работе затрагивается только трагедия «Идолопоклонники», в исторической основе пересекающаяся с поэмой «Владимир».

⁶ См.: Любжин А.И. «Русский Гомер». Опыт о литературной репутации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2014. – №1. – С. 48–58.

предпосылках похода на Казань и описывает саму кампанию⁷. Одновременно с Мерзляковым выступил против Хераскова П.М. Строев, отказавший «Россияде» в статусе произведения, способного обессмертить имя своего сочинителя (рядом с Херасковым Строев упоминает Сумарокова, которого принято называть «единственным стихотворцем своего времени», однако восхищаться его произведениями новое поколение не спешит). В «Опыте краткой истории русской литературы» Н.И. Греч перечисляет произведения Хераскова и сдержанно характеризует его как плодовитого, трудолюбивого писателя, но не Поэта⁸. О полемике Мерзлякова и Строева писал Ю.В. Стенник⁹.

В XX веке о творчестве Хераскова писали Г.А. Гуковский, Д.Д. Благой, П.Н. Берков, Л.И. Кулакова и др.¹⁰. Важным вкладом в изучение истории русской поэмы вообще и, в частности, поэм Хераскова стали работы А.Н. Соколова – его диссертация (1948)¹¹ и монография (1955)¹². Одна из наиболее значительных обзорных работ, посвященных произведениям Хераскова, – вступительная статья А.В. Западова, подготовившего к переизданию произведения Хераскова, в том числе поэмы «Чесменский бой» и «Россияда». А.В. Западов обратил внимание на нравоучительный характер крупных произведений поэта: исторические сюжеты поэм и романов Хераскова необходимо трактовать как пропаганду положительных примеров и образцов для подражания, взятых из истории¹³.

Первый опыт комплексного исследования «Россияды» предпринял немецкий ученый П. Тирген (1970)¹⁴.

В недавнее время по Хераскову защищено несколько кандидатских диссертаций, из которых нужно выделить посвященные его поэмам исследования Г.А. Давыдова (1999) и

⁷ См. Мерзляков А.Ф., поэма эпическая г-на Хераскова // Амфион. – 1815. – №1. – С. 32–98; – №2, – С. 36–77; – №3. – С. 94–123; – №5. – С. 81–115; – №6. – С. 1–41; – №8. – С. 86–115; – №9. – С. 49–128.

⁸ См. Греч Н.И. Опыт краткой истории русской литературы. – СПб., 1822. – С. 186 («Херасков принадлежит к числу самых плодовитых Писателей; но неумолимое потомство, отдавая справедливость его трудолюбию, познаниям, вкусу, не решается дать ему определенно имя Поэта»).

⁹ Стенник Ю.В. Литературная критика неоклассицизма (А.Ф.Мерзляков) // Очерки истории русской литературной критики. Т.1: XVIII – первая четверть XIX в. СПб., 1999. – С. 247–268.

¹⁰ См. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. Учебник. – М.; Л., 1939. – С. 181–192; Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века / изд. 3. – М., 1955. – С. 163.

¹¹ Соколов А.Н. История русской поэмы (XVIII – первая половина XIX века). Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1948 (о поэмах Хераскова здесь в особенности см. с. 279–340).

¹² Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. – С. 5.

¹³ Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избр. произведения / Вступ. ст., подг. текста и прим. А.В. Западова. – Л., 1961. – С. 26, 33.

¹⁴ Thiergen, Peter. Studien zu M.M. Cherskovs Versepos «Rossiada»: Materialien und Beobachtungen. – Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 1970 (Diss. Philol.).

Л.Л. Федотовой (2009)¹⁵. Г.А. Давыдов обратился к теме религиозно-философской проблематики поэм Хераскова («Селима и Селима» (1771), «Владимир», «Вселенная», «Пилигримы, или Искатели счастья» (1795), «Бахариана, или Неизвестный»). Г.А. Давыдов рассматривает символику религиозно-философских поэм Хераскова, останавливаясь на причинах распространения масонских символов, аллегоризме персонажей, образов и чисел. Л.Л. Федотова уделяет некоторое внимание специфике использования письменных исторических источников, отражению исторических событий в поэмах Хераскова, но концентрируется на архетипах русского национального характера и духовно-нравственных истоках понятия «русская ментальность», то есть идейном мире героического эпоса.

«Россияда» и «Владимир» среди прочего рассматриваются в докторских диссертациях Э.Л. Афанасьева (2002)¹⁶, О.М. Гончаровой (2004) и Т.Е. Абрамзон (2007)¹⁷. О.М. Гончарова рассуждает о поэмах Хераскова в контексте специфической семантизации и мифо-легендарного истолкования исторических сюжетов в русской эпической поэзии: сюжеты, к которым обращается поэт, актуальны для русского национального самосознания, Херасков, не стремясь к объективности, опирается не столько на собственно исторический материал, сколько на легенды. Т.Е. Абрамзон сопоставляет мифологические и мифологизированные персонажи, библейские образы, аллегории в поэме «Владимир возрожденный» с образами славянского язычества.

Особое внимание уделяется религиозно-философскому, символично-аллегорическому, а в частности масонскому плану произведений Хераскова¹⁸, в том числе

¹⁵ Давыдов Г.А. Религиозно-философские поэмы М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999 («Селим и Селима», «Владимир», «Вселенная», «Пилигримы» и «Бахариана»); Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009 («Россияда» и «Владимир»). См. также: Руднева О.Н. Поэтическая индивидуальность М.М. Хераскова: философские и эстетические искания. Дис. ... канд. филол. наук. – Липецк, 2003 (речь идет в т.ч. о «Владимире»); Лиманская Ю.С. Произведения М.М. Хераскова «Золотой прут» и «Кадм и Гармония» в контексте масонской прозы последней четверти XVIII века. Дис. ... канд. филол. наук. – Сургут, 2007. О Хераскове (и его поэмах) идет речь и в других новых диссертациях: Коздрин П.Р. Рецепция романа Дж. Беньяна «Путь паломника» в русской литературе XVIII – XIX вв. Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2011; Андропова В.О. Инфернальное чудесное в русской героической поэме эпохи классицизма. Дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2013.

¹⁶ Афанасьев Э.Л. Русская литература рубежа XVIII–XIX вв., переломный этап национального самосознания (аксиология и поэтика). Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002. – 397 с.

¹⁷ Абрамзон Т.Е. Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин. Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007; Афанасьев Э.Л. Русская литература рубежа XVIII–XIX вв., переломный этап национального самосознания (аксиология и поэтика). Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002; Гончарова О.М. Национальная традиция и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.

¹⁸ Ранее этот вопрос поднимался в исследованиях И.Н. Розанова (см. Розанов И.Н. М.М. Херасков // Масонство в его прошлом и настоящем: [В 2 т.] – Т. II. – М., 1915. – С. 38–51), Н.К.

в работах М.Ф. Гришаковой о его поэмах (1992)¹⁹ и Т.В. Артемьевой – о романах (2000, 2005)²⁰, а также Д.П. Ивинского о рецензии Н.М. Карамзина на роман «Кадм и Гармония»²¹ и др.²². В религиозном и символическом аспектах «Россияду» и (в особенности) «Владимира» рассматривают польские авторы А. Орловска и А. Дрождек²³, а также другие зарубежные исследователи²⁴.

В настоящей работе мы, опираясь на исследования предшественников, будем попутно указывать на некоторые масонские компоненты в поэмах Хераскова (преимущественно вымыслы и аллегории, обусловленные воззрениями автора-масона), специально не углубляясь в эту тему, требующую отдельного изучения и к тому же уже не раз освещавшуюся в названных выше работах.

Пиксанова (Пиксанов Н.К. Масонская литература [второй половины XVIII века] // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т. IV: Литература XVIII века. – Ч. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 51–84), В.И. Сахарова (см. Сахаров В.И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. – М., 2000. – С. 66–118; Сахаров В.И. Масонская проза: история, поэтика, теория // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. – М., 2000. – С. 193–220).

¹⁹ Гришакова М. Символическая структура поэм М. Хераскова // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана. – Тарту, 1992. – С. 30–48 (то же см. в кн.: Опыты изучения поэмы: сб. науч. – Ижевск, 2011. – С. 5–25).

²⁰ Артемьева Т.В. Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова // Философский век. Альманах. – Вып. 12. Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. – СПб., 2000. – С. 13–47; Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 372–404.

²¹ Ивинский Д.П. Из комментария к рецензии Н.М. Карамзина на роман М.М. Хераскова «Кадм и Гармония» // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2018. – Т. 77. – №2. – С. 15–36.

²² См. также Луняев Е.В. Этические воззрения русских масонов эпохи Просвещения. Дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2006. – 230 с.; Луняев Е.В. Нравственные идеи масонства в поэтическом творчестве М. М. Хераскова // Gratias Agimus: Философско-эстетические штудии: Сборник научных трудов в честь 70-летия профессора А.П. Валицкой: [В 2 т.]. – Т. 1. / Отв. ред. К.Г. Исупов, Л.Н. Летягин. – СПб., 2007. – С. 124–135; Приказчикова Е.Е. Нравственно-религиозная концепция человека в поэме М. Хераскова "Владимир Возрожденный" // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики): сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2007. – С. 49–71. – (Эволюция форм художественного сознания в русской литературе; вып. 2).

²³ Орловска А. Миф России в творчестве М. Хераскова (поэма «Владимир») // Slavica: Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. – T. XXVIII. – Debrecen, 1997. – P. 27–33; Orłowska A. Motywy biblijne w liryce i poematach M. Chieraskowa // Biblia w literaturze i folklorze narodów wschodniosłowiackich. – Krakow, 1998. – S.143–181 (см. также: Orłowska A. Poemat klasycystyczny M.Chieraskowa. Lublin, 1987. – 146 p.); Drozdek A. Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems // Ricerche Slavistiche. – 2013. – [Vol.] 11(57). – P. 89–113.

²⁴ Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991. – P. 99–111; De Dobbeleer, Michel. The Figure of Vassian as Key to the Interpretation(s) of Mikhail Kheraskov's Rossiad // Slavica Gandensia, 31. 2004. – P. 47–64.

Поэме Хераскова «Вселенная», написанной на темы «Потерянного рая» Дж. Милтона, посвящена работа В.Л. Коровина (2016)²⁵.

Драматургии и романам Хераскова были посвящены диссертации Л.М. Пастушенко (1974) и Л.Н. Нарышкиной (1978)²⁶. О проблемах его биографии и творчества идет речь в ряде работ Н.Д. Кочетковой.²⁷

О политических подтекстах «Владимира» рассуждает В.Ю. Проскурина в книгах об эпохе Екатерины II (2006, 2017)²⁸. Ряд общих вопросов истории русской литературы XVIII в. в связи с литературной деятельностью Хераскова (преимущественно раннего периода, до «Россияды») рассматривается в монографии Д.П. Ивинского (2018)²⁹.

В нескольких исследованиях устанавливаются связи между поэмами Хераскова и произведениями европейской литературы. Рецепции романа Дж. Беньяна «Путь паломника» в русской литературе XVIII-XIX вв., в том числе во «Владимире» Хераскова, посвящена упомянутая диссертация П.Р. Коздриня (см. сноску 15). Примечательны статьи чешского ученого Ю. Доланского, показавшего влияние «Россияды» и «Владимира» на создание в нач. XIX в. Краледворской и Зеленогорской рукописей (1817–1818)³⁰.

О стихотворной повести «Царь, или Спасенный Новгород» писали Т.А. Китанина^{31 32}, И.И. Замотин³³, Ф.Я. Прийма³⁴ и В.А. Кошелев³⁵, упоминали ее А.Н.

²⁵ Коровин В.Л. Херасков и Милтон: «Вселенная» и «Потерянный рай» // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2016. – Т. 75. – № 6. – С. 48–54.

²⁶ Пастушенко Л.М. Драматургия М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1974 (см. также: Пастушенко Л.М. Из истории становления русской драматургии втор. пол. XVIII века (М.М. Херасков). – Петропавловск-Камчатский, 1998. – 118 с.); Нарышкина Л.Н. Романы М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1978.

²⁷ Кочеткова Н.Д. Херасков в «Московском журнале» Карамзина // Русская литература. 2006. №4. – С.161–165; Она же. Херасков Михаил Матвеевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып. 3 (Р–Я). – СПб.: Наука, 2010. – С. 344–361; и др.

²⁸ Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: НЛЮ, 2006. – С. 182–190; Она же. Империя пера Екатерины II: литература как политика. – М.: НЛЮ, 2017. – С. 175–179.

²⁹ Ивинский Д.П. М.М. Херасков и русская литература XVIII – начала XIX веков. – М.: Р.Валент, 2018. – 216 с.

³⁰ См.: Доланский Ю. Херасков и Линда // XVIII век. – Сб.10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. – Л., 1975. – С. 135–142; Доланский Ю. Херасков и Гавличек / Пер. Г.А. Лилич // XVIII век. – Сб.7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. – М.; Л.:Наука, 1966. – С. 213–219.

³¹ См.: Китанина Т.А. <Вадим> // Пушкинская энциклопедия: Произведения. – Вып. 1. А – Д. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 235–243.

³² См.: Китанина Т.А. Предание о Вадиме Новгородском в политической драме конца XVIII – начала XIX в., или Почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» // «Он видит Новгород великой»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». – Великий Новгород, 31 мая – 4 июня 2004. – С. 16.

³³ Замотин И.И. Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе. (Вадим по представлению М.М. Хераскова) // Филологические записки. – Вып. 4–5. – Воронеж, 1900. – С. 49–66.

Соколов³⁶ и А.В. Западов³⁷. О «Царе» речь также заходит в кандидатской диссертации В.В. Рукавичниковой³⁸.

Апробация работы. Результаты работы были апробированы в 15 публикациях³⁹ и в 4 докладах на международных научных конференциях⁴⁰.

³⁴ Прийма Ф.Я. Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // На путях к романтизму: Сб. научных трудов. – Л., 1984. – С. 100–138.

³⁵ Кошелев В.А. Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском // Литература и история. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 93–109.

³⁶ Соколов А.Н. Указ. соч. – С. 184.

³⁷ Западов А.В. Указ. соч. – С. 42.

³⁸ Рукавичникова В.В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. Дис. ... канд филол. наук. – Великий Новгород, 2001. – 191 с.

³⁹ **И. Статьи в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:** Семенова А.В. Христианская проповедь в поэме М.М. Хераскова «Владимир» / А.В. Семенова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2018. – Т. 77. – № 1. – С. 42–47; Семенова А.В. Внутренняя хронология в поэме М.М. Хераскова «Владимир» / А.В. Семенова // Litera. – 2018. – № 3. – С. 194–210. (URL: http://e-notabene.ru/fil/article_27392.html); Семенова А.В. Прения о вере в поэме М.М. Хераскова «Владимир» / А.В. Семенова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Издательство «Грамота», 2017. – № 11 (77). – Ч. 1. – С. 31–36. (URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/8.html>); Семенова А.В. Историческая основа поэмы М.М. Хераскова «Владимир» / А.В. Семенова // Litera. – 2017. – № 3. – С. 23–37. (URL: http://e-notabene.ru/fil/article_23947.html); Семенова А.В. Поэма М.М. Хераскова «Владимир»: К вопросу об исторических источниках / А.В. Семенова // Studia Litterarum. – 2019. – Т. 4. – № 3. – С. 172–187. **II. Статьи в других рецензируемых научных изданиях:** Семенова А.В. Дискредитация язычества в поэме М.М. Хераскова «Владимир» / А.В. Семенова // Филология: научные исследования. – 2017. – № 3 (24). – С. 27–40. (URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23776); Семенова А.В. «Россияда» М.М. Хераскова как один из источников оперы Г.Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» / А.В. Семенова // Литературоведческий журнал: Науч. журнал / РАН. ИНИОН; Отд.-ние ист.-филол. наук. Секция языка и лит. – 2016. – № 39. – С. 46–53; Семенова А.В. Исторические неточности в поэме М.М. Хераскова «Россияда» // Русская литература в иностранной аудитории: сб. Научных статей. – Вып. 7. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – С. 70–76; Семенова А.В. Странствия Всеволода в поисках добродетели в поэме М.М. Хераскова «Владимир» // V Рождественские чтения: межвузовский сборник научно-методических статей / под ред. Г.В. Сильченко. – Ишим: Изд-во ИПИ им. П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ, 2018. – С. 224–228; Семенова А.В. Противостояние христиан и магометан в поэме М.М. Хераскова «Россияда» / А.В. Семенова // III Рождественские чтения: «1917–2017: уроки столетия»: Межвузовский сб. науч.-методич. статей. – Ишим: Изд-во ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2017. – С. 38–43; Семенова А.В. Героический пафос в поэме М.М. Хераскова «Россияда» / А.В. Семенова // Стратегии жанрового развития русской литературы в мировом историко-культурном контексте: Сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 16–17 марта 2016 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина. – Брест: БрГУ, 2017. – С. 189–194; Семенова А.В. Сюжетная организация поэмы М.М. Хераскова «Россияда» / А.В. Семенова // Славянские и тюркские культурно-языковые контакты: традиции и ценности: Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (24 мая 2016 г.). – Астана, 2016. – С. 160–163; Семенова А.В. Херасков Михаил Матвеевич / А.В. Семенова // Новая Российская энциклопедия. – Т. 17. – Ч. 2. – М.: Изд-во «Энциклопедия», 2016. – С. 252–253; Семенова А.В. Мотив священной войны в поэме М.М. Хераскова «Россияда» / А.В. Семенова // Славянские и тюркские народы на рубеже веков: язык, культура, письменность: Сб. мат-лов Междунар. круглого стола, посв. Дню славянской письменности и культуры (20 мая 2015 г.). – Астана, 2015. – С. 186–189; Семенова А.В. Интерпретация сюжета о Вадиме Храбром в поэме М.М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» / А.В. Семенова // Libri Magistri: Научный рецензируемый журнал / Магнитогорский

* * *

В настоящей работе мы ссылаемся на указанные исследователями источники произведений Хераскова, а также устанавливаем иные памятники письменности и труды историков, на которые мог опираться Херасков, создавая поэмы на темы российской истории. Некоторые источники являются общими для трех поэм, другие различаются. Мы исходим из того, что в большинстве исторических источников, знакомых Хераскову, расхождения в описании тех или иных исторических событий незначительны – об этом позволяет судить сличение летописей и ключевых работ по истории России. Оговорим, что установление исчерпывающего перечня исторических источников поэм Хераскова не является самостоятельной целью настоящего исследования либо необходимостью для решаемых в диссертации задач. Достаточно определить круг летописей и трудов по истории России, опубликованных ко времени создания рассматриваемых поэм и доступных Хераскову. Это дает целостное представление о фактическом материале, послужившем основой произведений.

Приблизительный перечень исторических источников интересующих нас трех поэм Хераскова таков:

– общие источники: «История российская» В.Н. Татищева (1769)⁴¹ (упоминает Г.З. Кунцевич в связи с «Казанской историей»⁴²), Никоновская летопись (1767)⁴³, «Ядро Российской истории» А.И. Манкиева (1770)⁴⁴, «Скифская история» А.И. Лызлова

гос. тех. ун-т им. Г.И. Носова. – Вып. 2: Русская поэзия в контексте мировой культуры. – Магнитогорск, 2015. – С. 10–17.

⁴⁰ «Международная школа “Филология и межкультурный трансфер в Европе (от античности до начала XXI века)”» (Варшава, декабрь 2015), «Международный круглый стол “Славянские и тюркские народы на рубеже веков: язык, культура, письменность”» (Астана, май 2015), «Международная научно-практическая конференция “Славянские и тюркские культурно-языковые контакты: традиции и ценности”» (Астана, май 2016), «Державин в истории русской литературы» (МГУ, октябрь 2016).

⁴¹ *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 1. – М.: Тип. М. ун-та, 1769. – 600 с.; *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 2. – М.: Тип. М. ун-та, 1773. – 536 с.

⁴² *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. – СПб., Тип. И.Н. Скороходова, 1905. – С. 589–590.

⁴³ Никоновская летопись введена в научный оборот В.Н. Татищевым, первая часть опубликована в 1767 году (Русская летопись по Никонову списку: [В 8 ч.]. – Ч. 1 / Под ред. Августа Шлецера. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – 198 с.).

⁴⁴ <Манкиев А.И.> Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием <Г.Ф. Миллера> и о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых. Изданием книгопродавца и университетского переплетчика Христиана Ридигера. – М.: при Императорском Московском университете, 1770. – [16], 392, [8] с.

(1776)⁴⁵, «История российская с самых древнейших времен» В.Н. Татищева (1769, 1773⁴⁶), «Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054» (1766) (упоминается в письме Хераскова Г.Ф. Миллеру 1764 г.⁴⁷) и «Идеи для живописных картин из российской истории» (1764) М.В. Ломоносова⁴⁸;

– особые источники «Россияды»: «Казанская история» (связь текстов доказывают Г.З. Кунцевич и Г.Н. Моисеева⁴⁹) «Опыт казанской истории древних и средних веков» П.И. Рычкова (также первым называет Г.З. Кунцевич⁵⁰), «Царственная книга» и «Степенная книга» (Г.З. Кунцевич⁵¹), «История о Великом князе Московском» Андрея Курбского (И.З. Серман⁵², К.Ю. Ерусалимский⁵³);

– особые источники поэм «Владимир» и «Царь»: «Повесть временных лет» (упоминается в письме Хераскова Г.Ф. Миллеру 1764 г.⁵⁴), «История Российская от древнейших времен» М.М. Щербатова (1770)⁵⁵, «Киевский синопсис» (1674), «Записки касательно российской истории» Екатерины II (первое издание в Собеседнике любителей

⁴⁵ Лызлов А. Скифская история. – СПб.: Тип. М. ун-та, 1776. – 166 с.

⁴⁶ Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 1. – М.: Тип. М. ун-та, 1769. – 600 с.; Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 2. – М.: Тип. М. ун-та, 1773. – 536 с.

⁴⁷ См. Пастушенко Л.М. Письма М.М. Хераскова к Г.-Ф. Миллеру (1756–1764) // XVIII век. Сб.11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. – Л.: Наука, 1976. – С. 208.

⁴⁸ Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин из российской истории // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: [В 11 т.]. – Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 365–373.

⁴⁹ См. Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. – Л., 1980. – С. 215–226; Моисеева Г.Н. Казанская царица Сююмбике и Сумбека «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). – Т. 12. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 174–187.

⁵⁰ Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних веков. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – 196 с.

⁵¹ Кунцевич Г.З. «Россиада» Хераскова и «История о Казанском царстве» // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. – №1. Отд. 2. – С. 1–2. См. также: Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. – СПб., Тип. И.Н. Скороходова, 1905. – С. 586–588.

⁵² См. Серман И.З. Херасков и Курбский // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН: [В 63 т.]. – Т. 24. – Л., 1969. – С. 353–356.

⁵³ Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского и его читатели // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». – М., 2008. – №10/08. – С. 89.

⁵⁴ См. Пастушенко Л.М. Письма М.М. Хераскова к Г.-Ф. Миллеру (1756–1764) // XVIII век. Сб.11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. – Л.: Наука, 1976. – С. 208.

⁵⁵ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен: [В 14 т.]. – Т. I. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1770. – 325 с.

русского слова, 1783, отдельное издание 1787)⁵⁶; к ним примыкают Воскресенская и Иоакимовская летописи (последняя – в пересказе В.Н. Татищева) – особенно важный источник «Царя» (его называет В.А. Кошелев⁵⁷).

* * *

Дискуссия, известная как «спор о древних и новых»⁵⁸, породила две точки зрения на предмет эпопеи: вымысел, миф и легендарное прошлое⁵⁹ либо исторические события относительной давности. Первые российские теоретики расходились во мнении по этому поводу. Феофан Прокопович в трактате «О поэтическом искусстве» ("De arte poetica", 1705)⁶⁰ со ссылкой на Аристотеля настаивал на преобладании вымысла в эпопее⁶¹. А.П. Сумароков, переведший «Поэтическое искусство» Буало, в своей «Эпистоле о стихотворстве» (в составе отд. изд. «Две эпистолы, в первой из которых предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве», 1748) придерживался классической точки зрения, утверждая, что «сей стих есть полн претворств» и строится на аллегориях и отсылках к античной мифологии⁶² (хотя позднее создал зачин эпопеи на историческую тему⁶³). В.К. Тредиаковский в «Предъизъяснении об ироической пииме», сопровождавшем первое издание «Телемахида» (1766), допускал историческую тематику в эпопее при условии, что «историческому сему Бытию не сродно отнюдь быть взяту, ни Древних, ни Средних, а толь меньше еще Новых веков в Истории, да и ниже всеконечно в Священной, но единственно в оной преудаленной, коя есть времен Баснословных, или

⁵⁶ *Екатерина II*. Записки касательно российской истории // Собеседник любителей русского слова. 1783. – Ч. 2–7. Первое отдельное издание: Записки касательно российской истории. 4.1. – СПб.: Имп. тип., 1787. – 416 с.

⁵⁷ *Кошелев В.А.* Историческая мифология России в творчестве Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: Историческая мифология. Исследования и материалы. – Великий Новгород; Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2014. – С. 76–77.

⁵⁸ Об этом подробно см. *В.Я. Бахмутский*. На рубеже двух веков // Спор о древних и новых / Сост. и вступ. ст. В.Я. Бахмутского. – М.: Искусство, 1985. – С. 7–40.

⁵⁹ *Буало Н.* Поэтическое искусство / Пер. Э.Л. Линецкой, Ред. А.А. Смирнова. Вступ. ст. и коммент. Н.А. Сигал. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. – С. 83.

⁶⁰ Впервые трактат Ф. Прокоповича опубликован в Могилеве в 1786 г., в русском переводе Г.А. Стратановского книга была издана под редакцией А.Н. Егунова в 1961 г.

⁶¹ «...историк рассказывает о действительном событии, как оно произошло; у поэта же или все повествование вымышлено, или, если он даже описывает истинное событие, то рассказывает о нем не так, как оно происходило в действительности, но так, как оно могло и должно было произойти. Это все достигается благодаря вымыслу или воспроизведению...» (*Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве* // Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И.П. Еремина; Акад. наук СССР, Ин-т рус.лит. (Пушк. дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, [Ленингр. отд-ние], 1961. – С. 402).

⁶² *Сумароков А.П.* Эпистола II // Сумароков А.П. Избр. произведения. – Л.: Советский писатель, 1957. – С. 119.

⁶³ См. *Сумароков А.П.* Димитриада // Сумароков А.П. Избр. произведения. – Л.: Советский писатель, 1957. – С. 108–109.

Ироических»⁶⁴. М.В. Ломоносов в отличие от коллег пошел по пути «новых» вслед за Вольтером: во вступлении к «Петру Великому» декларирован исторический принцип эпопеи:

Хотя вослед иду Virgiliю, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Не вымышленных петь намерен я богов,
Но истинны дела, великий труд Петров⁶⁵.

Еще одно определение эпической поэмы дал будущий директор Петербургской академии наук (1775–1783) С.Г. Домашнев в статье «О стихотворстве», напечатанной в «Полезном увеселении» (1762. Май–Июнь). По С.Г. Домашневу, «эпическая поэма стремится дать нам полезные наставления, скрытые под аллегориею важного и геройского действия»⁶⁶.

Херасков в течение многих лет на практике разрабатывал теорию жанра, излагая свои мысли в предуведомлениях к произведениям – «Историческом предисловии», предпосланном «Россияде», в третьем издании (1796), дополненном «Взглядом на эпические поэмы», «Рассуждении о российском стихотворстве» (написано по-французски), сопровождавшем публикацию «Чесменского боя» во французском переводе (1772), предисловиях к другим произведениям. Итогом размышлений Хераскова об эпосе стал «Поэт» (1805)⁶⁷. Херасков вслед за предшественниками определял эпопею как жанр исторический, предмет ее должно составлять событие общенародного или общечеловеческого значения – и рядом оговаривается давность воспеваемых событий: «Эпическая Поэма заключает какое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключение, в бытиях мира случившееся, и которое имело следствием важную перемену, относящуюся до всего человеческого рода – таков есть “Погубленный рай” Мильтонов; или воспевает случай, в каком-нибудь государстве произошедший и целому народу к славе, к успокоению, или наконец ко преобразению его послуживший – такова должна быть поэма ПЕТР ВЕЛИКИЙ, которую, по моему мнению, писать еще не время. Два великие Духа принимались петь Петра Великого, г. Ломоносов и Томас; оба начали –

⁶⁴ Тредиаковский В.К. Предыяснение об ироической пииме // Тредиаковский В.К. Сочинения: [В 3 т.] – Т. 2. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1849. – С. XIX.

⁶⁵ Ломоносов М.В. Петр Великий // Ломоносов М.В. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1986. – С. 280.

⁶⁶ Домашнев С.Г. О стихотворстве // Материалы для истории русской литературы. Издание П.А. Ефремова. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1867. – С. 175.

⁶⁷ Вендитти М., Шруба М. Указ. соч. – Р. 535–561.

оба не кончили. К такому роду поэм должно “Генрияду” Вольтерову – и мою “Россияду”, не сравнивая, однако, слабое мое творение с превосходною эпопеею Вольтеровою...» (Россияда 1796, с. XVII–XIX)⁶⁸.

Историческая концепция Хераскова – один из ключевых факторов, определяющих специфику обработки исторического материала в «Россияде», «Владимире» и «Царе», причем авторское видение истории в них различно. Л.Л. Федотова объединяет поэмы Хераскова в своеобразный цикл, в котором прослеживается структура национальной русской идеи, объединяющей в себе три концепции. По мысли исследователя, «Россиада» изображает соборное движение народа к ментальной модели мира-дома, мира-храма, «Владимир возрожденный» строится на идее патриотизма и христианства как основы духовного бытия, в целом же эпопея содержит концепцию национальной жизни народа⁶⁹. При этом Херасков сравнительно точно придерживался летописного изложения событий, в деталях воспроизводил мысли и действия Владимира⁷⁰.

На наш взгляд, историческая концепция Хераскова в достаточной мере поясняется самим автором в предпосылаемых поэмам предисловиях: покорение Казани в «Россияде» необходимо рассматривать как освобождение Руси от татаро-монгольского притеснения (Россияда 1796, с. XVIII–XIX), во «Владимире» речь идет исключительно о духовном «возрождении» князя Владимира⁷¹, в «Царе» проводятся параллели с Францией, охваченной революцией (Царь 1800, с. IV–V). Каких-либо пространных рассуждений об истории либо историческом процессе вообще в сочинениях Хераскова нет, однако на основании анализа произведений поэта можно сделать вывод, что он полагался на свидетельства летописцев и историков, в ключевых событиях российской истории находил некую закономерность, предопределенность, приведшие к современному благоденствию (сравнительному, не без недостатков) России.

* * *

«Россияда» известна в трех редакциях: 1779 года (отдельное издание)⁷², 1786–1787 годов (в первом томе «Эпических творений»)⁷³, 1796 года (в составе новых, исправленных

⁶⁸ Здесь и далее цитаты из произведений М.М. Хераскова приводятся в современной орфографии.

⁶⁹ Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – С. 18.

⁷⁰ Там же. – С. 23.

⁷¹ Херасков М.М. Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 2. Владимир, поэма эпическая. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. – С. VII–IX.

⁷² Херасков М.М. Россияда. – М.: Тип. М. ун-та, 1779. – 305 с.

⁷³ Херасков М.М. Эпические творения: [В 2 ч.]. – Ч. 1. Россияда. – М.: Тип. М. ун-та, 1787. – XII, 331 с.

и дополненных, «Творений»). В 1807–1812 годах «Творения» переизданы⁷⁴, и в 1820 году заново напечатаны первые «Эпические творения» Хераскова⁷⁵. Еще одно отдельное издание «Россияды» предпринято в 1895 году⁷⁶. В 1961 году в числе избранных произведений Хераскова опубликованы I, X и XII песни «Россияды»⁷⁷. «Владимир возрожденный» публиковался в 1785 году (1-я ред.)⁷⁸, 1786–1787 годах уже под сокращенным заглавием (2-я ред., 2-ой том «Эпических творений»)⁷⁹, 1797 году (3-я ред., 2-ой том «Творений М. Хераскова, вновь исправленных и дополненных»)⁸⁰. Третья редакция вошла в переизданные «Творения» 1809 года⁸¹, а вторая – в «Эпические творения» 1820 года⁸². Недавно были переизданы отрывки из поэмы в книге Н.А. Гранцевой «Чудо о Князе-Крестителе»⁸³. Стихотворная повесть «Царь, или Спасенный Новгород» впервые напечатана в 1800 году и переиздана только в 2018 году⁸⁴. Научные издания «Россияды» и «Владимира» еще остаются делом будущего.

Поэмы «Россияда» и «Владимир» далее цитируются по текстам последних прижизненных редакций (*Херасков М.М.* Творения, вновь испр. и доп.: [В 12 ч.]. – Ч.1: Россияда, эпическая поэма. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. – XX, 340 с.; Там же. – Ч.2: Владимир, поэма эпическая. – 1797. – IX, 361 с.); поэма «Царь» – по единственному прижизненному изданию (<*Херасков М.М.*> Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть. – М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. – [10], 246 с.). В отдельных случаях мы обращаемся и к другим изданиям.

⁷⁴ *Херасков М.М.* Россияда, поэма эпическая: [В 12 ч.]. – Ч. 1. – М.: Тип. Пономарева, 1807. – XVIII, 273 с.

⁷⁵ *Херасков М.М.* Эпические творения: [В 2 ч.]. – Ч. 1. Россияда. – М.: Тип. М. ун-та, 1820. – XXX, 336 с.

⁷⁶ *Херасков М.М.* Россияда: Поэма в 12-и песнях. – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1895. – VI, 288 с. (Русская классная библиотека, изд. под. ред. А.Н. Чудинова: Пособие при изучении русской литературы: Вып. 20)

⁷⁷ *Херасков М.М.* Россияда. Поэма эпическая <отрывки> // *Херасков М.М.* Избр. произв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.В. Западова. – М.–Л.: Советский писатель, 1961. – С. 177–238.

⁷⁸ *Херасков М.М.* Владимир возрожденный, эпическая поэма / Изданием типографической компании. – М.: Унив. тип., 1785. – 245 с.

⁷⁹ *Херасков М.М.* Владимир, эпическая поэма. – М.: Унив. тип., 1787. – 244 с. – (Эпические творения М. Хераскова: [В 2 ч.]. – Ч. 2). В того же набора было отпечатано отдельное издание поэмы.

⁸⁰ *Херасков М.М.* Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 2. Владимир, поэма эпическая. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. – 368 с.

⁸¹ *Херасков М.М.* Творения: [В 12 ч.]. – [2-е изд.]. – Ч. 2. Владимир. – М.: В вольной Тип. Пономарева, 1809. – 294 с.

⁸² *Херасков М.М.* Эпические творения М. Хераскова: [В 2 ч.]. – Ч. 2. Владимир – М.: Тип. М. ун-та, 1820. – 294 с.

⁸³ *Херасков М.М.* Владимир <отрывки> // Гранцева Н.А. Чудо о Князе-Крестителе. – СПб.: Журнал «Нева», 2016. – С. 85–215.

⁸⁴ *Херасков М.М.* Царь, или Спасенный Новгород: Стихотворная повесть / Изд. подгот., коммент. В.А. Кошелев. – Великий Новгород: Печатный двор, 2018. – 240 с.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ И ВЫМЫСЕЛ В ПОЭМЕ «РОССИЯДА»

Своим успехом у современников «Россияда» во многом обязана предмету повествования. Творение Хераскова рассказывает о покорении Казани и событиях, непосредственно предшествовавших походу 1552 года. Эта тема оказалась очень актуальной в эпоху русско-турецких войн 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., а также присоединения Крыма к России и формальной ликвидации Крымского ханства в 1783 году. А.Н. Соколов в своей работе отмечает: «Россияда» была начата в обстановке русско-турецкой войны. Тема и идея «Россияды» приобретали в атмосфере русско-балканских отношений актуальность и насыщали поэму актуальным злободневным политическим содержанием. Херасков своей монументальной эпопеей стремился поддержать политику правительства в так называемом восточном вопросе»⁸⁵. Г.А. Гуковский также указывает, что в «Россияде» преобладает современная автору проблематика, каковой является борьба России с иноверческим (мусульманским) государством. Как известно, во второй половине XVIII века Российская империя ставила целью распространение своего влияния в Европе и на Черном море, так что «Россияда» «в образах прошлого пропагандирует и прославляет политику русского государства. Конечно, эта идея, присущая поэме, могла примирить с нею все слои дворянства и даже правительство. Наконец, с этой же идеей связана и пропаганда христианства, пронизывающая поэму»⁸⁶. О злободневной политической проблематике «Россияды» говорит Л.Л. Федотова, по мысли которой, Херасков с помощью событий давнего прошлого точно передал в поэме остроту политической обстановки в России XVIII века, так что современники поэта воспринимали произведение «как в высшей степени злободневное»⁸⁷. Противостояние Российской и Османской империй действительно в диахронии сопоставимо с противостоянием Московского государства и Казанского ханства. Борьба с татарскими ханствами в течение нескольких столетий оставалась одним из самых острых вопросов внешней политики России как в XVI в., когда осколки татаро-монгольского государства сохраняли независимость и проводили агрессивную политику в отношении русских земель, так и в XVIII в., пока Крым находился в вассальной зависимости от Турции и представлял угрозу рубежам

⁸⁵ Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М.: Изд-во М. ун-та, 1955. – С. 162.

⁸⁶ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. Учебник. – М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. – С. 198.

⁸⁷ Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – С. 17.

Российской империи. Завоевание Казани Иваном IV, помимо материальных и политических выгод, значительно ослабляло позиции противников Москвы и укрепляло международный авторитет Московского государства, в свою очередь присоединение Крыма, последнего их татарских ханств, можно было расценивать как завершение многовекового противостояния. Успехи Ивана IV в борьбе с Казанью автор «Россияды» проецировал на современную ему ситуацию, предрекая громкие военные победы и славу Екатерине II, что обеспечило положительные отклики на произведение.

Работать над «Россиядой» Херасков начал в 1771 году, и в 1779 году поэма была впервые опубликована отдельным изданием⁸⁸. В 1786–1787 годах «Россияда» в исправленном виде (2-я ред) вошла в первый том «Эпических творений» вместе с «Чесменским боем»⁸⁹, а затем (3-я ред.) вышла в составе новых, исправленных и дополненных, «Творений» в 1796 году⁹⁰. В 1807–1812 годах «Творения» были переизданы, «Россияда» также осталась в первом томе⁹¹. В 1820 году в типографии Московского университета А.С. Ширяев заново печатает первые «Эпические творения» Хераскова, цензурируемые А.Ф. Мерзляковым⁹². Помимо этого, «Россияда» отдельно переиздавалась в 1895 году⁹³. В 1961 году были опубликованы избранные произведения Хераскова, куда вошли I, X и XII песни «Россияды»⁹⁴. Научного издания «Россияды» не было, разные редакции поэмы практически не сопоставлялись⁹⁵.

Херасков одним из первых в русской литературе обратился к эпохе Ивана IV, сделав царя главным героем произведения. Впоследствии в историографии и литературе сложилось две традиции изображения монарха, вошедшего в историю под прозвищем Грозный: справедливый и милостивый или жестокий правитель. Особенно популярен образ Ивана IV в драматургии XIX века. Г.З. Кунцевич перечислил основные

⁸⁸ Херасков М.М. Россияда. – М.: Унив. тип., 1779. – 305 с.

⁸⁹ Херасков М.М. Эпические творения М. Хераскова: [В 2 ч.]. – Ч. 1. Россияда – М.: Унив. тип., 1787. – XII, 331 с.

⁹⁰ Херасков М.М. Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 1. Россияда, эпическая поэма. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. – 340 с.

⁹¹ Херасков М.М. Творения: [В 12 ч.]. – [2-е изд.]. Ч. 1. Россияда, поэма эпическая. – М.: Тип. Пономарева, 1807. – XVIII, 273 с.

⁹² Херасков М.М. Эпические творения М. Хераскова: [В 2 ч.]. – Ч. 1. Россияда – М.: Унив. тип., 1820. – XXX, 336 с.

⁹³ Херасков М.М. Россияда: Поэма в 12-и песнях. – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1895. – VI, 288 с. (Русская классная библиотека, изд. под ред. А.Н. Чудинова: Пособие при изучении русской литературы: Вып. 20)

⁹⁴ Херасков М.М. Россияда. Поэма эпическая <отрывки> // Херасков М.М. Избр. произв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.В. Западова. – М.; Л.: Сов. писатель, 1961. – С. 177–238.

⁹⁵ Единственный опыт см.: Хворостьянова Е.В. Проблема поэтической эквивалентности в русской литературе XVIII века: (Две редакции «Россияды» М.М. Хераскова) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. – СПб.: Наука, 2004. – С. 288–294.

произведения, на которые «Россияда» оказала непосредственное влияние: «Сумбека или падение Казанского царства. Трагедия в пяти действиях» С. Глинки (1806), «Покоренная Казань или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным. Трагедия в пяти действиях, в стихах» А. Грузинцева (1811), «Иоанн или взятие Казани. Трагедия в пяти действиях, в прозе» М. Рыбушкина (1814), «Сумбека, или покорение Казанского Царства, большой героический балет в 4 действиях» (1832), в предисловии к которому сказано: «Автор балета следовал за Поэмой Россияда, а не историею Русскою»⁹⁶. К этому списку следует добавить оперу Г.Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» (1814)⁹⁷, которая, как и трагедия Грузинцева, рассказывает о событиях, воспетых ранее в «Россияде», однако уже у Державина образ Ивана IV претерпевает изменения: царь, разочарованный изменой казанцев, намерен сурово карать предателей и быть грозным. Позже правление Ивана Грозного, его противоречивые поступки, вымышленные или основанные на свидетельствах историков события легли в основу сюжетов «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова (1837), драм «Псковитянка» Л.А. Мея (1859) и «Василиса Мелентьева» А.Н. Островского (1867) (обе рассказывают о печальной участи жен Ивана IV, последняя основана на неоконченной хронике «Василиса Мелентьева» С.А. Гедеонова), романа «Князь Серебряный» А.К. Толстого (1863), трагедия «Смерть Иоанна Грозного» А.Н. Толстого (1866) и др.

Вопрос об источниках «Россияды» затрагивался в ряде работ. В статье «Новоевропейский эпос в “Россияде” Хераскова А.И. Любжин выделяет три группы источников поэмы: 1) собственно античные и новоевропейские эпопеи; 2) Священное Писание; 3) древнерусские хроники и более поздняя историографическая традиция»⁹⁸. В работах ученого последовательно рассматриваются перечисленные группы источников. Ранее этой темы касались А.Ф. Мерзляков, А.Н. Соколов, А.В. Западов и другие исследователи.

Насыщенность «Россияды» реминисценциями из литературных источников в XIX веке воспринималась отрицательно. И.Я. Порфирьев, например, находил «Россияду» компиляцией сцен, за некоторыми исключениями подражающих классическим образцам – «Илиаде», «Энеиде», «Освобожденному Иерусалиму» и «Генриаде»; события и

⁹⁶ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. – СПб., Тип. И.Н. Скороходова, 1905. – С. 589.

⁹⁷ Этому посвящена наша отдельная статья (Семенова А.В. «Россияда» М.М. Хераскова как один из источников оперы Г.Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» // Литературоведческий журнал. – 2016. – № 39. – С. 46–53).

⁹⁸ Любжин А.И. Новоевропейский эпос в «Россияде» Хераскова // Русская литература. – 2010. – №1. – С. 3–25.

действующие лица российской истории инородно помещаются в древне-классическую или средневековую рыцарскую обстановку; в образах русского царя, бояр и воевод совмещены черты героев античных и европейских эпопей, что выглядит несообразно; положительная оценка современников объясняется тем, что в «Россииде» находили то же, что в образцовых эпиках, при этом еще не было понимания, как придать произведению народный характер и ввести в повествование лица и события из народной истории⁹⁹. Современный исследователь творчества М.М. Хераскова А.И. Любжин в одной из своих статей возражает И.Я. Порфирьеву: «...упреки в духе романтической и постромантической критики сами по себе свидетельствуют о чрезвычайно тревожном факте – попытке судить произведение, написанное по определенному своду жанровых законов, на основании совершенно другого, несовместимого, который выдается за незыблемую и окончательную мудрость; но, если пользоваться таким критерием, то придется пожертвовать не только Херасковым и, скажем, Вольтером, – не устоит и сам Вергилий»¹⁰⁰.

А.Н. Соколов в своей диссертации отмечает, что в «Россииде» почти отсутствует античная мифология: «Античность здесь представлена преимущественно героями древности, припоминаемыми в параллель к русским действующим лицам: Иракл, Атрид, Одиссей, Язон, Эней, Дидона и др. Из мифологических персонажей, кроме природных духов типа наяд и дриад, без которых не обходится ни один классицистский пейзаж, у Хераскова действует только античный бог любви, столь же неразлучный с классицизмом Эрот, или Амур, и упоминается имя его матери Киприды»¹⁰¹. В статье «Россиида» М.М. Хераскова и латинская эпическая поэзия» А.И. Любжин доказывает, что поэма Хераскова во многом схожа с латинскими эпическими поэмами. По мнению исследователя, «Метаморфозы» Овидия послужили источником ряда поэтических образов, например, образа Медеи, но никак не повлияли на структуру поэмы Хераскова в целом. «Фарсалия» Лукана явилась образцом для обработки отдельных важных эпизодов «Россииды», определила структуру больших повествовательных кусков поэмы Хераскова, но не эпоса в целом. Самое серьезное влияние на «Россииду», полагает А.И. Любжин, оказала «Энеида». Поэма Вергилия, поставляя немало образов, сравнений и фигур, весьма повлияла на композицию «Россииды» в целом. А.И. Любжин замечает, что речь идет не о прямом заимствовании, а о достаточно глубокой переработке¹⁰².

⁹⁹ Порфирьев И.Я. История русской словесности: [В 2 ч.]. – Ч. II, отд. 2. – Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1898. – С. 188.

¹⁰⁰ Любжин А.И. Михаил Матвеевич Херасков. – С. 7.

¹⁰¹ Соколов А.Н. Указ. соч. – С. 161.

¹⁰² См. Любжин А.И. Новоевропейский эпос в "Россииде" Хераскова. – С. 28–43.

Еще большее влияние, чем античные, на «Россиюду» оказали новоевропейские литературные образцы. Самая значимая роль среди эпических образцов Хераскова, как отмечает А.И. Любжин¹⁰³, традиционно в отечественной филологии отводится «Освобожденному Иерусалиму» Т. Тассо. На ряд заимствований из нее указывал еще А.Ф. Мерзляков, например, описание зноя в «Россиаде» критик считал подражанием «Освобожденному Иерусалиму». Ю.В. Стенник и В.П. Степанов в своем труде высказывают предположение, что композиционный зачин «Россиады» (явление Иоанну тени Александра Тверского) заимствован у Т. Тассо (сон Готфрида Бульонского). По мнению ученых, отдельные текстуальные реминисценции рассеяны по всему тексту эпопеи Хераскова¹⁰⁴. А.И. Любжин находит, что в работе Ю.В. Стенника и В.П. Степанова роль Тассо чрезмерно преувеличена¹⁰⁵, хотя влияние «Иерусалима» на «Россиюду» неоспоримо: в частности, поэма Тассо послужила образцом при описании татарского лагеря.

В «Россиаде» нашли отражение и другие европейские эпопеи. А.И. Любжин обращает внимание на некоторые эпизоды в произведении Хераскова, которые восходят к французским поэмам – «Генриаде» Вольтера и «Хлодвигу» Сен-Дидье (речь, прежде всего, идет о посещении Иоанном Храма судьбы, а также об образе друга государя). Кроме того, Иоанну присущи некоторые черты Генриха III и Генриха IV¹⁰⁶. Еще одним источником можно назвать «Потерянный рай» Дж. Милтона – посредник библейского материала. Для Хераскова важны ад и Эдем у Милтона, аллегории Злочестия и Раздора сходны с милтоновским Сатаной. Однако, по справедливому замечанию А.И. Любжина, подражание Милтону более свойственно другому сочинению Хераскова – эпиллию «Вселенная»¹⁰⁷.

А.Н. Соколову принадлежит наблюдение о близком соседстве ссылок сразу на двух итальянских эпиков – Тассо и Ариосто. С этим сопряжено пересечение двух стилей в поэме Хераскова: «легкого стиля», связанного с романтическими элементами «Россиады», и собственно эпического стиля¹⁰⁸. С А.Н. Соколовым соглашается А.И. Любжин. Кроме

¹⁰³ См. Любжин А.И. Новоевропейский эпос в "Россиаде" Хераскова. – С. 3–25.

¹⁰⁴ См. Стенник Ю.В., Степанов В.П. Литературно-общественное движение конца 1760-х–1780-х годов // История русской литературы: [В 4 т.]. – Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – С. 624.

¹⁰⁵ См. Любжин А.И. Михаил Матвеевич Херасков. – С. 12.

¹⁰⁶ См. Любжин А.И. Новоевропейский эпос в "Россиаде" Хераскова. – С. 3–25.

¹⁰⁷ Подробнее об этом рассуждает В.Л. Коровин (см. Коровин В.Л. Херасков и Милтон: «Вселенная» и «Потерянный рай» // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2016. – Т. 75. – №6. – С. 48–54).

¹⁰⁸ См.: Соколов А.Н. Указ. соч. – С. 176.

того, в тексте «Россиады» содержится прямая ссылка на Ариосто, хотя «Неистовый Роланд» во «Взгляде на эпические поэмы» не упоминается:

Алиною Астольф обманут так же был.

(Россиада 1796, с. 96)

А.И. Любжин в свою очередь называет труд Хераскова эпосеями не только исторической, но и христианской, причем в полной мере христианско-православной¹⁰⁹. Ученый находит в «Россиаде» ряд непосредственных и опосредованных отсылок к Св. Писанию. Кроме того, А.И. Любжин полагает, что «...христианизация эпической формы не сводится только и исключительно к реминисценциям Св. Писания. Более того, они представляют собой лишь один – и не самый значимый – ее аспект»¹¹⁰. По мнению исследователя, Херасков, следуя античной традиции, создает в эпосе контраст, противопоставляя восхождение на небеса и низвержение в ад: «...ад связан с обращенностью в прошлое, с гордыней и насилиями, приведшими к гибели Казанскую державу, а рай – с устремленностью в будущее, с христианскими добродетелями, которые обеспечат победу России и в дальнейшем послужат основой ее величия»¹¹¹. Еще одной причиной христианизации «Россиады», как полагает А.И. Любжин, является актуальное в период русско-турецких войн противостояние православия исламу, одновременно отвечающее жанровой традиции (Тассо)¹¹².

Создавая историческую эпопею, Херасков обращался к собственно историческим источникам. По утверждению А.Н. Соколова, «Херасков не обманывал читателя, когда ссылался на письменные и устные «источники, использованные в поэме. Он опирался на реальные факты еще в «Чесменском бое». Как и в этой поэме, в «Россиаде» дан ряд подстрочных исторических примечаний. Разыскание исторических источников «Россиады», например, «Казанского летописца», приводит к положительным результатам»¹¹³.

¹⁰⁹ См. Любжин А.И. Христианские источники «Россиады» М.М.Хераскова // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Вып.4. – Петрозаводск, 2005. – С. 86.

¹¹⁰ Там же. – С. 91.

¹¹¹ Там же. – С. 91.

¹¹² Там же. – С. 93.

¹¹³ Соколов А.Н. Указ. соч. – С. 164.

«Казанскую историю» (или «Казанский летописец») как один из главных исторических источников «Россияды»¹¹⁴ упоминает уже А.Ф. Мерзляков¹¹⁵, позже об этом говорят Г.З. Кунцевич, Д.Д. Благой¹¹⁶, Г.Н. Моисеева, А.В. Западов¹¹⁷, Ю.Н. Сидорова¹¹⁸ и др. Г.З. Кунцевич показывает сходство текстов «Казанской истории» и «Россияды», называя еще один вероятный источник Хераскова – труд П.И. Рычкова¹¹⁹: «История, как мы видели, была весьма распространена, и в XVIII веке чтение ее, по выражению ее издателя, не неприятно было любителям истории: вполне естественно, что Херасков, восемь лет работавший над «Россиадой», познакомился, в числе других «письменных известий» о Казани, и с Историей. О ней он мог узнать, между прочим, и из «Опыта Казанской истории» П. Рычкова. Кроме того, должно сказать, что, быть может, выбор темы для «Россиады» и знакомство Хераскова с Историей было, до некоторой степени, следствием влияния Г.Ф. Миллера, который несомненно интересовался историей Казани»¹²⁰. Исследователь также ставит вопрос о том, следует ли «Казанскую историю» воспринимать как собственно исторический источник: «Уже в исторических трудах XVIII века встречается пользование Историей, как историческим источником, но без всякого критического отношения к ее известиям. Так, мы видели, Историей воспользовался Татищев в своей «Истории российской». Уже в XVIII веке появилось сомнение в достоверности некоторых известий Истории. Так Рычков в «Опыте казанской истории»

¹¹⁴ Известные списки «Истории о Казанском царстве»: рукопись Казанской Духовной Академии из бывшего собрания Соловецкого монастыря (по «Описанию рукописей Соловецкого монастыря», это №669; скоропись XVII века, 188 листов, 101 глава); сборник В.И. Срезневского (скоропись XVII века, 175 листов); рукописный сборник Императорской Публичной Библиотеки из собрания Ф.И. Буслаева; рукопись Румянцевского музея из собрания В.М. Ундольского (древнейший список, относимый академиком А.И. Соболевским к концу XVI–началу XVII вв.); рукопись Московской Духовной Академии; сборник Первого отделения библиотеки Императорской Академии Наук; рукопись Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел (описание этой рукописи дано в статье Г.З. Кунцевича: «Печатное издание «Истории о Казанском царстве 1791 года» (Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – Т. V. – Кн. 3. – СПб., 1900. – С. 996–1006); рукопись Императорской Публичной Библиотеки; хронограф Императорской Публичной Библиотеки из древлехранилища Погодина. Впервые «Казанская история» была издана в 1791 году: «История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам».

¹¹⁵ См. Мерзляков А.Ф. Россияда, поэма эпическая г-на Хераскова // Амфион. – М., 1815. – №1. – С. 32–98; – №2. – С. 36–77; – №3. – С. 94–123; – №5. – С. 81–115; – №6. С. 1–41; – №8. – С. 86–115; – №9. – С. 49–128.

¹¹⁶ См. Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. – Изд. 3-е. – М., 1955. – С. 359–360.

¹¹⁷ См. Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избр. произведения / Вступ. ст., подг. текста и прим. А.В. Западова. – Л., 1961. – С. 33.

¹¹⁸ См. Сидорова Ю.Н. «Россияда» М.М. Хераскова и «Казанская история» (К вопросу об источниках поэмы) // Литература Древней Руси: Сб. трудов. – Вып.1. – Л., 1975. – С. 97–104.

¹¹⁹ Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – 196 с.

¹²⁰ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. – С. 576.

(1767) усомнился в достоверности сведений, сообщаемых памятником о начале Казани, и отверг их»¹²¹. Позже Г.Н. Моисеева проводит схожие исследования, показывая влияние «Казанской истории» на «Россияду»¹²². Г.З. Кунцевич же обнаруживает связь между поэмой Хераскова и «Царственной книгой» и «Степенной книгой»: «Как известно, «Россияда» напечатана впервые в 1779 г. До этого времени из источников о казанских походах была напечатана Царственная книга, в 1769 г., и Степенная книга (ч. II, в 1775 г.). При чтении «Истории о Казанском царстве» можно видеть, что она имеет в некоторых местах большое сходство с Царственной и Степенной книгой: в «Россияде» можно указать и такие стихи, в соответствие которым можно привести страницы как «Истории», так и Царственной и Степенной книги»¹²³. Еще одним источником Хераскова является «История о великом князе Московском» Андрея Курбского. И.З. Серман в работе «Херасков и Курбский» приводит подтверждения тому, что Херасков использовал труд Курбского в качестве источника «Россияды»: исследователь установил, что «Херасков обратился к тому древнерусскому автору, у которого он мог найти и любопытную психологическую характеристику будущего героя «Россияды» – Иоанна, и талантливую, хотя и пристрастную оценку значения единства царя с боярами в доопричинный период правления Грозного, – к князю Андрею Курбскому»¹²⁴. Среди недавних исследований выделяется работа К.Ю. Ерусалимского, в которой обосновано предположение, что источником «Россияды» в период с 1786 по 1796 служила Музейная рукопись «Истории»: в поэме Хераскова наблюдаются почти цитатные совпадения с рукописью¹²⁵. Хераскову

¹²¹ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. – С. 589–590.

¹²² См. Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. – Л., 1980. – С. 215–226. Моисеева Г.Н. Казанская царица Сююмбике и Сумбека «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). – Т. 12. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 174–187.

¹²³ Кунцевич Г.З. «Россияда» Хераскова и «История о Казанском царстве» // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. – №1. Отд. 2. – С. 1–2. См. также Кунцевич Г.З. 1905. – С. 586–588.

¹²⁴ Серман И.З. Херасков и Курбский // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН: [В 63 т.]. – Т. 24. – Л., 1969. – С. 354.

¹²⁵ «...можно предположить, что Херасков использовал для работы над «Россиадой» Музейную рукопись, – по крайней мере, между 1786 и 1796 г. Поэтический дар Хераскова открыл для читателей добродетельного вельможу Курбского, во времена которого «искренно отечество любили», перед царем «стенать и сетовать дерзали», борясь с пороками и отстаивая правду. Херасков объявляет своей задачей прославление деяний молодого царя Ивана IV и во многом следует «Истории» А.М. Курбского. Почти цитатные совпадения с ней видны в словах «Россиады» о том, как Бог, видя беды России, «руку помощи простерти к ней помыслил», послав ей Сильвестра. Другой деятель Избранной рады, Алексей Адашев, также изображен по мотивам «Истории»: «Так в мраке иногда бывает Ангел зрим!». Оттуда же заимствовано определение «Избранной Думы», которое поэт в глоссе объясняет так: это «вышнее правительство, что ныне Сенат». Благодаря деятелям этой Думы в окружении Ивана IV последний изгоняет из своего

также была доступна «Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054», в одном из писем к Г.Ф. Миллеру от 1764 г. поэт интересовался выходом труда из печати¹²⁶, хотя сведений о казанском походе Ивана IV «Российская история», разумеется, не содержит. Однако в другой работе М.В. Ломоносова – «Идеи для живописных картин из российской истории» – упоминается сведение царицы Сумбеки и ее сына с казанского престола¹²⁷. Обращался Херасков и к «Российской истории» В.Н. Татищева¹²⁸: о периоде правления Ивана Грозного рассказывает 5 часть, найденная М.П. Погодиным в 1843 г. и изданная в 1848 г., но в предисловии ко 2 тому, напечатанному в 1773 г., заходит речь об Иване Грозном¹²⁹.

К числу источников «Россияды» необходимо добавить «Скифскую историю» А.И. Лызлова (1-е изд. 1776)¹³⁰, при создании которой, по утверждению Г.Н. Моисеевой, в качестве исторического источника привлекалась «Казанская история»¹³¹, а также «Ядро российской истории» А.И. Манкиева¹³². Вероятно, Херасков имел возможность ознакомиться с материалами Никоновской летописи (о периоде правления Ивана IV и походе на Казань рассказывает 7 часть, изданная в 1791 г.¹³³), однако специального исследования, подтверждающего связь текстов, нет.

жилища «развраты, клевету, коварство, лесть, обман», оставляет «праздную жизнь», отвергает «от очей соблазнов темноту» и из «грознаго Царя» становится «незлобен». Эта оценка вполне согласуется с «Историей» и Третьим посланием Курбского Грозному. Отрицательные герои из царского окружения (в первую очередь, опричники и Глинские) тоже соответствуют образам «Истории» (*Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского и его читатели // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». – М., 2008. – №10/08. – С. 89).

¹²⁶ «Если вам известно, прошу меня уведомить, не вышла ли из печати Российская история господина Ломоносова, или скоро ли выйдет». Цитируется по *Пастушенко Л.М.* Письма М.М. Хераскова к Г.-Ф. Миллеру (1756–1764) // XVIII век. Сб.11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. – Л.: Наука, 1976. – С. 208.

¹²⁷ *Ломоносов М.В.* Идеи для живописных картин из российской истории // Полное собрание сочинений: [В 11 т.] – Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 365–373.

¹²⁸ Об этом упоминает Г.З. Кунцевич (см. выше), а позже Л.Л. Федотова (*Федотова Л.Л.* Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – С. 68).

¹²⁹ *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 2. – М.: Тип. М. ун-та, 1773. – С. 3.

¹³⁰ *Лызлов А.* Скифская история. – СПб.: Тип. М. ун-та, 1776. – 166 с.

¹³¹ См. *Моисеева Г.Н.* «Казанская история» в творчестве М.В. Ломоносова // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). – Т. 24. – Л.: Наука, 1969. – С. 357.

¹³² <*Манкиев А.И.*> Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием <Г.Ф. Миллера> и о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых. Изданием книгопродавца и университетского переплетчика Христиана Ридигера. – М.: Тип. М. ун-та, 1770. – [16], 392, [8] с.

¹³³ Русская летопись по Никонову списку: [В 8 ч.]. – Ч. 7 / Под смотрением Императорской Академии наук. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1791. – 359 с.

Фактический материал, составляющий основу «Россияды», подвергся литературной обработке, вследствие чего в поэме появились вымышленные события и персонажи, а образы и поступки реальных лиц не всегда соответствуют свидетельствам историков. В Историческом предисловии к поэме Херасков пояснял свою позицию относительно фактического материала: «Повествовательное сие творение расположил я на исторической истине, сколько мог сыскать печатных и письменных известий, к моему намерению принадлежащих; присовокупил к тому анекдоты, доставленные мне из Казани, бывшим начальником Университетских гимназий в 1770 году. Но да памятуют мои читатели, что как в эпической поэме верности исторической, так в деписаниях поэмы искать не должно. Многое отметал я, переносил из одного времени в другое, изобретал, украшал, творил и созидал. Успел ли я в предприятии моем, о том не мне судить; но то неоспоримо, что эпические поэмы, имеющие в виду своем иногда особливые намерения автора, обыкновенно по таковым, как сие, правилам сочиняются» (Россияда 1796, с. XIV).

Аналогичное суждение находим позднее в предисловии к роману «Кадм и Гармония»: «Предупреждаю моих читателей, что в моем сочинении не всегда я держался исторической и географической точности; я последовал в том обыкновенной вольности Писателей повествовательных творений. Дидона у Виргилия полагается современною Энею, хотя Дидона гораздо прежде Виргилиева Героя существовала; Сезострис во дни Телемака у Фенелона царствует Египтом, но Царь сей за долго до сего времени жил в мире. – Впрочем, мое повествование не есть ни история, ни землеописание, следственно от строгостей летосчислений освобождается»¹³⁴.

А.Н. Соколов охарактеризовал историческую концепцию «Россияды» как условную реконструкцию действительности, оставляющую простор для фантазии автора и читателя. Художественный метод Хераскова А.Н. Соколов сравнивает с полотнами классической живописи с их «строго рассчитанной композицией, обобщенно-рационализированными фигурами, условным одеянием, абстрактно-типичными позами, схематически-неопределенным фоном, аллегорическими аксессуарами»¹³⁵. Факты и подробности, почерпнутые из исторических источников, включены автором в воображаемую картину покорения Казани, которая «не только не соответствует реальной исторической действительности, но и не ставит задачей дать такое соответствие. Задавшись целью воспеть «России торжество, разрушенну Казань», Херасков воплощает в грандиозной картине, явившейся плодом его «изобретения», по терминологии теоретиков

¹³⁴ Херасков М.М. Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 9. Кадм и Гармония: Древнее повествование, исправленное и дополненное. Повести. – М.: В Унив. тип. у Хр. Клаудия, 1801. – С. IX.

¹³⁵ Соколов А.Н. Указ. соч. – С. 164.

того времени, идею Казанской победы. Он был бы не классицистом, а реалистом, если бы шел иным путем, если бы исходил из исторической действительности. Он не был бы историческим поэтом, если бы в «изобретенные им образы» не внес каких-то элементов исторической действительности. Черты исторической правды в «Россияде» заключаются не в художественном представлении эпохи, событий и лиц, а в их рациональном понимании, не в образе, а в идее. В меру доступного своей эпохе и своей социальной группе научного познания истории Херасков создает в поэме не лишенную историчности концепцию изображаемых им событий, равно как и общего хода русской истории»¹³⁶.

Таким образом, Херасков, вырабатывая на практике собственный подход к эпосе на историческую тему, разграничивал литературу и историю, подчеркивая, что задача поэта состоит не в точности изложения знаменательных событий, а в создании красочной картины прошлого, отвечающей правилам жанра. Авторское видение исторических событий сложилось в первую очередь под влиянием изученных им источников, о которых речь шла выше, и литературных образцов, послуживших «поставщиками» ряда мотивов, образов, оборотов сюжета, традиционных элементов поэмы, часто снижающих достоверность повествования. Ввиду большого количества свидетельств о покорении Казани Херасков, работая над «Россиядой», имел возможность отбирать сведения, отвечающие его замыслам. Мы допускаем, что исторические несоответствия, имеющие место в «Россияде», в основном преднамеренны и выполняют определенные функции в произведении.

1.1. Образ врага

Согласно классическим канонам, эпос предполагает высокий предмет: в ней надлежит воспевать деяния выдающихся людей, решившие судьбу страны, народа, важные вехи в истории государства, и предпочтение следует отдавать событиям, достаточно удаленным от времени создания поэмы, – М.М. Херасков понимал эпос именно так (см. цитату из «Предупреждения об исторической пииме» (Россияда 1796, с. XVII–XIX)). Приступая к созданию «Россияды», поэт остановил свой выбор на покорении Казанского царства – событии, которое в XVIII–XIX вв. уже не воспринималось как нечто грандиозное, о чем свидетельствует критическое замечание П.М. Строева по поводу несоответствия предмета «Россияды» масштабу эпоса: «Главное достоинство поэмы состоит в высоте ее предмета. Это найдете вы во всех главных стихотворцах. Гомер

¹³⁶ Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М.: Изд-во М. ун-та, 1955. – С. 164–165.

воспеваает взятие Трои; Виргилий – основание своего отечества; Тасс – взятие Святого града; Мильтон – падение праотцев. Херасков намерен петь разрушение Казани. Предмет сей может ли быть великим? Всякой, несколько знающий историю России, скажет противное. Казань никогда не находилась на такой степени величия, чтобы могла быть страшною для России»¹³⁷. Польский исследователь Адам Дрождек замечает, что поход на Казань в действительности был актом агрессии Московского государства¹³⁸. Херасков счел нужным во «Взгляде на эпические поэмы» напомнить современникам об историческом значении победы над Казанью: «Горе тому Россиянину, который не почувствует, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину, и сколь великую славу приобрело наше отечество от разрушения Казанского царства! Надобно перейти мыслями в те страшные времена, когда Россия поработана была Татарскому игу – надобно вообразить набеги и наглость Ордынцев, внутрь нашего государства чинимые – представить себе Князей Российских раболепствующих и зависящих от гордого или уничижительного самовластия Царей Казанских – видеть правителей Татарских не только по городам, но и по всем селам учрежденных, и даже кумиров своих в самую Москву присылающих, для поклонения им князей обладающих – надобно прочесть внимательно всю историю страдания нашего отечества, во время его поработнения Ордынцам – и вдруг вообразить Россию над врагами своими торжествующую, игу мучителей своих свергшую, отечество наше победоносными лаврами увенчанное – и молодого Государя, прежним своим законодателям кроткие законы предписующего» (Россияда 1796, с. XVIII–XIX).

В данном случае точку зрения Хераскова уместно соотносить не столько с мнением его современников, сколько с восприятием события современниками Ивана Грозного. В летописях, в частности в «Царственной книге», а также в «Казанской истории» и «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского, покорение Казани представлено войной за правую веру, о чем подробнее речь пойдет ниже. Казань действительно досаждала Московскому государству, была опасным, агрессивным соседом, однако недостаточно сильным, чтобы угрожать суверенитету России. Как известно, Казанское ханство возникло в результате ослабления и распада бывшей монгольской империи в 1438 г., в то время как Россия усиливалась. Со времени правления Ивана III предпринимались походы русской армии на Казань, и, согласно одному из источников «Россияды» – «Ядру российской истории», «...от того времени Татары

¹³⁷ Строев П.М. О Россияде, поэме г. Хераскова (Письмо к девице Д.) // Современный наблюдатель российской словесности. – 1815. – Ч.1. – №1. – С. 17.

¹³⁸ См.: Drozdek, Adam. Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems // Ricerche Slavistiche 11 (57) 2013. – P. 95.

Казанские, которые произошли от Золотой орды, сами под Руским владением стали, и Царей им Русские Самодержцы ставили» (Ядро российской истории 1770, с. 173).

Выбор предмета «Россияды» мотивировался созданием в поэме образа сильного врага, угнетающего Московское государство. В XVI веке Казань все еще ассоциировалась в сознании людей с Золотой Ордой, под игом которой Русь пребывала в течение почти трех столетий. М.М. Херасков воскрешал воспоминания о силе и власти монгольского государства, отождествлял казанцев с ордынцами, акцентируя их принадлежность к одному, враждебному христианской Руси, миру, и придавая вес Казанскому ханству, покорение которого, соответственно, представлялось событием национального значения. Уже в предшествующем непосредственно «Россияде» «Взгляде на эпические поэмы» автор смешивает Орду и Казань, приписывая второй беды, творимые первой (см. цитату выше). Далее в поэме Херасков неоднократно именует казанцев ордынцами и наоборот, например подменяет собственно золотоордынцев казанцами, вспоминая в поэме стояние на реке Угре:

С тех мест народ, Угра где с шумом протекает,
Там храбрость Иоанн навеки утвердил,
Когда при сих брегах казанцев победил.
(Россияда 1796, с. 80–82)

Нигрин, посылая Рамиду в Казань, говорит:

«Хочу я дочь мою к Злотой орде отправить...»
(Россияда 1796, с. 301)

Казанская царица Сумбека называет свое царство Ордынским:

Что делать? Я должна супруга вам представить,
Который бы умел Ордынским царством править.
(Россияда, 1796, с. 50)

Некий пророк именует казанцев ордынцами:

Увы, Казань! Увы! стена он вещал,
Не жить ордынцам здесь!..
(Россияда, 1796, с. 50)

Иоанн отождествляет Казанское ханство с Ордой:

Отважиться ли нам с Ордами к трудной брани,
Иль в страхе погребстись и им готовить дани?
(Россияда, 1796, с. 25)

Андрей Курбский в поэме говорит об Ордах, подразумевая Казань:

Не робкими нам быть, но храбрыми полезно.
Орды ужасны нам, ужасны будем им.
Ужасны, ежели мы леность победим;
Отмстим за прадедов, за сродников несчастных,
За нас самих отмстим ордам до днесь подвластных.
(Россияда, 1796, с. 29)

В первой песни Херасков называет Казань Ордой и в красках описывает страшные деяния казанцев на русской земле, несколько преувеличивая их размах:

Орда, отвергнув страх, оковы разрывала,
Отмщеньем движима, мутилась, бунтовала
И стала воздымать главу и рамена,
Россию утеснять, как в прежни времена;
Сей страшный исполин в Россию прибегает,
Кровавые следы повсюду полагает,
Рукою меч несет, другой звучащу цепь,
Валятся стены вокруг, вздыхает лес и степь.
Уже велением кровавыя Сумбеки
В Казани полились российской крови реки,
Посады в ярости московские пожгло...
(Россияда, 1796, с. 5)

В «Россияде» Казань не впервые отождествляется с Ордой. Преемственность татарских государств явно подчеркнута в «Казанской истории»: «... и нача изнемогати время то и Великая Орда Золотая, усилиати и укреплятися вместо Золоты Орды Казань, новая орда, запустевший Саинов юрт, кровию Рускою кипя. Проиде царская слава и честь,

и величество с Болшия Орды и старья матери ордам всем на преокоянную дочь, младую Казань, и паки же возрасте царство, аки древо измерше от зимы, и оживе, аки солнцу огревшу весне. От злаго древа, реку же от Златыя Орды, злая, злая ветвь произыде, Казань, горки плод изнесе, второе зачася от другаго царя Ордынского»¹³⁹. Херасков почерпнул в «Казанской истории» идею, отвечающую его замыслам, и развил ее.

К той же группе исторических неточностей относится приравнение ордынских правителей к казанским. Автор называет Батыя основателем Казани – города, откуда внук Чингиз-хана совершал набеги на Русь:

Сей град, Российскими врагами соруженный,
На полночь гордою главою возвышенный,
Подняв главу свою, при двух реках стоит.
Под сению лесов, меж пестрыми цветами
Поставлен Батыем ко северу вратами,
Чрез кои в сердце он России выбегал.

(Россияда, 1796, с. 3)

Общеизвестно, что Батый жил в XIII веке и стал основателем Золотой Орды и ее столицы Сарай-Бату, Казанское же ханство было создано изгнанным золотоордынским ханом Магметом (Улумахметом, Улуг-Мухаммедом), о чем есть сведения в основном источнике «Россияды» – «Казанской истории» (История о Казанском царстве 1903, с. 4–6, 20). Однако в другом возможном источнике – «Опыте Казанской истории древних и средних времен» П.И. Рычкова – содержится оговорка со ссылкой на «Скифскую историю» А.И. Лызлова о том, что Батыя также называли Саином¹⁴⁰, который в «Казанской истории» упоминается как легендарный первый основатель Казани. В «Скифской истории» Казань входит в число городов, основанных татарами на Волге после возвращения из европейского похода¹⁴¹. По А.И. Лызлову, Сеином называли сына Батыя

¹³⁹ Полное собрание русских летописей: [В 43 т.]. – Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец) / Под ред. Г.З. Кунцевича. – СПб., 1903. – С. 19–20. То же находим в «Скифской истории» А.И. Лызлова, опиравшегося в свою очередь на «Казанскую историю» (Лызлов А. Скифская история. – СПб.: Тип. Моск. ун-та, 1776. – С. 69).

¹⁴⁰ «Батый, которого Лызлов в Скифской своей Истории [часть II, глава 1] называет Земихан, правильнее ж Зеин-Хан; ибо он у Татар обыкновенно Батый Заин или Саин-Хан именуется» (Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. – СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1767. – С. 27–28).

¹⁴¹ Лызлов А. Скифская история / Издана Н. Новиковым. – Ч. 1. – СПб.: Тип. М. ун-та, 1776. – С. 34.

Сартака и именно он основал Казань¹⁴², однако П.И. Рычков не соглашается с А.И. Лызловым, полагая, что «имя Сеин <...> и первое основание города Казани, наипаче отцу его, то есть самому Батыю, приличествует»¹⁴³. Улумахмет, род которого, согласно П.И. Рычкову, восходит к Батыю, «возобновил» Казань (она была разорена российским войском в 1376 году при великом князе Димитрии Ивановиче¹⁴⁴) и начал царствовать там после изгнания из Золотой Орды в 1432 году¹⁴⁵. Херасков отходит в поэме от основного источника, связывает Батю с Казанью, вероятно, на основании работ П.И. Рычкова и А.И. Лызлова, тем самым стирая различие между Золотой Ордой и Казанским царством, оставляя за последним роль поработителя русского народа, что делает образ Казани более устрашающим и ненавистным. Этой же цели служит перечисление захороненных в священном лесу усопших казанских царей, среди которых лишь двое – Улу-Махмет и Сафгирей – действительно казанцы, а остальные – уже названный Батый, Сартак, Баркай, Менгу-Темир, Тахтамыш, Нагай, Занибек, Хидир, Темир, Темир-Аксак и Ахмат – ордынские ханы, похороненные, очевидно, вдали от Казани.

Неточности в отношении русских царей выполняют схожую функцию. Херасков в «Россияде» и «Историческом предисловии» к ней называет Ивана III Иоанном Васильевичем Первым, а Ивана IV – Иоанном Васильевичем Вторым. В тексте поэмы нет четких объяснений такого наименования. Можем предположить, что Херасков в данном случае следует за В.Н. Татищевым: в предисловии ко второму тому «Российской истории» находим рассуждение об исторической роли Ивана III и его внука: «Многие удельные княжения и нападение Татарское привели Россию во бессилие. Великий князь ИОАНН ВАСИЛЬЕВИЧ I по соединении большого числа оных под свою власть, и по свержении Агарянского ига, писался впервые ГОСУДАРЕМ ВСЕЯ РУСИ, который титул продолжался до государя Царя АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧА. Ибо завоевания некоторых Мало и Белороссийских стран Великим князем ВАСИЛИЕМ ИОАННОВИЧЕМ и Царем ИВАНОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ учиненные, касались токмо до особенных городов и Княжений, из коих иные опять и отторгнуты были» (Татищев 1773, с. 3). Данную нумерацию можно обосновать тем, что Иван I и Иван II носили другие отчества (Иван Даниилович Калита и Иван Иванович Красный). Выбирая нетрадиционную нумерацию, Херасков подчеркивал, что Иоанн Васильевич II завершил дело, начатое его дедом

¹⁴² «По Батые же бысть царь во орде именем Саин, тот имат быти Сартак сын Батыев...» (Лызлов А. Указ. соч. – С. 65).

¹⁴³ Рычков П.И. Указ. соч. – С. 34. Ниже П.И. Рычков более подробно рассказывает о первом основании Казани, настаивая на том, что город построил Батый (Там же. – С. 67–74).

¹⁴⁴ Там же. – С. 75.

¹⁴⁵ Там же. – С. 54–56.

Иоанном Васильевичем I: «Зло сие простерлось до времен царя Иоанна Васильевича Первого вдруг возбудившего Россию, уготовавшего оную к самодержавному правлению, смело и бодро свергнувшего иго Царей Ордынских и восстановившего спокойствие в недрах своего государства. Но царство Казанское при нем еще не было разрушено, новгородцы, еще не вовсе укрощены были. Соседственные державы должного уважения к России еще не ощутили. Сия великая перемена, в какую сие государство пришло из слабости в силу, из унижения в славу, из порабощения в господство; сия важная и крутая перемена произошла при внуке Царском Иоанне Васильевиче Втором, который есть Герой сия Поэмы» (Россияда 1796, с. X). А.Н. Соколов в своей работе отмечает, что, согласно концепции Хераскова, при Иване Великом началось возрождение России после долгого периода раздробленности и подчинения татарам¹⁴⁶. Однако пока существовало Казанское ханство, сохранялась угроза национального порабощения. С царствованием же Ивана Грозного Херасков связывает «великую перемену», произошедшую в истории России. Подобный способ подчеркивания преемственности уже был испытан. Например, надпись на постаменте памятника Петру I гласит: «Peto primo Catharina secunda» с одной стороны и «Петру I – Екатерина II, лето 1772» – с другой. Тем самым императрица обозначала связь между деяниями Петра I и собственной деятельностью (памятник был официально открыт в 1782 году). В «Оде на взятие Хотина» М.В. Ломоносов протягивал связующую нить между русско-турецкой войной и взятием Казани, вспоминая Ивана Грозного – «Смирителя стран Казанских»¹⁴⁷.

Для того чтобы создать в «Россияде» устрашающий образ Казанского царства, Херасков гиперболизирует значение одних событий и умалчивает о других. Автор дает читателю понять, что Казань представляла угрозу для России: на заседании Думы Адашев заявляет, что от Казани нужно спасать Отечество, Хилков называет Казанское царство гнездилищем врагов. В первых песнях поэмы Херасков описывает плачевное положение Московского государства: многочисленные бесчинства казанцев на русских землях; праздность, неведение, бездействие Иоанна на момент 1549–1550 гг. Царица Сумбека, вдова Сафгирея, приказывает жечь русские города и села, убивать пленных. В действительности Казань опасалась Москвы: со времен Ивана III русские несколько раз вынуждали Казанское царство подчиняться Москве и сажали на казанский престол своих ставленников. В самой Казани не было единства: многие знатные татары предпочитали перейти под патронаж Москвы, но другие выступали против. Результатом этих

¹⁴⁶ См. Соколов А.Н. Указ. соч. – С. 154.

¹⁴⁷ Ломоносов М.В. Ода блаженным памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и на взятие Хотина 1739 года // Ломоносов М.В. Полн. собр. сочинений: [В 11 т.]. – Т. VIII. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 23.

внутренних противоречий были постоянные измены Казани и новые походы русской армии, в том числе в правление Ивана IV (История о Казанском царстве 1903, с. 21–61).

Преувеличение бед, творимых казанцами, и описание страданий русского народа в «Россияде» согласуются с источниками поэмы. В «Казанской истории» положение Московского государства обрисовано следующим образом: «И всем тогда беда и тоска велика в украине живущим варвар тех, у всех Руских людеи ото очию слезы текущее, аки реки; крыющиеся в пустынях, в лесах и в горах, в теснотах горских живяху с женами и с детьми, от поганных варвар тех, покидающее род и племя отечества своя бежаху во глубину Русь. Мнози гради Русти роскопаша, и травною и былием заростивша, села и деревни, многие улусы орастеша былем от варвар. Великия монастыри и святыя церкви оскверниша лежащее и спящее, блуд над пленом творящее с женами и с девицами, и святыя образы секирами разсекающе, огню предающее служебныя сосуды, из них же дома скверно пьюще и ядуще; святыя образы и кресты переливаху серги и ожерелия, маниста, таея на главы своя украшахуся; а в ризах церковных себе ризы перешиваху, и мнихом наругающеся, образ ангелски безчестиша: углие горящие за сапоги; обдираху; ужем за шею оцепляющее скакати и плясати велящее им; младых телеситых чернцов черныя ризы снимаху, и ругахуся, в Срацинския ризы облечаша. И продаваша мирския полон в далныя Срачины, им и выти не могуще. А иныя черница, аки простыя девица, за себя поимаша; над мирскими же девицами, пред очима отцов и матереи, насилствующе, блудное дело творящее, и над женами пред очима мужей, еще же над старыми женами, кои летъ 40 или 50 вдовствующе пребываше. Нестъ беззакония исчести можно тебе» (История о Казанском царстве 1903, с. 46–47). Как видим, в «Казанской истории» создается коллективный образ страшного врага, и Херасков прибегает к тому же приему.

Руководствуясь своим замыслом, Херасков игнорировал в поэме ряд фактов: например, автор лишь вскользь упоминал об изменах Казани:

Колико крат они покорством мир купили
И клятву, данную России, преступили?
(Россияда 1796, с. 157)

В поэме описан только один предшествующий окончательному покорению Казани поход русской армии, причем наименее удачный: зимнее наступление армии во главе с Иоанном на Казань в 1550 году оказалось сорванным из-за непогоды, пришлось повернуть. Однако Херасков ничего не говорит ни о предшествовавших описанному походу, ни о последующих важных событиях. Упущено из виду нападение русских

воинов на Казань в декабре 1547 года, когда ненастье не просто мешало продвижению армии, но вынудило царя три дня провести на острове, окруженном водой, и вернуться в Москву. Тем не менее, Иван IV отправил к Казани полки во главе с Дмитрием Бельским, воевода Микулинский разбил Сафа-Гирея на Арском поле. В 1549 году умер Сафа-Гирей и на престол был возведен его двухлетний сын от Сююнбеки Утемиш-Гирей. Согласно поэме, Сумбека велит нападать на русские земли, в действительности же после смерти Сафа-Гирея Казань оказалась в сложном, опасном положении: московский государь активно готовился к новому нападению. Чтобы отсрочить войну, казанцы просили Москву о мире, настаивали на браке царицы Сююнбеки и Шиг-Алея, уже занимавшего казанский престол в качестве ставленника Москвы. В 1551 году, напуганные строительством Свияжска и успешными нападениями русских воевод, казанцы вновь присягнули Москве и согласились на все условия. Ханство разделили на 2 части – Луговую и Горную стороны, причем последняя отходила к России. Казанцы добровольно возвели на трон Шиг-Алея, освободили русских пленников, выслали в Москву царевича с царицей. Однако потеря Горной стороны вызвала недовольство татарских вельмож, грозящее обернуться мятежом. Тогда Шиг-Алей устроил во дворце пир, на котором приказал убить всех татар, подозреваемых в измене, после чего был отозван Иваном IV в Свияжск, а затем в Москву. Это вполне успокоило казанцев, они приняли нового наместника – князя Микулинского, снова принесли присягу России, освободили пленных. Однако вскоре последовал очередной мятеж казанских вельмож и призывание Едигера. Именно последняя измена Казанского царства, а не необходимость спасти Россию от покорения татарами, как повествует Херасков в «Россияде», стала поводом для похода 1552 г. Свидетельства о перечисленных событиях содержатся в источниках (История о Казанском царстве 1903, с. 49–60)¹⁴⁸, но не были включены Херасковым в поэму, поскольку умаляли опасность Казани, что не вяжется с концепцией «Россияды».

Отдельное влияние Херасков уделяет Крыму, союзнику Казани. Казанское ханство было своеобразной ареной борьбы Москвы и Крыма: оба государства имели влияние на Казань и попеременно сажали на ее престол своих ставленников. Например, Шиг-Алей, трижды правивший Казанью, Еналей, брат Шиг-Алея и первый муж Сююнбеки, Магмет-Аминь, изменивший России, – были ставленниками Москвы; а Сафа-Гирей происходил из династии крымских ханов Гиреев. В «Россияде» автор меняет роли Казани и Крыма с целью представить первую наиболее опасным врагом Московского государства, что не

¹⁴⁸ См. также в Царственной книге (Царственная книга, то есть Летописец царя Иоанна Васильевича, от 7042 до 7061, напечатан с письменного, который сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1769. – С. 121–196).

соответствовало действительности, но поддерживало основную идею произведения. В поэме Казань предполагает отвлечь Москву нападением Крыма, с этой целью первосвященник Сеит отправляется в Крым и убеждает хана Исканара напасть на русские земли. Хан доходит до Тулы, осаждает город, предпринимает попытку штурма, но терпит поражение от подоспевших русских полков во главе с Курбским, Исканар гибнет в сражении. В действительности крымский хан Дивлет-Гирей – имя Исканар приводится в труде П.И. Рычкова¹⁴⁹, следовательно, «Опыт Казанской истории древних и средних времен» был одним из источников «Россияды», – подстрекаемый Османской империей, принял решение защитить Казань, напав на Россию. Крымский хан со своей армией и янычарами султана окружил Тулу, но был вынужден спешно отступить, опасаясь направленных к осажденному городу русских полков. Дивлет-Гирей не погиб в этой кампании и позже неоднократно вторгнулся на территорию России¹⁵⁰. Таким образом, покорение Иваном IV Крыма (если бы таковое имело место), а не Казани, было бы событием, соответствующим эпопее, но Херасков в поэме отодвинул Крым на второй план.

Херасков уже в предисловии к «Россияде» стремился объяснить выбор предмета и заранее готовил читателя правильно воспринимать поэму. Казанская кампания 1552 года интерпретирована автором как событие эпического масштаба, для чего необходимо было сосредоточить внимание читателей на исходящей от Казани угрозе Московскому государству. Херасков справился с этой задачей, допустив в «Россияде» ряд исторических неточностей.

1.2. Мотив священной войны*

В «Россияде» противоборство Москвы и Казани представлено двупланово. С одной стороны, это освобождение России от угнетателей, с другой – масштабный конфликт религиозного характера. К XV веку Московское государство оказалась крупнейшим

¹⁴⁹ Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – С. 147.

¹⁵⁰ Об этом подробно рассказывает «Царственная книга» (Царственная книга, то есть Летописец царя Иоанна Васильевича, от 7042 до 7061, напечатан с письменного, который сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1769. – С. 227–233).

*При написании данного раздела были использованы наши статьи: Семенова А.В. Мотив священной войны в поэме М.М. Хераскова «Россияда» // Славянские и тюркские народы на рубеже веков: язык, культура, письменность: Сборник материалов Международного круглого стола. – Астана, 2015. – С. 186–187; Семенова А.В. Противостояние христиан и магометан в поэме М.М. Хераскова «Россияда» // III Рождественские чтения: «1917-2017: уроки столетия»: межвузовский сб. науч.-методич. ст. / под ред. З.Я. Селицкой. – Ишим: Изд-во ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2017. – С. 38–43.

оплотом православия в мире; в лице казанцев мы находим в поэме противников христиан – магометан и отчасти язычников. В этом контексте война Московского государства с Казанским ханством приобретает иной – возвышенный – смысл: отстаивание внешнеполитических интересов оборачивается священной войной за веру, едва ли не крестовым походом, на что обращает внимание, например, Л.Л. Федотова¹⁵¹. Данное толкование поддерживает, например, то, что в честь покорения Казани была написана икона «Благословенно воинство Небесного царя», название которой, как установлено В.И. Антоновой, происходит от текста стихир мученичной: «Благословенно воинство небесного царя: аще б и земнороднии беша страсотерпцы, но ангельское достоинство потщася достигнути, о телесах нерадиша, и страданым бесплотны сподобишася чести»¹⁵². Христианские воины, пролившие кровь и отдавшие жизнь за правую веру (в нашем случае участники казанского похода, противостоящие магометанскому миру), приравниваются к святым мученикам, что согласуется с посланием митрополита Макария царю Ивану от 13 июля 1552 года¹⁵³, ранее, в 1480 году, эта же мысль высказывалась ростовским архиепископом Вассианом Ивану III, встречается она и в «Сказании о Мамаевом побоище»¹⁵⁴. Такой предмет достоин эпопеи, что ранее доказал Т. Тассо, а «Освобожденный Иерусалим» является одним из литературных образцов «Россияды». Кроме того, в современной поэту ситуации война с турками представлялась политиками и поэтами как благочестивое деяние, подобно тому, как в XVI веке отпор татарам считали борьбой с безбожниками-«агарянами» (традиционное именование мусульман в древнерусской литературе, например, так именует Иван IV крымцев в «Царственной книге» (Царственная книга 1769, с. 226))¹⁵⁵.

Рассказывая о покорении Казани, Херасков следовал сложившейся в древнерусской литературе традиции выделять мотив священной войны с магометанским миром.

¹⁵¹ «Сооружение святого алтаря означало окончательную победу христианской веры над магометанством и в нравственном плане торжество добра над злом» (Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – С. 97).

¹⁵² Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественно классификации: [В 2 т.]. – Т. II. – М., 1963. – С. 131.

¹⁵³ Об этом см.: Кочетков И.А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая»: («Благословенно воинство небесного царя») // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1985. – Т. XXXVIII. – С. 185–209. – С. 190.

¹⁵⁴ Там же. – С. 203.

¹⁵⁵ Возможен и другой взгляд на мотив священной войны в «Россияде». Адам Дрождек утверждает, что религия здесь выступает оправданием амбиций молодого московского царя, стремящегося прославиться завоеваниями, казанский поход стал одним из первых в долгой череде (вероятно, А. Дрождек намекает на Ливонскую войну 1558–1583 гг.): «Religion is used here as a justification of aggressive desires of youngish Ivan IV, who wanted to make a name for himself through a series of conquests, Kazan being only an episode in this series» (Drozdek, Adam. Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems. – P. 96).

Например, А. Курбский пишет: «И абие, за помощью Божию, соппротив сопостатов возмогоша воинство христианское. И против яких сопостатов? Так великого и грозного Измаильтескаго языка, от негож некогда и вселенная трепетала, и не токмо трепетала, но и спустошена была; и не против единого цара ополчашеся, но абие против трех великих и сильных, сиречь, соппротив Перекопского царя, и Казанского, и соппротив княжат Нагайских. И за благодатию и помощью Христа Бога нашего, абие от того времени, всем трем возражаше нахождение, частыми преодоленными преодолеваху и преславными победами украшашуся...» (Курбский 1913, с. 13; Курбский 2015, с. 28). Или ниже: «Аще и зело дорого плачено, но нам было, яко изнемоглым отгладу, благодарно <...> иже подвижахомся за отечество правовернаго христианства, соппротив врагов креста Христова» (Курбский 1913, с. 18; Курбский 2015, с. 32). В «Царственной книге» неоднократно подчеркивается, что война с Казанью – это борьба с безбожниками за веру христианскую. Иллюстрацией служат обращенные к войску речи царя, при этом упоминание государя, как правило, сопровождается эпитетом «благочестивый»: «Агаряне, они бо ни Бога имают, ни воздаяния чают. Мыжь имем Владыку своего Господа Бога; аще за имя его постражем, да мученическими венцы увиземся; приближается убо нам время мужественно утвердиться за имя Святыя Троицы, и за единокровную свою братию православные христиане» (Царственная книга 1769, с. 226¹⁵⁶). Или речь царя перед битвой: «...время нашему подвигу, еже за благочестие поборати, потщитесь пожалуйста единодушно пострадати за благочестие, за святыя церкви, и за святую нашу Православную веру Христианскую, призывающе милосерднаго Бога на помощь, неусумняся на чтоже, за единокровную нашу братию, православные Христиане, еже напрасно отъ многих лет плененных, и зле страждущих от безбожных сих Казанцов» (Царственная книга 1769, с. 265¹⁵⁷). Подобная переключка с источниками «Россияды» вполне соответствовала концепции поэмы Хераскова и служила обоснованием некоторых исторически недостоверных моментов.

В средневековом христианском сознании магометане мало чем отличаются от язычников: это люди, не знающие истинного Бога, чуждые добродетели. Так считало большинство обывателей, далеких от теологии и не сталкивавшихся близко с магометанами и их строгими законами. Херасков воспользовался подобными представлениями и усилил их в «Россияде», приписав казанцам черты и поступки, более

¹⁵⁶ Ср.: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года // К 350-летию покорения Казани. 1552–1902. Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года и сказание князя Курбского о покорении Казани / Под ред., с примеч. и планом генерального штаба капитана В. Афанасьева. – М.: Тип. Вильде, 1902. – С. 35.

¹⁵⁷ Ср.: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 59.

свойственные язычникам¹⁵⁸, причем Херасков оговаривает в комментарии, что описание языческого идолослужения почерпнуто из отчета о путешествиях профессора Лепехина (Россияда 1796, с. 163)¹⁵⁹. В поэме Т. Тассо магометане также выведены язычниками, в данном случае автор «Россияды» совмещал древнерусскую и европейскую культурные традиции. В поэме Хераскова правители Казани оказываются чародеями или совершают языческие обряды: например, Сеит – казанский первосвященник, заклинатель духов и колдун – приносит в жертву черного агнца, чтобы узнать будущее Казани. У мусульман существует праздник жертвоприношения Курбан Байрам (или Ид уль-Адха), мифология которого восходит к известному библейскому сюжету о попытке принесения патриархом Авраамом (по-арабски – Ибрахимом) своего сына Исаака в жертву Богу. На место библейского Исаака мусульманская традиция ставит Исмаила, считая его старшим сыном, а Исаак, по мусульманским представлениям, – второй сын Авраама. Однако в «Россияде» жертвоприношение Сеита вписано в иной контекст: это не благодарственный дар, а часть колдовского обряда, языческое подношение духам с целью задобрить их и получить что-то взамен. Жертвоприношение Сеита в поэме очень напоминает античную языческую традицию принесения в жертву богам черного животного, Херасков здесь мог опираться на классические литературные образцы. Так, Одиссей в поэме Гомера заставляет тени подземного царства говорить, вылив для них в пропасть кровь барана и черной овцы (песнь XI).

Гробницы татарских правителей, в том числе и Сафгирея, в священном лесу под стенами Казани – вымысел. Сафгирей, как и положено правителю-мусульманину, был похоронен в казанской мечети, да и сам зачарованный лес никогда не существовал. Волшебная роща имеет множество прообразов, в том числе у Тассо. Волхование Сумбеки над могилами усопших татарских правителей описано в подражание Медее в «Метаморфозах» Овидия, что доказывает А.И. Любжин¹⁶⁰. Едва ли подобные события имели место в действительности, однако здесь необходимо отметить: летописцы обвиняли татар в чародействе и совершении обрядов языческого толка, то есть в данном случае Херасков не столько выдумывает фантастические события, сколько следует историческим источникам. Например, в «Казанской истории» описано призвание беса казанскими священниками: «И посла тогда царь самого Сеита Казанского вопрошати, аще одолеет

¹⁵⁸ Источником сведений об исламе Хераскову мог служить также труд Д.К. Кантемира «Книги Систима, или Состояние мухаммеданской религии» (1722).

¹⁵⁹ Очевидно, имеются в виду «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 (СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1780. – 430 с.).

¹⁶⁰ См. Любжин А.И. Новоевропейский эпос в «Россияде» Хераскова. – С. 3–25.

Казань Московский царь, князь велики или Казанцы ему одолеют, и до 10 дней павшее князю на землю молящееся ерея бесовския, не востаючи оть места и мало ядуше, да не умрут с гладу. Минув 10 дней, в полудни отозвася глас от беса в мечте» (История о Казанском царстве 1903, с. 68). Есть в «Казанской истории» упоминание о жертвоприношениях Магомету в отчаянной попытке спасти город: «...и заповеда царь молбы творити, аки не хотя, новому сеиту Казанскому, и молам и азифом и дербышом, по всему граду Казанию людем всем, мужем и женам со младенцы их; и жертву приносить скверному Махметю, яко избавльшему град их от таковыя несказанныя силы Руския. Царь же и велможи Казанския жреца и юнца тучныя приводяше закалаху на жертву, простая же чадь, убози людие, овца и куры и птица приносящи закалаху...» (История о Казанском царстве 1903, с. 150–151). Другой вопрос, допустимо ли упомянутые происшествия относить к собственно историческим фактам, однако в источниках они зафиксированы. Уже в летописях мы наблюдаем прием дискредитации противника, к которому Херасков прибегает в поэмах. Подобные эпизоды в исторических источниках давали автору «Россияды» основание для представления Казани неким темным царством, что было необходимо для реализации мотива священной войны, и одновременно поэт оставался в рамках традиций древнерусской литературы.

Еще один эпизод поэмы, бросающий тень на казанцев, – рассказ Саргуна, будто Казань была построена на черепе человека и пророчество гласит, что город будет принадлежать тому народу, чью веру исповедовал этот человек. Казанцы легко верят Саргуну и готовы принести новую жертву – мусульманина Алея, чью голову собираются закопать под городом. Подобное жертвоприношение представляется языческим обрядом, и исторические источники не содержат свидетельств о его совершении Магметом (кстати, мусульманином: татаро-монголы приняли ислам по воле хана Узбека в середине XIV века) при основании Казани в XV веке либо казанцами в XVI веке.

Борьба христиан и магометан в «Россияде» носит глобальный характер, о чем свидетельствует участие в противостоянии высших сил. Христиан, защищающих добро, поддерживают ангелы, святые, воплощенные добродетели; на стороне магометан – Магомет, Безбожие и олицетворения пороков. Мусульманский мир представлен в поэме не только казанцами и крымцами, но также сарацинами, ногайцами и другими иноверцами, то есть автор создает собирательный образ врага. Особенно примечательно упоминание сарацин, которые не могли принимать участия в обороне Казани в силу хотя бы географических причин. Жители Ближнего Востока не имели никакого отношения к татарам, однако в «Россияде» сарацины откликаются на призыв единоверцев и выступают

с татарами против русских. Согласно поэме, призвать на помощь сарацин предлагает Сеит:

О други! Сиры став в опасностях безмерных,
Пойдем и призовем Срацин единовѣрных.
(Россияда 1796, с. 52)

Херасков не первым говорит о сарацинах как о врагах Руси: автор «Казанской истории» неоднократно называет сарацинами ордынцев и казанцев: «И стояста обои вои обе едину реку, Русь и Срацыни...», «...и много паде Срацын его ту, и без числа претопаша в реце» (о стоянии на реке Угре) или «И увидав царь и князь великий, что издавна на Русской земли есть ново царство Срачинское, Казань, по Русскому же языку котел, златое дно...» (История о Казанском царстве 1903, с. 7, 45). То же находим в «Царственной книге»: «Глаголю же, яко вся сия бысть злая от безбожных Казанских Срацын» (Царственная книга 1769, с. 161). Однако в отличие от источников, в поэме Хераскова нет смешения татар и сарацин, речь идет именно о призывании на помощь Казани единовѣрцев с Востока, то есть объединении магометанских народов против православных россиян.

Поскольку Казань в «Россияде» является оплотом магометан, враждебных христианам, Хераскову необходимо было довершить отрицательный образ города, представить Казанское царство средоточием пороков. Поэт в произведении яркими красками описывает события, происходившие в Казани, дополняя свидетельства источников вымышленными подробностями, в результате чего складывается картина борьбы и взаимоуничтожения темных сил в татарском государстве. Это согласуется с мифологическими и христианскими представлениями о силах зла, которым свойственно разрушать все вокруг себя или самих себя, если ничего иного не остается.

В поэме три второстепенные сюжетные линии и еще несколько эпизодов демонстрируют взаимное истребление условных темных сил. В первую очередь эту функцию в произведении выполняют любовные конфликты среди татар, причем речь идет не о чистом чувстве, а о греховной страсти, к которой примешиваются ревность, зависть и жажда власти. Участники любовного пятиугольника Саргун – Асталон – Сумбека – Осман – Эмира, подчиняясь низменным чувствам, губят друг друга (мы не включаем сюда Алея, так как он пребывает на стороне добра; нет нужды уделять особенное внимание Эмире, ее роль в поэме незначительна). Витязь Асталон и князь Саргун претендуют на руку Сумбеки и казанский престол, и если первый действительно влюблен в царицу, то вторым

движет исключительно стремление к власти. Сама Сумбека питает страсть к Осману, который предпочитает ей юную Эмиру, но, следуя совету Саргуна, притворяется влюбленным в царицу. Это мешает Сумбеке стать верной женой Алею и ступить на путь исправления. Уличив Османа в измене, Сумбека заключает его в тюрьму, но потом прощает. Эмире приходится бежать при помощи Османа, ее судьба остается неизвестной. Потеряв терпение, Асталон убивает Османа, угрожает казанцам, требует в жены Сумбеку, Саргун пытается предательски убить Асталона, но в результате они оба тонут. Гибели избегает Сумбека, возможно, благодаря раскаянию и смирению со своей участью.

История Османа, Саргуна и Асталона в «Россияде» лишь отчасти соотносится с событиями, описанными в «Казанской истории». Герои имеют исторические прототипы, чьи деяния Херасков берет за основу, но при этом значительно отступает от источника. Любовник Сююнбеки Улан-Кошак бежал из Казани в 1551 году, был взят в плен русскими и казнен в Москве (История о Казанском царстве 1903, с. 70–71)¹⁶¹. Казанский вельможа Чапкун, прототип Саргуна, действительно притязал на власть, интриговал против Шигалея и подстрекал казанцев к мятежу (История о Казанском царстве 1903, с. 88–90), но после казни Кошак и выдачи Сююнбеки, так что притязания Саргуна на руку ханши и его лукавые советы Осману – домысел автора. Кроме того, как и смерть Османа, гибель Саргуна в поэме не имеет ничего общего со смертью Чапкуна, который, согласно «Казанской истории», был убит защитниками Казани, когда город пал: Чапкуну отомстили за то, что он развязал войну (История о Казанском царстве 1903, с. 156).

Казанскому богатырю Асталону отведена в поэме роль карающего меча: он не вершитель справедливости, но отрицательные персонажи в «Россияде» гибнут, сталкиваясь с ним. Исторический прототип Асталона – могучий казанский воевода Аталык, рассказ о котором приведен в «Казанской истории» под 1530 (7038) годом: «Аталык же храбр и наеждаше гоне на 100 воин и на велик полк боицев удалых, и возмущаше всеми полки Рускими, а сам невредим отъеждая и догоняя каждо их мечем своим ударяше во главу, и растинаше на двое и до седла...» (История о Казанском царстве 1903, с. 39). Создавая образ Асталона в «Россияде», Херасков, очевидно, опирался на названное свидетельство, но перенес исторического Аталыка, переименовав его в Асталона, в 1552 год¹⁶²: Саргун, желая украсть волшебный меч Асталона и убить его самого, отправляется ночью в его шатер, но в результате завязывающейся схватки гибнут оба героя, занесенные в реку Казанку конем Асталона. Схожая гибель Аталыка описана в

¹⁶¹ См. также Рычков П.И. Указ. соч. – С. 131.

¹⁶² Однако в другом источнике – «Царственной книге» – некий Аталык упоминается среди казанских вельмож, учинивших мятеж в 1552 году (см.: Царственная книга 1769, с. 262).

«Казанской истории»: нападение русских воинов застало богатыря спящим в шатре с женой, упившегося вином. Не успев пробудиться от сна, он вскочил на коня в одной сорочке, конь понес его к реке, Аталык упал, был настигнут и убит русскими воинами (История о Казанском царстве 1903, с. 38–39). Херасков переработал эту историю в соответствии со своим замыслом: Асталон потребовался автору поэмы, чтобы, во-первых, развязать клубок интриг вокруг Сумбеки, во-вторых, воплотить идею саморазрушения погрязшего в пороках Казанского царства.

Еще один эпизод, частично основанный на историческом материале, значительно переработанном автором «Россияды», – рассказ о крымском хане Исканаре, его жене Реме и казанском первосвященнике. Сеит, возжелавший Рему, убеждает Исканара напасть на русские земли, и в итоге хан гибнет в сражении под Тулой (в действительности крымский хан Дивлет-Гирей вовсе не погиб в битве, а первосвященник Кульшериф был убит во время взятия казанской мечети – мы вернемся к этому ниже). Отчаявшаяся Рема отрезает голову Сеиту и убивает себя, то есть мы снова наблюдаем взаимное уничтожение противников Московского государства вследствие несправедливых поступков.

Таким образом, представители магометанского мира становятся жертвами собственных и чужих пороков: Саргуна губит коварство, оно же является причиной смерти Асталона; интриги Османа вызывают пагубные для любовника Сумбеки гнев и ревность Асталона; хитрость и сластолюбие Сеита косвенно приводят к смерти его самого и хана Исканара. Отдельных комментариев требует Рема. С одной стороны, ее не в чем упрекнуть: верная супруга, она защищает свою честь и мстит за мужа. С другой стороны, Рема совершает жестокое убийство и самоубийство – тяжкие грехи, с точки зрения христианства, не имеющие оправдания. Это не дает возможности отделить героиню поэмы от порочного мира магометан.

Рема не единственная самоубийца в «Россияде». Закалывается Рамида, задумывается о суициде Сумбека, Едигер, убедившись в окончательном поражении казанцев, хочет прыгнуть со стены дворца. Сумбеке мешает ангел, Едигера останавливает Небесный дух, что нельзя отнести к историческим событиям. Попытка Едигера – вымысел, поскольку у правителя Казани не было шанса в одиночестве подняться на стену дворца, так как защитники казанского кремля, признав победу русских воинов, сами выдали Едигера Палецкому. Коллективное самоубийство совершают казанцы, впавшие в отчаяние при виде головы казанского князя на копье Курбского. Достоверных свидетельств, подтверждающих это событие, нет. Однако в поэме умалчивается героическая оборона казанцами мечети, когда все духовенство во главе с первосвященником Кульшерифом бросилось с оружием в руках на русских воинов и

погибли в заведомо неравном бою¹⁶³. Это событие могло быть своеобразно интерпретировано Херасковым или натолкнуло его на включение в поэму эпизода массового самоубийства казанцев.

В контексте внутренних противоречий в Казани и дискредитации татар падение города кажется закономерным, а Россия выступает в роли вершителя Божьей воли, из чего следует, что русские воины – противоположность врага, защитники добра и правой веры в священной войне – не должны быть запятнаны пороками, свойственными татарам. Однако в исторических источниках поэмы содержатся сведения, бросающие тень на соратников Ивана IV, и Хераскову пришлось балансировать между историей и концепцией произведения. В поэме упомянуты ропот в русской армии, мятеж новгородцев и мародерство в Казани, имевшие место в действительности, но это позволило автору показать лучшие качества Иоанна, продемонстрировать естественную борьбу добра и зла в душах воинов и ожидаемую победу добродетели. Тем не менее, о некоторых событиях, порочащих россиян, поэт умолчал. В 1552 году в Свияжске, где часть армии дожидалась подхода основных сил во главе с царем, разразилась болезнь – цинга. Физический недуг был не так печален, как нравственный: русские воины в Свияжске предавались лени, праздности и гнусному любострастию. Чтобы пресечь безобразие, митрополит Макарий отправил в крепость длинное нравоучительное послание с призывом к раскаянию и исправлению. Еще один сложный момент – мародерство русских воинов в Казани после падения города, пресеченное Иваном IV. Упоминание об этих событиях есть в «Царственной книге»¹⁶⁴, однако Херасков осторожно подходил к выбору эпизодов, обходя стороной «неудобные» события, разрушающие положительный образ русской армии.

Реализация мотива священной войны наряду с последовательной дискредитацией магометан, обоснованием неизбежной победы христианского мира над магометанским, что отсылает читателя к затяжному противостоянию Российской и Османской империй в

¹⁶³ Об этом свидетельствует, например, «Царственная книга»: «И приближа Христиане к мечите к Кулшерифу, к Тезицкому врагу, и тут с Кулшерифом Молною многие неверные совокупившееся, и зле бьются. И Божиим милосердием одолеваху Православнии, Кулшерифа со всеми его побиша..» (Царственная книга 1769, с. 306–307. См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 97).

¹⁶⁴ «И по грехом пришла немочь великая на Государевы люди цынга, и язвами многие померли; и иные мрут, и больны лежат, дети Боярские, и стрельцы и казаки» (Царственная книга 1769, с. 205–206. См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 9). Или: «К Государю же из всех мест Воеводы приказывают; воины твои крепче бьются, и Бог помогает по тебе Царе благочестивом, но многие слабые емлют сокровища Казанския, и ты Царю помогай нам. Царь же посылает Бояр своих и многих ближних забивати тех, да не падают на сокровищах, такоже и помогают своим, и Головы своего Царского полку посылает с людьми во все места помогати» (Царственная книга 1769, с. 306. См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 97).

XVIII веке, и создание образа врага во многом обусловили вольное толкование исторических событий в «Россияде», введение вымышленных эпизодов или отдельных деталей либо исключение подробностей, нарушающих распределение ролей в произведении. Кроме того, казанские эпизоды в поэме несут дополнительную дидактическую нагрузку: А.В. Западов, расходясь с А.Ф. Мерзляковым и А.Н. Соколовым, замечает, что татарские сцены «вовсе не лишены смысла и находятся в тесной связи с общей концепцией «Россиады» <...> уж очень похожи они на то «повреждение нравов» в России и засилье фаворитизма, которое обличал М.М. Щербатов, о котором писал Д.И. Фонвизин». В описании нравов казанского двора А.В. Западов усматривает критику российской аристократии во главе с императрицей Екатериной II¹⁶⁵.

1.3. Героический пафос

Как ведущий классицистический жанр, эпопея должна отвечать ряду требований, среди которых – выдерживание героического пафоса. Это особенно актуально для произведений, предметом которых становится военная кампания, оставившая заметный след в истории страны и народа. В героической поэме на первый план необходимо выводить персонажи, совершающие подвиги во имя государственных интересов, при этом личное благополучие либо и вовсе жизнь нередко приносятся в жертву всеобщему, что правильно в этических координатах классицизма. В христианскую эпоху к подвигу стали приравнять самоотречение, страдание, смирение, которые в некоторых случаях, в частности когда речь идет о рыцарях, могут сочетаться с традиционными воинскими качествами. Создавая фактически первый образец русской эпопеи, Херасков допустил в «Россияде» ряд исторических несоответствий, направленных на героизацию поэмы и приведение ее в соответствие с канонами жанра и европейскими литературными образцами.

Центральным персонажем «Россиады» является царь, в образе которого сочетаются черты героя-рыцаря и добродетельного монарха. Г.А. Гуковский отмечал, что Иоанн в изображении Хераскова предстает не деспотом, диктующим дворянам свою волю, а первым среди равных, что должно служить примером Екатерине II¹⁶⁶. А.В. Западов также находил в молодом Иване IV черты вождя российского дворянства, который разумно следовал мудрым советам приближенных; единение монарха и аристократии в свою

¹⁶⁵ Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и прим. А.В. Западова. – Л.: Советский писатель, 1961. – С. 35.

¹⁶⁶ Гуковский Г.А. Указ соч. – С. 197.

очередь было залогом устойчивой власти и процветания государства – недостаток этого в современности побудил Хераскова искать пример в историческом прошлом¹⁶⁷. Остро переживая страдания своего народа, Иоанн инициирует казанскую кампанию, чтобы пресечь набеги и бесчинства татар, политические мотивы, стремление к славе и обогащению ему чужды. Иоанн храбр и самоотвержен, он сам ведет русскую армию, несмотря на тяготы летнего похода и опасность быть убитым или раненым. Когда армия страдает от голода и жажды, Иоанн отказывается от воды, принесенной ему двумя воинами в своих шлемах, просит отдать воду людям. Продукты и целебные травы, доставленные Алеем, царь также отсылает воинам. Иоанн и Адашев во время похода терпят лишения, пьют мутную воду, скрывая это ото всех. Подобные эпизоды в поэме работают на создание «имиджа» образцового монарха, подающего положительный пример подданным, при этом Херасков акцентировал самоотверженность царя, опираясь на исторические источники, в которых московский государь подчеркнуто выводится на первое место. В данном случае летописная традиция пересеклась с монархическими настроениями автора поэмы. Ранее на это обратила внимание Л.Л. Федотова, по чьим словам, «в образе Ивана IV поэт стремился запечатлеть своё соборнопросветительское представление об идеальном монархе. Поэт хотел видеть на царском троне человека, в совершенстве воплощавшего мирские, православно-добродетельные качества: нравственную чистоту, мудрость, доброту, умение укрощать свое тщеславие и страсти, ходить в походы и проявлять естественную храбрость в сражениях, быть снисходительным и милостивым к подданным и побежденным»¹⁶⁸.

Герой из числа русских воинов, чьи подвиги воспеты в поэме едва ли не наравне с заслугами Иоанна, о чем упоминает, например, А.В. Западов¹⁶⁹, – князь Андрей Курбский. Г.А. Гуковский, а вслед за ним И.З. Серман и вовсе называют Курбского – будущего противника деспотии – главным героем «Россияды»¹⁷⁰. Он представлен в произведении доблестным рыцарем, смело вступающим в поединки с противниками, независимым дворянином и патриотом, пекущимся о благе своей страны и не боящимся говорить правду Иоанну. Л.Л. Федотова находит в Курбском «художественное выражение воинской доблести»¹⁷¹. Член Избранной рады, Курбский действительно был близок царю, а храбрость князя на поле боя под Казанью и во время городских боев подтверждают

¹⁶⁷ Западов А.В. Указ. соч. – С. 33.

¹⁶⁸ Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – С. 88.

¹⁶⁹ Западов А.В. Указ. соч. – С. 33.

¹⁷⁰ См. Гуковский Г.А. Указ. соч. – С. 197; Серман И.З. Указ. соч. – С. 355.

¹⁷¹ Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – С. 100.

письменные источники, в частности «Царственная книга» и «История о великом князе Московском». Однако Херасков заметно заостряет внимание на герое.

В «Россияде» Иоанн посылает против крымцев, осадивших Тулу, Андрея Курбского с третьей русской армии. Россияне неожиданно нападают на татар и разбивают их на реке Упе, при этом Курбский в поединке убивает крымского хана Исканара. В действительности Иоанн отправил к Туле несколько полков под предводительством Курбского, Щенятева, Турунтая, Хилкова, Воротынского¹⁷². Жители Тулы героически обороняли город, и крымскому хану не удалось его взять. Узнав о приближении русского войска, Дивлет-Гирей испугался и отступил с большей частью своей армии. Подошедшие отряды Курбского и Щенятева погнались за неприятелем, застигли врасплох крымцев, не знавших об отступлении, разбили их в сражении на берегу реки Шевороны, захватили трофеи и освободили пленных. Безусловно, заслуга Курбского велика, и все же он не герой-освободитель города, в одиночку одолевший в бою крымского хана, как это представлено в поэме.

В «Россияде» Курбский вступает в рыцарские поединки с Рамидой и Мирседом и ранит врагов под стенами Казани, о чем нет свидетельств в исторических источниках. Согласно поэме, после подрыва стен Казани Курбский первым врывается в город, что также не соответствует действительности. Братья Андрей и Роман Курбские проявили отчаянную храбрость во время городских боев¹⁷³, но первым прорываться в Казань было поручено отряду Михаила Воротынского и Алексея Басманова, на что есть указание в «Царственной книге»¹⁷⁴. Повышенное внимание к герою в поэме отчасти мотивировано тем, что Андрей Курбский – один из наиболее упоминаемых современников Ивана IV, а «История о великом князе Московском» входит в число источников «Россияды». Курбский высоко оценивал свои заслуги, и Херасков, вероятно, учитывал это, выбирая из многих дворян Курбского на роль образцового аристократа.

Помимо Андрея Курбского, Херасков в ряде эпизодов выводит на первый план воевод Пронского и Палецкого. По версии Хераскова, на сбор войск в Коломну Пронский

¹⁷² Сам Курбский не называет имен, но говорит о том, что был послан против крымского хана «со другими» (Курбский 1913, с. 15–16. Ср.: Курбский 2015, с. 31–32). Более подробные сведения содержатся в «Царственной книге» (Царственная книга 1769, с. 227–233. См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 23).

¹⁷³ Свидетельства тому содержатся в «Царственной книге», например, упоминание о ранении Андрея Курбского (Царственная книга 1769, с. 307. См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 98).

¹⁷⁴ «А Воеводам Государь велел приступати како же даст Бог взорвет подкоп из башни, и в пролом пойти по времени, как Государь приказал Князю Михайлу Ивановичу Воротынскому, да Окольничему Алексею Даниловичу Басманову...» (Царственная книга 1769, с. 299. См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 90).

вел конницу, а Палецкий – стрельцов. На самом деле структура войска была сложной и требовала большего числа командиров: князя Иван Федорович Мстиславский и Михаил Иванович Воротынский повели основную рать к Коломне; передовую дружину возглавляли Пронский, Турунтай и Хилков, правую руку – Микулинский и Плещеев, стражу – Серебряный-Оболенский и Симеон Шереметев, а собственно царскую дружину – князь Владимир Воротынский и Иван Шереметев. Разумеется, Иоанна в походе сопровождали братья Курбские, Адашев, Шиг-Алей и многие другие, о чем подробно рассказывает «Царственная книга» (Царственная книга 1769, с. 217–218). Несколько иное распределение приведено в «Опыте Казанской истории древних и средних времен»: яртаул – князь Юрий Иванович Шемякин Пронской, князь Дмитрий Иванович Хилков; правая рука: князь Петр Иванович Щенятев, князь Андрей Михайлович Курбский; большой полк: князь Иван Федорович Мстиславский, князь Михайло Иванович Воротынский; левая рука: князь Дмитрий Иванович Микулинский, Дмитрий Иванович Плещеев; сторожевой полк: князь Василий Семенович Серебряный, князь Давыд Федорович Палецкий, Семен Васильевич Шереметев; Ших-Алей находился при Его Величестве¹⁷⁵.

Первый бой с казанцами в «Россияде» представлен как нападение на врагов отряда Пронского и Троекурова: во время сражения Троекуров тяжело ранен, Пронский спасает его от удара врага. Этот эпизод опирается на свидетельства историков: в «Царственной книге» упоминаются многочисленные столкновения русских и татар, как правило, последние совершают вылазки из города, в одной из стычек действительно ранен князь Пронский (Царственная книга 1769, с. 269–270), А.И. Лызлов в Скифской истории» также упоминает один из первых боев, в котором участвует Пронский¹⁷⁶. Во время другого сражения в поэме раненый Палецкий, преследуя отступающих врагов, попадает в плен. Иоанн предлагает в обмен на Палецкого сто знатных казанских пленников, но Едигер отказывается. Он искушает Палецкого: сулит богатство, высокое положение и прекрасную деву, если русский витязь примет ислам. Палецкий не соглашается и готов принять смерть за свою веру (каноническое поведение положительного героя в традициях высоких жанров классицизма), от казни его спасает лишь благородный поступок Гидромира. Достоверных сведений, подтверждающих эту историю, в источниках нет. Вероятно, она потребовалась Хераскову как иллюстрация стойкости воина-христианина, его храбрости и верности своей вере – нередкий мотив новоевропейских эпопей.

¹⁷⁵ Рычков П.И. Указ. соч. – С. 148–149.

¹⁷⁶ Лызлов А. Указ. соч. – С. 112.

Сопоставление «Россияды» с историческими источниками показывает, что Херасков намеренно выделил и преувеличил подвиги нескольких русских полководцев – Курбского, Пронского и Палецкого, а также Алея, который в действительности являлся соратником московского государя, давал ему мудрые советы и принимал участие в походе в числе воевод, но был немолод и тучен, так что его ратные заслуги представляются сомнительными¹⁷⁷. Этим персонажам в поэме отведена роль образцовых героев-рыцарей, действия других воевод, принимавших участие в казанской кампании, описаны в произведении более или менее достоверно. Поэт справедливо отмечает ратные подвиги Мстиславского, Хилкова, Микулинского, которому немало внимания уделяет Курбский в «Истории о великом князе Московском», Троекурова, Романа Курбского, получившего тяжелое ранение и не оправившегося от него. Замечателен в поэме образ Алексея Адашева: кроткий в речах и поступках, но храбрый в бою, честный, бескорыстный, мудрый – Адашев воплощает в себе христианские добродетели вкупе с воинскими¹⁷⁸. В данном случае Херасков «убивал двух зайцев»: вводил в поэму персонаж, чей положительный пример благотворно действует на Иоанна (и читателей), то есть с образом Адашева связаны дидактические аспекты поэмы, и сохранял историческую достоверность, поскольку персонаж соответствует свидетельствам Андрея Курбского об Адашове: «...С ним же соединяется во общение един благородный тогда юноша, ко доброму и полезному общему, именем Алексеи Адашев; цареви же тои Алексеи в то время зело любим был и согласен, и был он общей вещи зело полезен, и отчасти, в некоторых нравах, Ангелом подобен» (Курбский 1913, с. 10; Курбский 2015, с. 25). Автор поэмы напоминает и других русских воевод, давая им краткие лестные характеристики¹⁷⁹. Любопытно, что в поэме упущены некоторые видные полководцы, принимавшие участие в ключевых сражениях, в первую очередь Владимир Иванович и Михаил Иванович Воротынские и другие, основное внимание сосредоточено на нескольких персонажах.

Ряд неточностей в поэме Хераскова связан с подражанием новоевропейским литературным образцам. В частности, ориентируясь на итальянские поэмы (Тассо,

¹⁷⁷ «Царя же Шигалея отпускает в судех в городок, понеже Царь велие тело имяше, и не могый скоро на конех ездити; разумен же Царь преизлише, но не храбр сый на ратех, и дружине своей не податлив» (Царственная книга 1769, с. 225. См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 48).

¹⁷⁸ Л.Л. Федотова ранее заметила, что образ Адашева создан в соответствии с канонами классицистической поэтики как воплощение добродетели (Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – С. 18).

¹⁷⁹ «Романов левою начальствовал рукою, / И храбрость на лице сияла у него; / Плещеев, твердый муж, сотрудник был его. / Герой Серебряный начальство с ним делит; / Два рыцаря сии и Шереметев и ними, / Казались воинства Ираклами троими. / Шемякин строевым повелевал челом... / Щенятев правую при войске принял руку, / Сей муж отменно знал военную науку» (Россияда 1796, с. 261–262).

Ариосто), Херасков представил нескольких героев «Россияды» рыцарями европейского типа, что противоречит реалиям средневекового Московского государства и Казанского ханства. В «Россияде» много прямых и косвенных указаний на участие рыцарей в борьбе России с Казанью и Крымом: Алей называет себя рыцарем; шлем Курбского украшен перьями, как у рыцаря; спутники Рамиды – рыцари Мирсед, Бразин и Гидромир, причем первый из Индии, второй черкес, а третий – сарацин. Персонажи вступают в традиционные рыцарские поединки, к примеру, во время сражения с крымцами на реке Упе Курбский одолевает в бою Исканара, под Казанью русские витязи неоднократно бьются с Рамидой и ее спутниками: Палецкий сражается сразу с тремя рыцарями, а Курбский бьется с Рамидой. Традиция боя сильнейших воинов перед сражением враждующих армий существовала и на Руси, и на Востоке: в «Повести временных лет», например, содержится рассказ о поединке печенежского богатыря и русского юноши¹⁸⁰, в восточном эпосе «Шахнамэ» бой Рустема и Зораба упреждает сражение армий.

Помимо отдельных персонажей, героем в поэме Хераскова выступает русская армия. В «Историческом предисловии» оговаривается, что автор намерен петь подвиги не только царя, но русского войска в целом: «Воспевая разрушение казанского царства, со властью державцев Ордынских, я имел в виду успокоение, славу и благосостояние всего Российского государства; знаменитые подвиги не только одного Государя, но всего российского воинства...» (Россияда 1796, с. XII). Подвиг армии очевиден – завоевание ханства, избавление русского народа от угнетений со стороны казанцев, утверждение в городе православной веры. В «Россияде» подробно описаны и во многом преувеличены тяготы, выпавшие на долю армии во время похода и осады. В поэме приведен красочный рассказ о буре на Волге, жертвой которой стали русские суда с артиллерией, плывущие к Казани, страдал флот и от нападающих с берегов ордынцев. В действительности в 1552 году русские корабли добрались до Казани без достойных упоминания злоключений. Шторм на Волге, сорвавший шатры, потопивший суда с провизией, вызвавший ужас, разразился, когда русская армия уже стояла под Казанью. Встал вопрос о снятии осады, но Иоанн послал за продовольствием в Москву, и кампания не прервалась (Царственная книга 1769, с. 270)¹⁸¹. Эта буря в поэме упомянута отдельно. Согласно «Россияде», русская армия во время похода страдала от пыльной бури, жары, засухи, голода, жажды, болезней (происки Безбожия и олицетворенных пороков: Гордыни, Алчности и т.д.). В источниках описания похода расходятся: согласно «Царственной книге», «... от града

¹⁸⁰ Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – С. 54–55.

¹⁸¹ См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 62.

Мурома Государь шел частым лесом и чистым полем и таковое многое воинство всюду, яко Богом уготованну пищу обретаху на поли, убо всяким благовонным овощием довляхуся, от животных же лоси, яко самозванни на заклонение приходяху, в реках же множество рыб ловяху. От воздуха же множество безчисленное птиц прилетаху, и во всех полцех на землю припадаху, яко сами дающиеся в руке человеком на пищу, имиже все безчисленное воинство не трудно довляхуся. И тако Всесильный Бог пищу и всяку потребу, толикому множеству неисчетному воинству всюду готову и преизобильну предустраяя, по вере и по молению благочестиваго Царя» (Царственная книга 1769, с. 253–254)¹⁸². Однако в «Казанской истории» находим дополнение о пыли, засухе и, как следствие, жажде на середине пути к Свияжску: «Царь же и князь велики преиде часть поля того, прилежащую к Казанским улусом, пятию недели до новаго града Свияжского, и тяжек явился ему путь той и всему воинству его: от конских бо ног взимаему на высоту песку, и не бе видети солнца и небеси и всего воинства идущаго, и тоска велика все воинство обдержаше: мнози же человецы изомроша от солнечнаго жара и от жажды водныя, исхоша бо вся дебри и блата и малыя реки полския не тецаху путем своим, но развие мало воды в великих реках обреташеся, во глубоких омутех, но и то сосудами, корцы, и котлы, и пригорщами в час един до суха исчерпаху, друг друга бьющее, и угнетающе, и задавляюще; инии же росу лизаху и тако жажду свою с нужею утоляху» (История о Казанском царстве 1903, с. 115). Херасков в данном случае следует «Казанской истории», подчеркивая стойкость и терпение русских воинов.

Рассматривая пласт рыцарских эпизодов в «Россияде», А.Н. Соколов приходит к выводу, что рыцари, пришедшие поддержать казанцев, но геройствующие ради любви к воинственной Рамиде, изменяют рыцарскому долгу. Русские воины, напротив, сражаются за Родину, жертвуя собой во имя общего блага – то есть соответствуют устоявшемуся в новоевропейском эпосе образу рыцаря¹⁸³. Обработывая исторический материал, Херасков в «Россияде» выделил нескольких русских воевод, принимавших участие в казанском походе, создавая образы героев-рыцарей и избегая распыления внимания между многочисленными воеводами, стоявшими во главе русских полков. Автор осветил события, делающие честь русскому воинству, и умолчал о том, что отрицательно сказалось бы на собирательном образе русской армии. При этом Херасков дополнял свидетельства летописей вымышленными подробностями, добиваясь колорита героической поэмы и усиления контраста между враждующими сторонами.

¹⁸² См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 год. – С. 47.

¹⁸³ Соколов А.Н. Указ. соч. – С. 162.

1.4. Фантастические элементы*

Многочисленные поэтики, античные, европейские, русские, предписывают эпосе наличие фантастических элементов, без которых, по выражению Н. Буало, поэзия мертва:

Бессильно никнет стих, едва ползут слова,
Поэт становится оратором холодным,
Сухим историком, докучным и бесплодным¹⁸⁴.

Русские теоретики расходились во мнении относительно характера и доли чудесного в поэме на историческую тему, однако не отрицали фантастику, служащую украшением произведения. Создавая «Россияду», Херасков вплетал в повествование чудеса, ориентируясь на многочисленные литературные образцы. В поэме перемежаются фантастические элементы разного происхождения: одни восходят к античным эпосам, другие сближают поэму Хераскова с европейскими образцами жанра, третьи основаны на материале летописей либо уходят корнями в фольклор, – вместе они создают причудливый волшебный фон произведения. А.Н. Соколов одним из первых систематизировал фантастические элементы в «Россияде»: христианские и мифологические чудеса переплетаются не хаотично, как полагал А.Ф. Мерзляков, а зависят от идейно-политической проблематики поэмы. В произведении последовательно проводится противостояние двух сил – христианские святые, направляемые божественной десницей, на стороне россиян и все остальные сверхъестественные персонажи, поддерживающие казанцев. А.Н. Соколов заключает, что «это является мифологизированным олицетворением борьбы двух государств, двух народов: России и татаро-монгольской Орды»¹⁸⁵, о чем мы рассуждали выше.

«Вымыслом в «Россияде» является все, что связано с Рамидой и рыцарями. Яркий женский образ, сложный любовный конфликт – дань Хераскова литературным традициям.

¹⁸⁴ Буало Н. Поэтическое искусство / Пер. Э.Л. Линецкой, Ред. А.А. Смирнова. Вступ. ст. и коммент. Н.А. Сигал. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – С. 85.

¹⁸⁵ Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М.: Изд-во М. ун-та, 1955. – С. 162.

*При написании данного раздела были использованы наши статьи: Семенова А.В. Мотив священной войны в поэме М.М. Хераскова «Россияда» // Славянские и тюркские народы на рубеже веков: язык, культура, письменность: Сборник материалов Международного круглого стола. – Астана, 2015. – С. 186–187; Семенова А.В. Противостояние христиан и магометан в поэме М.М. Хераскова «Россияда» // III Рождественские чтения: «1917-2017: уроки столетия»: межвузовский сб. науч.-методич. ст. / под ред. З.Я. Селицкой. – Ишим: Изд-во ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2017. – С. 38–43.

Рыцари, пришедшие на помощь казанцам, представляют четыре восточных народа, у которых, как известно, рыцарей не было:

Из Индии Мирсед, Черкешенин Бразин,
Рамида Персиянка и Гидромир Срацин...
(Россияда 1796, с. 273)

А.И. Любжин указывает на то, что Рамида – это и тассова волшебница Армида, прельщающая мужчин своей красотой и коварством, и Анджелика из поэмы Ариосто «Неистовый Роланд»¹⁸⁶. Само имя Рамида – анаграмма имени Армида, но по характеру героиня поэмы Хераскова ближе к Анджелике. Из трех рыцарей, влюбленных в Рамиду, она, подобно Анжелике, предпочитает красивого, но слабого Мирседа и отвергает сильного, гордого, справедливого Гидромира, напоминающих прекрасного мавра Медора и Роланда. Образ Бразина в поэме почти не выписан, ясно лишь, что он влюбленный в Рамиду рыцарь, сильный и свирепый.

Любовный конфликт между Рамидой и рыцарями разрешается в поэме самым негармоничным способом: отвергнутый Гидромир в ярости убивает Мирседа и Бразина, Рамида же закалывает Гидромира и совершает самоубийство, что сближает ее с Медеей. Но на этом история не заканчивается: Нигрин, отец Рамиды, превращает тела рыцарей и Рамиды в крылатых змеев и заставляет их служить себе. Позже чародей отпускает их, и змеи растворяются в четырех стихиях:

Рамида скрылася во внутренность земли.
Который из любви слил себе кумира,
Ток водный поглотил на веки Гидромира,
Единым суетам идущий прежде в след,
В стихию перешел воздушную Мирсед,
Бразин, пылающий свирепостью и гневом,
Геенны поглощен ненасытимым гневом,
И тако перешел в печально царство тьмы.
(Россияда 1796, с. 310–311)

История Рамиды и рыцарей соотносима также с преданием о змеином месте, на котором царь Саин основал Казань. Змеиная тема последовательно реализована в поэме

¹⁸⁶ Любжин А.И. «Россиада» Хераскова и латинская эпическая поэзия // Греко–латинский кабинет. – Вып. 3 (2000). – С. 28–43.

Хераскова. Согласно «Казанской истории», истребив змей и основав город на гнезде, царь Саин занял их место, отсюда возникло представление о змеином роде, к которому принадлежат казанские правители (История о казанском царстве 1903, с. 10). В той же «Казанской истории» бес, изгнанный христовой силой, обращается огненным змеем и улетает на запад (История о казанском царстве 1903, с. 67). Херасков использовал эту идею, связывая магометанскую Казань с образом змеи или дракона:

Но как Российские Ираклы ни сражались,
Главы у гидры злой всечасно вновь рождались,
И жалы отравив в глухих местах своих,
Вонзали паки в грудь России те змии.
Драконова глава лежала сокрушенна,
Но древня злоба в нем была непотупленна...
(Россияда, 1796, с. 3)

Завоевание Казани христианами виделось очищением города от скверны, символом чего в поэме стало исчезновение змеев. В этой истории реализованы фольклорные мотивы: в древнерусском эпосе змей является аллегорией темных сил: кочевников, нападающих на Русь, язычников, олицетворением беса. Победа над змеем понималась как торжество добра, позже – христианства. Рамида и рыцари в поэме – могометане, носители пороков – в преддверии падения Казани и победы христиан уничтожают друг друга и после смерти обретают свой истинный облик. Их растворение в стихиях есть возвращение в изначальное состояние, зло теряет конкретную форму и поглощается природой. Г.А. Гуковский находил сходство некоторых эпизодов «Россияды» с народной исторической песней, рассказывающей о подкопе под казанскую сцену, влюбленных в Рамиду витязей сопоставлял с неприятелями русских богатырей – Змеем Тугариным или Идолищем Поганым, а в царе Иване видел черты киевского князя Владимира, воспетого в древнерусском эпосе (к слову, Херасков, вероятно, также прослеживал эту связь, неслучайно героем его второй эпопеи становится Владимир)¹⁸⁷.

Еще один вымышленный персонаж, с которым связано чудесное в «Россияде», – персидский чародей Нигрин, чей образ восходит к Исмену из поэмы Тассо. «Лютый волхв» покидает свой древний вертеп и является в Казань, чтобы истребить россиян и завладеть венцом. Херасков списывает на Нигрина одно из событий, имевших место в действительности (автор ссылается на летописцев (Россияда 1796, с. 312), но следует

¹⁸⁷ Гуковский Г.А. Указ. соч. – С. 199–200.

своему замыслу). Непогода, застигнувшая русскую армию под стенами Казани, едва не заставила царя отдать приказ об отступлении, воины страдали от холода, дожди превратили поля в болота. В «Истории о великом князе Московском» содержится свидетельство о внезапной непогоде, насланной казанцами: «...ани на воиско христианское чары творили и великую плювию наводили: яко скоро по облежанию града, яко солнце начнет восходить, взыдут на град, всем нам зрящим, ово пристаревшихся их мужи, ово бабы, и начнут вопияти сатанинские словеса, машущее одеждами своими на воиско наше и вертящееся неблагочинне. Тогда абие востанетъ ветр и сочинятся облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет таки дождь, и сухие места в блат обратятся и мокроты исполнятся; и сие точию было над воиском, а по сторонам несть, но точию по естеству аера случишася» (Курбский 1913, с. 31–32. См. также Курбский 2015, с. 48). То же находим у А.И. Лызлова в «Скифской истории»¹⁸⁸. Херасков вносит рассказ о схожих событиях в поэму, но место неопределенных стариков и женщин, наводящих чары, занимает Нигрин:

Уже спасения россияне не чают,
 Смущенны на стенах Нигрина примечают,
 Который в торжестве с казанцами ходил,
 Руками действуя, морозы наводил.
 Сие казанское лукавое злодейство
 Признали ратники за адское чародейство.
 (Россияда 1796, с. 313–314)

Капризы погоды обращаются в «Россияде» в явление самой Зимы, приведенной Нигрином в Казань с Кавказских гор. Зима персонифицирована, она напоминает снежную королеву: подобно ей, Зима живет в ледяном чертоге в царстве вечного холода. Зима выступает на стороне темных сил, обрушивает на россиян, стоящих под Казанью, вихри, снег, морозы. Но священная хоругвь с изображением Спасителя заставляет Зиму отступить, что также согласуется с историческим источником, согласно которому «...егда же привезен честный крест, в нем же частка вделана спасеннаго древа, на нем же Господь наш Иус Христос плотию страдал за человеки, тогда прозвитеры соборне, со церемониями христианскими, обхождения творяху, и по обычаю церковному освятиша им воды, и силою животрящего креста абие отъ того часа ищезоша и безъ вести быша чары оные поганские» (Курбский 1913, с. 32). Помимо призвания Зимы, чародей связан со

¹⁸⁸ Лызлов А. Указ. соч. – С. 123.

змеиной темой: именно он обращает тела Рамиды и рыцарей в крылатых змеев, а потом отпускает их. Гибель Нигрина не волшебна, но символична – его убивает обломок подорванной стены города, зло гибнет вместе с падением Казани.

Как в античных, так и в новоевропейских эпopeях в дела смертных вмешиваются высшие силы, и Херасков в «Россииде» придерживается этой традиции. Благодаря участию духов и олицетворений, борьба Москвы и Казани принимает в поэме форму противостояния сил добра и зла, о чем речь шла выше. Чтобы поведать Иоанну о бедах русского народа и возбудить в царе праведный гнев против Казани, ему во сне является князь Александр Тверской. По наблюдению А.И. Любжина, исследовавшего влияние латинской эпической поэзии на произведение Хераскова, князь Тверской в «Россииде» напоминает Гектора из «Энеиды»¹⁸⁹, поскольку является Иоанну в образе воина, а не мученика. Темные силы в поэме возглавляет Безбожие, оно созывает на совет олицетворенные Пороки и направляет их против христиан. Злодейства, Раздор, Корыстолюбие, Порочная любовь – порождения Безбожия, их действия направлены на разрушение и порождение хаоса в душах героев и окружающем мире.

К высшим силам в «Россииде» относится ряд других духов и божеств. Например, раскаянию Сумбеки и Едигера способствует Небесный дух. Он является казанским правителям в критические моменты, удерживает их от суицида и указывает путь к спасению, просветляя их души. Иоанну дарует мудрость сама Божественная София, нисходящая к нему в белых одеждах и лучах света. Сафгирея облакает в прежнее существо Провидение – непостоянное крылатое божество, покрытое сплошь ушами и очами, с небесным огнем, полыхающим над головой. Представители высших сил в поэме разнообразны и не похожи друг на друга. Их образы восходят к Библии, истории, античной мифологии, европейскому и русскому фольклору. Такое многообразие порождает некоторую хаотичность в поэме: ни темными, ни светлыми силами никто целенаправленно не руководит, их действия кажутся произвольными, впрочем, это в большей степени относится к темным силам, которым заведомо не должна быть свойственна гармония.

Лейтмотивом, берущим начало в латинских и новоевропейских образцах эпопеи, в поэме Хераскова становится пророчество. Сложный вопрос, могут ли пророчества и видения быть отнесены к числу вымыслов: с одной стороны, речь идет о проявлениях сверхъестественного, с другой – свидетельства о подобных чудесах содержатся в летописях. Например, в «Казанской истории» неоднократно упоминаются явления Сергия Радонежского и других святых русским воинам (История о Казанском царстве 1903, с.

¹⁸⁹ Любжин А.И. «Россиада» Хераскова и латинская эпическая поэзия. – С. 38.

141–143). «Царственная книга» повествует о видении святых апостолов Петра и Павла, святого Николы, преподобного Даниила, а также о колокольном звоне в Казани (Царственная книга 1769, с. 273–276)¹⁹⁰. О многочисленных чудесах и видениях свидетельствует А.И. Лызлов¹⁹¹. Херасков перерабатывает летописные рассказы, вписывая чудеса в концепцию произведения. Поскольку роль всезнающего старца отведена в поэме Вассиану, Иоанну является воин Александр Тверской, а не преподобный Сергей Радонежский, что позволяет избежать повторов. Остановить Иоанна, смутить его пытается представитель сил зла – Безбожие в образе Магомета. Оно является царю в сиянии славы, подобающем пророку, сидящим на пламенном драконе (снова змеиная тема!), со свитком в одной руке и мечом в другой. Безбожие искушает Иоанна, предрекает ему убийство сына и другие беды. Безбожию удастся смутить царя, и лишь волшебный щит удерживает Иоанна от падения.

Пророчества имеют место и в Казани. Сумбеке видится падение города:

Сумбеке наяву, Сумбеке в сновиденье,
Столицы и венца является паденье,
Ей вопли слышатся, ей тени предстоят:
Лишишься царства ты! и день и ночь твердят.
(Россияда 1796, с. 45)

В данном случае Херасков, возможно, ссылается на упомянутое в «Казанской истории» пророчество старшей жены Сафа-Гирея (История о Казанском царстве 1903, с. 66) либо, как свидетельствует «Царственная книга» и А.И. Лызлов в «Скифской истории», царевны Ковгоршад, сестры хана Махмет-Аминя (Махметемина), предсказавшей победу Иоанна: «Сия же Ковгоршад Царевна, сестра Маагмед Аминя Царя, иже грамоте татарской научена бысть, и многому бесовскому волхованию излише павыче; и та некогда по волхованию своему сказавше в Казани Посланником Великаго Князя: ведый будете, еже глаголю вам, яко отныне почти на десяти летех Татарове Казанстии не возмогут противитись Великому Князю Ивану, и не токмо Казанским царством обладает, наипаче же и иными странами; також и сами Татарове сказываху, яко многажды слышаху и видяху многа дивная знамения, еще живу суцу Царю их Сафа-Кирею» (Царственная книга 1769, с. 104). В «Скифской истории» содержится аналогичный рассказ, при этом уточнено время падения Казани: «...ведая будише, яко отныне по шестинадесяти летех, Татарове

¹⁹⁰ См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 66–69.

¹⁹¹ Лызлов А. Указ. соч. – С. 97–99.

Казанстии немогут противитися Царю и великому Князю Иоанну Васильевичу, иже нетокмо Казанским Царством обладает, но и многими татарскими странами»¹⁹². Падение Казани в поэме предвещает некий муж, явившийся жителям города:

Изшедый некий муж является из вод,
Предстал он весь покрыт и тиной и травой,
Потоки мутные отряхивал главою,
Очами грозными Казанцов возмущал;
Увы, Казань! Увы! стеная он вещал,
Не жить Ордынцам здесь!.. Смущенные речами
Казанцы бросились к видению с мечами;
Но послан тартаром, иль волею небес,
Сей муж невидим стал, и яко дым исчез.

(Россияда 1796, с. 50)

Вероятно, этот эпизод также заимствован Херасковым из «Казанской истории»¹⁹³. Чтобы рассеять все сомнения, Сумбека в поэме Хераскова призывает дух покойного царя. Умерший супруг является казанской царице удрученным, сознающим безнадежность как своего положения, так и участи казанского ханства. Он предрекает торжество христианства и предпочитает не бесполезную борьбу, а самоустранение. Тень Сафгирея просит Сумбеку сжечь прах казанских правителей, покоящихся в волшебной роще, чтобы освободить их и избавить от муки наблюдать победу христиан. Обращение за советом к умершим – распространенный элемент сюжета античных поэм: Одиссей в XI песни «Одиссеи» спускается в Аид, чтобы встретиться с Тиресием, Эней в VI песни «Энеиды» также нисходит в царство мертвых, где получает от Анхиза предсказание будущего и судьбы своих потомков. Однако античные образцы не единственный источник Хераскова. Пророчество тени Сафгирея очень напоминает предсказание беса казанским священникам в «Казанской истории»: «...что стужасте о мне? Уже бо вам отныне несть на мя надежи, ни помощи ни мало от мене; отхожю бо от вас в пустая места, непроходная, прогнан

¹⁹² Лызлов А. Указ соч. – С. 98.

¹⁹³ «Волхвы же яко древле Елинистии пророчествоваше о Христове пришествие, сие и Казанскаи глаголаху: «о горе нам! Яко приближается конец нашему житию, и вера христьянская будет zde, и Русь имат вборзе царство наше взятии, и нас поработати и владети нами силно не по воле нашей. Вы же, аще хотите, скажем вамо прямо, необинуящесе, и еще тихо пожити в земли вашего отечества, жен и чад ваших и родителей состарившихся побиваемых, ведомых в плен не ведети, то избравшее от себя пошлите мужа мудры и словесны к Московскому самодержцу, могущих умолити его и укротити, заранее смиритесь с ним и обещаите бытии подручни к нему, не горящесе, и данидавайте...» (История о Казанском царстве 1903, с. 65).

Христовой силою; приходит бо сюда со славою своею, хочет воцариться в земли сеи и просветити святым крещением» (История о Казанском царстве 1903, с. 68). Бес, обратившийся огненным змеем, исчезает в клубах черного дыма, повалившего из мечети. Так же, вместе с огнем и дымом, уходят тень Сафгирея и призраки казанских правителей в поэме Хераскова.

К числу вымыслов, связанных с предсказаниями, можно причислить восхождение Иоанна к Храму пророчества на высокой горе и чтение Книги будущего. Старец Вассиан в «Россияде» играет ту же роль, что Сивилла в «Энеиде». Пустынник провожает Иоанна к месту, где тот узнает свою судьбу и будущее своего народа. Подарок Вассиана царю – волшебный щит, темнеющий, когда монарха одолевает грех, очень напоминает щит Энея, помогающий ему помнить все, что он узнал в Аду (хотя у Хераскова это, скорее, аллегория совести). Однако функции Вассиана в «Россияде» не сводятся к внесению фантастического элемента в поэму, о чем подробнее речь пойдет ниже.

Некоторые эпизоды в «Россияде» дополнительно способствуют сближению поэмы с латинскими образцами и античной мифологией. Один из персонажей прямо сравнивается с Синоном – героем Троянской войны, сумевшим обмануть троянцев. В поэме Хераскова переодетый казанский юноша проникает в русский стан, чтобы отыскать тело убитого отца. Этим поступком он также напоминает Приама, пришедшего в стан ахейцев за телом Гектора в XXIV песни «Илиады».

Неоднократно высказывалось мнение о дисгармоничности сказочных элементов в «Россияде». П.М. Строев, например, писал, что Херасков не умел употребить чудесное в своей поэме. По мнению критика, в сей части необходим тонкий вкус, позволяющий придать вымыслу правдоподобие, в противном случае чудеса утомляют¹⁹⁴. А.Ф. Мерзляков о слабости элемента чудесного в поэме писал раньше, только осторожнее, упрекая Хераскова в безразличном пользовании языческой и христианской атрибутикой¹⁹⁵. Однако необходимо принимать во внимание, что Херасков первым в русской литературе на практике интегрировал элементы античных и европейских образцов эпопеи в сюжет из русской истории, «приправляя» поэму образами и мотивами, взятыми из фольклора и древнерусской литературы. При этом автор «Россияды» по возможности придерживался исторических источников, включая в поэму чудеса, описанные в летописях. Сверхъестественные силы в поэме достаточно отчетливо делятся на два лагеря – небесные помощники христиан, направляемые Божьей волей, и

¹⁹⁴ См. *Строев П.М.* Указ. соч. – С. 31.

¹⁹⁵ См. *Мерзляков А.Ф.* Россияда, поэма эпическая г-на Хераскова // Амфион. – М., 1815. – №3. – С. 103–104.

объединенный лагерь темных сил, потворствующих казанцам, посредством чего противостояние Москвы и Казани дублируется на метафизическом уровне. Мы согласны с А.Н. Соколовым, который обнаружил систему в применении чудесного в «Россияде»: «На одной стороне, на стороне русских, в «Россияде» действуют разнообразные силы христианской религии. Херасков исчерпывающе использует различные явления христианского чудесного: исходным моментом для начала действия становится решение божественной воли, сообщаемой герою через небесного посланника; небесные внушения жителям земли и в дальнейшем нередко становятся мотивами действия; в нужный момент отверзается небо или герой восхищается духом на небо; то один, то другой персонаж имеет какое-нибудь видение; в бою принимают участие небесные помощники. Всей этой системой христианского чудесного управляет божественная десница, незримо, а иногда и зримо, присутствующая на исторической сцене. Труднее было свести воедино разнообразные нехристианские силы, вмешивающиеся в действие поэмы. Но у Хераскова здесь выступает в качестве объединяющего принципа нехристианская, языческая природа всех этих явлений»¹⁹⁶. Несмотря на гетерогенность, чудеса в «Россияде» создают вокруг исторических событий необходимый фантастический ореол, в чем и состоит их основная функция.

1.5. Сюжетообразующие анахронизмы

Противостояние Москвы и Казани, даже если рассматривать только правление Ивана IV, длилось не один год, и за это время произошло множество более или менее важных событий, касающихся двух государств. На казанском престоле сменилось пять правителей: Сафа-Гирей, Сююнбека, Утемиш-Гирей, Алей и Едигер. Россияне предприняли четыре похода на Казань, не считая мелких столкновений. Невозможно вместить такое количество событий в одну поэму, не сделав ее при этом сумбурной. Перед Херасковым стояла сложная задача: рассказать в «Россияде» о ключевых событиях в Москве, Казанском царстве, а также под Казанью за сравнительно продолжительный период, привязывая их, однако, к походу 1552 года. Чтобы эпизоды фрагментарной поэмы складывались в единое повествование, автору пришлось допустить ряд анахронизмов.

В поэме Хераскова нет четких временных указателей, однако описываемые в первой песни события относятся к 1547–1550 гг. Согласно произведению, в это время Иоанн в Москве предается праздности и ничего не ведает о бесчинствах казанцев и бедах своего народа. У власти находятся бесчестные, корыстные бояре, потворствующие

¹⁹⁶ Соколов А.Н. Указ. соч. – С. 308.

безделью царя и не предпринимающие мер для отпора врагам. Молитвы страдающего народа услышаны на Небесах, и во сне от святого Александра Тверского Иоанн узнает об истинном положении дел в стране. В душе монарха происходит перелом, он кается, берет власть в свои руки, приближает Адашева и других патриотов, начинает готовиться к войне с Казанью. Похожие события имели место в действительности, но раньше 1552 года. Московское государство ослабело во время боярского правления, с 1538 до 1545–1547 гг. В этот период Москва очень опасалась нападения Крыма, в Казань отсылались богатые дары, а татары грабили русские земли, жгли села, уводили пленных. Однако к 1545 году¹⁹⁷ ситуация изменилась, и великий князь, выведенный из терпения обманами Сафа-Гирея, отправил к Казани две рати, вследствие чего хан вынужден был бежать и в 1546 году казанские вельможи в очередной раз принесли присягу Московскому государству и приняли на свой престол Шигалея (Царственная книга 1769, с. 121–123). С этого момента уже Казанское царство боялось Москвы, а не наоборот. Царь Иван не бездействовал, и в неведении его упрекнуть было нельзя, в 1549 и 1550 годах монарх сам водил армию к Казани (Царственная книга 1769, с. 145–149, 155–154¹⁹⁸). Перелом в душе великого князя, по свидетельствам историков, произошел в 1547 году после пожара и бунта черни в Москве, то есть на несколько лет раньше, чем в поэме. Тогда же Иван IV венчался на царство, женился, отстранил от власти бояр, приблизил к себе наиболее достойных людей: Алексея Адашева, Андрея Курбского, митрополита Макария, иерея Сильвестра и других (Курбский 1913, с. 8–12. См. также Курбский 2015, с. 21–27).

Заметим, что Сильвестр, протопоп кремлевского Благовещенского собора, во многом способствовал духовному перерождению царя. По свидетельству Андрея Курбского, во время бунта черни он явился к Иоанну, подобно пророку, и грозно возвестил юному правителю, что его легкомыслие и злострастие прогневали Бога, отчего небесный огонь испепелил Москву и Вышняя сила волнует людей. Сей муж указал Иоанну в Святом Писании правила, которые Вседержитель дал земным царям и кои надлежит ревностно исполнять. Сильвестр явил некие страшные видения и чудеса, потряс ум и сердце Иоанна и произвел в нем благую перемену: великий князь раскаялся и встал на путь добродетели (Курбский 1913, с. 9; ср.: Курбский 2015, с. 23–24).

Любопытно, что Сильвестр в «Россияде» ни разу не упомянут, его замещает другой персонаж – Вассиан, образ которого имеет достаточно отчетливые масонские коннотации.

¹⁹⁷ Именно к этому году летописи относят начало Казанской войны в правление Ивана IV (Царственная книга 1769, с. 118–119. См. также: Русская летопись по Никонову списку 1791. – С. 44).

¹⁹⁸ См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 3–5.

Во время похода русской армии старец дважды встречается на пути Иоанна. Херасков отводит Вассиану роль пророка и духовного наставника царя, старец берет на себя часть функций Сильвестра: дает царю советы, являет пророчества, направляет Иоанна на праведный путь. Историческим прототипом старца является Вассиан Патрикеев – монах, последователь Нила Сорского, происходивший из рода князей Патрикеевых и Голицыных – последнее является заблуждением, проистекающим из пометки на рукописи «Истории о великом князе Московском», которой пользовался Херасков, о чем подробно говорит К.Ю. Ерусалимский: «Изложенные в «Истории» подробности о жизни Вассиана и указание Курбского, что Вассиан «по отце внук княжати литовского Патрикеев», не оставляют сомнений в том, что в его тексте речь идет о писателе князе В.И. Патрикееве. Ошибочное отождествление Вассиана с князем Голицыным, видимо, опирается не только на факт происхождения Голицыных из рода Патрикеевых и безличное мнение «многих». В рукописи Музейного собрания № 4851 напротив слов «внук княжества литовского Патрикеев» на полях приписано (светло-коричневыми, отличными от основных, чернилами) – «К. В. Юр. Гол.» (князь Василий Юрьевич Голицын). Эта помета уникальна в рукописной традиции Сборника, поэтому можно предположить, что Херасков использовал для работы над «Россиадой» Музейную рукопись, – по крайней мере, между 1786 и 1796 г.»¹⁹⁹. Michel De Dobbeleer находит образ Вассиана в поэме символическим – персонажу отведена роль посредника между Иоанном в настоящем и будущем России, к тому же образ мудрого старца в «Россиаде» сближает эпопею Хераскова и западноевропейскими образцами²⁰⁰. Исторический старец Вассиан выступил против развода Василия III с Соломонией Сабуровой, за что подвергся опале со стороны царя и в 1531 году был осужден Соборным судом за «извращение церковных правил», допущенное в составленной или Кормчей книге. О дальнейшей судьбе Вассиана сведений не сохранилось, за исключением свидетельства Курбского о том, что он был заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, где его уморили иосифляне (Курбский 1913, с. 4. См. также Курбский 2015, с. 19). Иван IV в 1552 году определенно не мог повстречать Вассиана Патрикеева, умершего, вероятно, к этому времени. Однако в поэме есть указание именно на Вассиана Патрикеева:

Познай во мне того, которому гонитель
И ближний сродник был усопший твой родитель;
Я тот, которого он презрел род и сан;

¹⁹⁹ Ерусалимский К.Ю. Указ. соч. – С. 89.

²⁰⁰ De Dobbeleer, Michel. The Figure of Vassian as Key to the Interpretation(s) of Mikhail Kheraskov's *Rossiada* // *Slavica Gandensia*, 31. 2004. – P. 48–51.

Я есмь несчастливый пустынный Вассиан...

(Россияда 1796, с. 196)

В дополнение к этому имеется комментарий самого Хераскова: «Сей Вассиан, или Савастиян, сослан был в заточение Царем Василием Иоанновичем» (Россияда 1796, с. 196).

В действительности в жизни Ивана IV сыграл заметную, но прямо противоположную описанной в поэме роль другой монах – Вассиан Топорков, бывший епископ коломенский, сведенный с престола в 1547 году митрополитом Макарием. По идеологической ориентации Вассиан Топорков был ярким иосифлянином. Согласно Курбскому, в 1553 году после покорения Казани Иван IV навестил «лукавого иосифлянина» Топоркова в Кирилло-Белозерском монастыре. Вассиан дал царю совет: «...аще хочещи самодержец быти, не держи собе советника ни единого мудрейшаго себя, понеже сам еси всех лутчши; тако будещи тверд на царстве, и всех имети будещи в руках своих. И аще будещи имел мудрейших близу себя, по нужде будещи послушен им» (Курбский 1913, с. 52. См. также Курбский 2015, с. 70). По мнению Курбского, этот «силлогизм сатанинский» очень понравился Ивану IV и крайне пагубно повлиял на царя в дальнейшем. Несмотря на хронологическую близость Вассиана Топоркова к Ивану IV и их встречу, Херасков выбрал прототипом для героя поэмы нестяжателя Вассиана Патрикеева. Масонам, к числу которых принадлежал Херасков, должно было быть близко учение Нила Сорского и его последователей о самосовершенствовании. Старец Вассиан в поэме – это не реальное лицо, но просвещенный масон, воплощенный архетип мудрого старца:

На персях у него как лен брада лежала,
Премудрость на его лице изображала;
Священну книгу он, чело склоня, читал...

(Россияда 1796, с. 193–194)

Все события, связанные со старцем Вассианом в поэме, полностью вымышлены, их следует рассматривать в контексте масонских воззрений автора, о чем рассуждает, например, упомянутый выше Michel De Dobbeleer²⁰¹. Путешествие царя и Вассиана на каменную гору к аскетическому храму пророчества – это распространенная в масонских

²⁰¹ *De Dobbeleer, Michel*. The Figure of Vassian as Key to the Interpretation(s) of Mikhail Kheraskov's *Rossiad*. – P. 56–61.

проповедях аллегория самосовершенствования с целью постижения тайных знаний. Вассиан указывает Иоанну две стези: на первой путника встречают зефиры, предлагающие бесценные дары и множество утех; на второй стезе, куда более мрачной, доведется столкнуться с пламенными змеями, пройти под висящими скалами, услышать страшный звериный рев. Первая дорога не сулит опасностей и трудностей, но ведет напрямик в ад; на второй легко разбиться и ослепнуть, но если путник проявит достаточно душевной твердости, то вскоре узрит небесный чистый свет, получит доступ к тайным знаниям. Эти две стези также есть распространенная аллегория: первая дорога – праздный, порочный образ жизни, стремление к материальным благам; вторая – борьба со своими пороками, преодоление страстей, совершенствование разума, стремление к благам духовным²⁰². Таким образом, несмотря на наличие прототипа, Вассиан не имеет отношения к историческому Ивану IV.

О стягивании в поэме 1545–1547 и 1551–1552 годов говорит описанное в «Россиаде» заседание Думы, на котором обсуждается вопрос, нужно ли воевать с Казанью. На самом деле на заседании Думы в 1552 году спорили о том, должен ли царь сопровождать армию. Иоанн хотел вести войско сам, но бояре опасались нападения на Москву других врагов в его отсутствие. Решали также, в какое время года лучше выступить. Шиг-Алей отстаивал преимущества зимнего похода, но царь не захотел ждать (Царственная книга 1769, с. 203²⁰³). Борьба бояр за влияние на царя, убедительные доводы Адашева, Курбского, Хилкова, митрополита и других достойных мужей, ослабление позиций коварного Глинского – события 1547 года.

Еще сильнее перемешаны в поэме факты, вымыслы и недосказанности, связанные с Алеем. Некоторые события перенесены из одного времени в другое, так что три воцарения Алея в Казани, приходившиеся на разные годы, сливаются в одно. В поэме царица Сумбека, следуя совету призрака Сафгирея, решает стать супругой нелюбимого Алея, чтобы дать Казани нового царя и утишить волнения в городе. Алей, проводя разведку под стенами Казани, случайно сталкивается в священном лесу с Сумбекой, поддается ее чарам, без разрешения Иоанна идет с ней в Казань и занимает трон. Фактически Алей совершает измену России, хотя его оправдывает намерение постепенно подчинить Казанское царство Москве. Однако ожидания Алея не оправдываются, он становится заложником казанских вельмож. Сумбека, влюбленная в Османа, хочет

²⁰² В поэме «Владимир» (Песнь VIII) есть похожий фрагмент о двух путях (в основе евангельское речение) (*Херасков М.М.* Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 2. Владимир, поэма эпическая. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. – С. 131), который мы рассмотрим ниже.

²⁰³ См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 8.

известии Алея, пытается убить его с помощью отравленной одежды, от чего царя спасает, жертвуя собственной жизнью, верный раб. Тогда Сумбека, Саргун и другие вельможи решают принести Алея в жертву и закопать его голову под стенами города²⁰⁴. Об опасности царя предупреждает преданный друг Гирей, он же устраивает Алею побег из Казани, за что схвачен и ослеплен. Беглец долго скитается в одиночку, пока не встречается Иоанна и не вымаливает прощение.

На самом деле в 1551 году казанцы попросили мира с Россией и согласились на все условия: выслали Сююнбеку с маленьким Утемиш-Гиреем в Свияжск, освободили русских пленных, добровольно приняли в качестве правителя русского ставленника Шиг-Алея. Последнему отдали в супруги одну из жен Сафа-Гирея, но не Сююнбеку, с которой он разминусь в Казани. Как измену Алея России можно в лучшем случае расценивать его недовольство тем, что у Казани отняли Горную сторону, нежелание принимать христианство и отказ сдать Казань россиянам. Многие татарские вельможи были недовольны, и Алей устроил кровавый пир, чтобы подавить мятеж в зародыше. Иоанн решил отозвать Алея из Казани, отправил к нему Адашева, Шиг-Алей подчинился. Уходя из Казани, он отослал в Свияжск оружие и обманом взял в плен казанских вельмож (Царственная книга 1769, с. 183–196²⁰⁵), о чем в поэме нет ни слова. Тем не менее, история о том, что Алей был заложником в Казани и едва сумел бежать, не выдумана автором, а перенесена из одного времени в другое. В 1546 году казанцы, напуганные нападением русской армии, решили выдать Сафа-Гирея и попросили наместника у Москвы. Русский ставленник Шиг-Алей, вполне сознавая опасность, занял казанский престол. Татарские вельможи сделали нового царя пленником, посадили в темницу его слуг, но верный Алею сановник Чура устроил ему побег из Казани, за что был казнен вернувшимся в город Сафа-Гиреем (Царственная книга 1769, с. 121–123; История о Казанском царстве 1903, с. 49–54)²⁰⁶. Скитания беглого Алея также имели место в действительности, но еще раньше – в правление великого князя Василия Ивановича, когда

²⁰⁴ Здесь может иметь место сохранившийся в фольклорной традиции мотив «строительной» жертвы, приносимой в основание города, который в Библии соотносится с языческой скверной (например, Исайя 53:4–5: «Не те ли вы убо чада пагубы, племя беззаконно, молящиеся к кумиром под дубием частом закалающе чада своя в дебрех камня»). Подробно об этом см.: *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. – СПб.: Акрополь, 1995. – С. 145–171.

²⁰⁵ См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 5. Об этих событиях свидетельствуют и другие исторические источники, например Русская летопись по Никонову списку 1791. – С. 85–97;

²⁰⁶ См. также: Русская летопись по Никонову списку 1791. – С. 47–48. В поэме Хераскова Чура назван Гиреем и ему удается спастись.

казанцы впервые призвали Сафа-Гирея²⁰⁷. Эти события подменяют в «Россияде» происшествия 1551 года. Заметим, что в 1546 году Сююнбека не могла принимать заметного участия в заговоре против Алея. История сложных взаимоотношений Сумбеки и Алея основана преимущественно на свидетельствах «Казанской истории», согласно которой, после смерти Сафа-Гирея в 1549 году его вдова стала правительницей Казани и открыто прелюбодействовала с крымским царевичем Кошакком (в поэме он назван Османом). Однако основание Свияжска в 1551 году напугало казанцев, в городе собрался совет вельмож, принявший решение снова звать на казанский престол Шигалея и отдать ему в жены Сююнбеку. Царица, «аки лютая львица» противилась подчинению Москве, но к ней не прислушались. Почувствовав угрозу для себя, Кошак покинул город с женой, детьми и верными людьми, но был пойман русскими воеводами, отправлен в Москву, где отказался принять крещение и был казнен. Убедив царицу в своей правоте, казанцы со смирением отправились в Свияжск к Шигалею и пригласили его на царство. Сююнбека по татарской традиции отправила будущему супругу дары – некие яства, затем одеяние, но и то, и другое оказалось отравленным²⁰⁸. Шигалей разгневался и потребовал от казанцев выдачи Сююнбеки и маленького Утемиша, которых в том же 1551 году выслали из Казани в Свияжск, а оттуда в Москву (История о Казанском царстве 1903, с. 68–84)²⁰⁹. Таким образом, Шигалей и Сююнбека разминулись, на что есть четкое указание в источнике²¹⁰, их временный союз в Казани, где также находится Осман, – авторский вымысел. Любовь Алея к Сумбеке, ради которой он едва не становится предателем, а также прощает возлюбленной все ее козни – явное преувеличение. В «Россияде» Алей просит у Иоанна руки Сумбеки уже после взятия Казани, получает согласие царя и женится на возлюбленной, забыв о ее предательстве, однако в «Казанской истории» изложена иная

²⁰⁷ «Сей знатный муж, верный Государю своему по выходе из Казани, скитался несколько времени петь, изнурен наготой и голодом» (*Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 94–95).

²⁰⁸ Согласно Н.Ф. Лаврову, Иван IV дал согласие вести переговоры с казанцами при условии выдачи казанского царя (Утемиш-Гирея), царицы (Сююнбеке), а также всех крымцев, что и было выполнено (см. Лавров Н.Ф. Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий Археографической комиссии. – Вып. 1 (XXXIV). – Л., 1927. – С. 88–89). История с попыткой отравления Шиг-Алея, таким образом, вымысел, появившийся в «Казанской истории». Г.Н. Моисеева по этому поводу замечает: «Можно полагать, что крымцы и Сумбека были обвинены в чем-то очень серьезном, если только при условии их выдачи Иван Грозный мог согласиться на мирные переговоры. Есть основания думать, что этим общим делом Сумбеки и крымцев была связь Казани с Турцией в надежде получить от нее помощь для борьбы с Русским государством. Сказочный эпизод с отравленной пищей и одеждой в «Казанской истории» сделал Сумбеку виноватой только по отношению к Шигалею. и он, а не казанцы, изгоняет ее из пределов казанского царства (*Моисеева Г.Н.* Казанская царица Сююнбике и Сумбека «Казанской истории». – С. 181).

²⁰⁹ См. также: *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 133–134.

²¹⁰ «Царь же Шигалеи посла царицу к Москве, изымав ю вины ради ея, хоте бо она ево отравую уморити, яко же преже рех, но Бог сохрани его от нея. И по царице царь въехав в Казань и седе на царстве» (История о Казанском царстве 1903, с. 85).

версия: Шигалей был вынужден Иваном IV взять в жены татарскую царицу вскоре после ее сведения с престола и ухода из Казани самого Шигалея в преддверии похода 1552 года. Не простил Шигалей и попытки отравления: согласно «Казанской истории», он запер супругу в отдаленном покое и не жил с ней (История о Казанском царстве 1903, с. 182). В данном случае имеет место явное противоречие основному источнику «Россияды», свидетельства которого не вписывались в замысел произведения.

Анахронизмы, связанные с пребыванием Алея в Казани, можно назвать ключевыми для сюжета поэмы и замысла автора. Они стягивают воедино события 1546–1552 годов, помогают представить казанцев в самом дурном свете, создают сложный любовный конфликт.

Некоторые любопытные события 1552 года совсем не упомянуты в «Россияде». Например, письмо Шиг-Алея правителю Казани, написанное по поручению Ивана IV. Алей, будучи родственником Едигера, просил его смириться и приехать в стан к Иоанну без всякой боязни. Казанским вельможам объявили, что царь желает не гибели их, а раскаяния и выдачи мятежников. В ответном послании Едигер и вельможи поносили Иоанна, Россию и христиан, называли Алея предателем²¹¹. После такого эпистолярного диалога нападение на Казань было неизбежно. В поэме упомянуто последнее предложение мира и ответ казанцев, представляющий собой стрелу с запиской: «Как древу сей стрелы вовек не процветать / Так россам царства ввек Орде не уступать» (Россияда 1796, с. 217). В действительности на последнее требование выдать зачинщиков бунта и обещание простить народ казанцы ответили менее поэтично, но более обстоятельно: «Не бием челом, на стенах и в башни Русь, и мы иную стену поставимъ, да все помрем или отседимся» (Царственная книга 1769, с. 297²¹²). Автор обошел вниманием подробности, ничего не добавляющие к сюжету.

Обобщая сказанное, заключим, что Херасков намеренно допустил в «Россияде» определенные анахронизмы с целью выстроить гармоничную композицию поэмы. Перед автором стояло несколько задач: необходимо было привязать духовное возмужание Иоанна к борьбе русского народа с татарами; требовалось избежать упоминаний о слабости Казани и предшествующих 1552 году победах России в борьбе с ней; поэт замыслил столкнуть Алея с Сумбекой, избегая сильного противоречия источникам. Херасков смешал в поэме реальные события 1545–1552 годов, выбрав те из них, которые

²¹¹ «И тут прислал Едигер Магмет к Царю Шигалею с грамотою полоняника; а пишет гордые и скверныя слова; веру Православную и Царя благочестиваго поносить и укаряет; також и Шигалея похуляет, и себя на брань готова возвещает» (Царственная книга 1769, с. 261–262. См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 54–55).

²¹² См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 88.

отвечали его замыслам, и опустил мешающие или незначительные. Следствием этого стало объединение нескольких походов русской армии против Казани в один. Автор не столько искажал историю, сколько переставлял события во времени и по-своему интерпретировал их, выстраивая сюжет поэмы.

1.6. Необоснованные неточности

Некоторые несоответствия истории в «Россияде» кажутся необоснованными, поскольку не выполняют каких-либо четких функций в поэме. Попробуем рассмотреть отдельные моменты.

В поэме, когда Иоанн решает сам вести рать к Казани, царица Анастасия приходит к нему с сыном-младенцем на руках и умоляет государя остаться или взять их с собой. В действительности весть о рождении первого сына – Дмитрия – Иван получил осенью 1552 года, вскоре после покорения Казанского царства. Ранее Анастасия подарила супругу двух дочерей²¹³, следовательно, царица, прощаясь с Иоанном, могла держать на руках лишь девочку. Возможно, в данном случае Херасков, следуя античной литературной традиции, воссоздавал в «Россияде» сцену прощания Гектора с Андромахой и маленьким сыном («Илиада», песнь VI), меняя персонажи. К тому же сын, тем более первенец, наследник престола, в средневековом сознании воспринимался более важным, чем дочь, Иоанну было бы сложнее покинуть новорожденного сына, и в поэме такое решение дается монарху нелегко, что придает дополнительный вес его твердости в исполнении долга перед народом и церковью. Допускаем, что неточность относительно младенца на руках царицы обоснована художественно.

В «Россияде» некоторые исторические лица названы другими именами без видимой мотивации. Когда в поэме заходит речь о Московском митрополите, бросается в глаза неточность: Херасков именует митрополита Даниилом, хотя в 1542 году на митрополию был поставлен Макарий, ранее архиепископ Новгорода и Пскова (Царственная книга 1769, с. 104), и не зная этого автор не мог:

Носящ чин Ангельский и сан первосвященный,
Небесным житием известный Даниил...
(Россияда 1796, с. 25)

²¹³ Более подробно см. Русская летопись по Никонову списку 1791. – С. 65; Лызлов А. Указ. соч. 1776. – С. 154.

Ближайший к Иоанну митрополит Даниил возглавлял русскую православную церковь с 1522 по 1539 год: ученик Иосифа Волоцкого, Даниил после его смерти стал главой иосифлян и подвергал преследованию нестяжателей, в том числе Вассиана Патрикеева. Митрополит Даниил умел угождать власти, способствовал разводу Василия III с бездетной женой Соломонией Сабуровой, позже он помогал вдове Василия III Елене Глинской. В 1539 году Даниил поддерживал в борьбе за власть и влияние на юного Ивана IV партию Бельских, однако победу одержали князья Шуйские, которые скоро низложили митрополита Даниила (Царственная книга 1769, с. 75–76). Последний удалился на покой в Иосифо-Волоколамский монастырь, где и умер в 1547 году, за несколько лет до покорения Казани²¹⁴. Сложно аргументировать подмену имени митрополита в поэме. Возможно, Херасков пытался таким образом напомнить о ряде богословских и назидательных сочинений митрополита Даниила, направленных против нравственных пороков. За исключением имени, митрополит в «Россияде» соответствует историческому митрополиту Макарию. Он поддерживает Иоанна, когда царь решает встать на путь раскаяния, высказывается в пользу похода на Казань, благословляет Иоанна перед выступлением войска.

Первосвященник Сеит в поэме – это тавтология. Сеит (сеид) – высший сан в казанской церковной иерархии, только священник, ведущий свой род от Магомета, первых халифов или сеидов, мог быть казанским первосвященником. Он правил духовными делами, имел влияние в политических делах, не зависел от хана. В поэме Херасков не называет имени реального казанского сеита Кульшерифа-Молны, который многократно упоминается в источниках (Царственная книга 1769, с. 306)²¹⁵, что может быть связано с тем, что в «Казанской истории» и «Опыте Казанской истории древних и средних времен» П.И. Рычкова приводится преимущественно сан первосвященники – Сеит – без имени, и там же находим свидетельство о выдаче Сеита казанцами и его казни (кстати, его обезглавили, что перекликается с историей Сеита и Ремы в поэме) одновременно со сведением Сююмбеки и Утемиша из Казани (История о Казанском царстве 1903, с. 75)²¹⁶.

Автор указывает в комментариях, что под именем Саргуна скрывается татарский вельможа Чапкун (Россияда 1796, с. 53), а предводитель казанских партизан Япанча назван в поэме Армазом. Выше мы оговаривали, что Асталон соотносим с историческим

²¹⁴ См.: Русская летопись по Никонову списку: [В 8 ч.]. – Ч. 6 / Под смотрением Императорской Академии наук. – СПб.: Императорская Академия наук, 1790. – С. 228, 249; Русская летопись по Никонову списку 1791. – С. 19.

²¹⁵ См. также: Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года. – С. 97; Русская летопись по Никонову списку 1791. – С. 86.

²¹⁶ См. также: Рычков П.И. Указ. соч. – С. 135.

Аталыком, татарским богатырем, любовник Сююнбеки Улан-Кошак в произведении переименован в Османа, о чем Херасков тоже говорит в соответствующем комментарии (Россияда 1796, с. 46). В «Россияде» даже под вымышленными именами не упомянуты зачинщики мятежа в Казани, чьей выдачи требовал Иоанн: Изенеш Ногайский, Ислам, Аликей Нарыков, Кебек Тюменский, Дербыш²¹⁷. С Сеитом, Саргуном, Асталом и Османом в поэме связано множество вымыслов. Возможно, автор, не желая приписывать историческим лицам действия, которых они не совершали, дал персонажам произведения другие имена.

В «Россияде» дважды встречается упоминание опричников, в первом случае «опричников собор» сопровождается комментарием «Опричниками назывались лучшие воины, составляющие гвардию Царскую» (Россияда 1796, с. 39):

Я вижу пламенных Опричников собор!
 Се войска целого подпора и надежда,
 Сияет, будто огонь, золотая их одежда.
 Как в храме Божиим является олтарь,
 Так зрится мне грядущ в середине оных Царь.
 (Россияда 1796, с. 39)

...Смущенный Царь речами,
 Велел Опричникам приблизиться с мечами;
 И сим оплотом бег текущим преградить,
 Велел забывших честь Россиян не щадить.
 (Россияда 1796, с. 328)

Как известно, отправная дата опричнины – 1565 год. В конце 1564 года Иоанн, ранее репрессировавший членов Избранной рады, проникнутый глубокой неприязнью и подозрительностью к боярам, переехал со всем двором в Александрову слободу. Этим поступком царь вынудил бояр согласиться на учреждение опричнины в 1565 году. Само слово «опричина» (от «опричь» – кроме), традиционно означавшее часть княжества, которую после смерти князя выделяли его вдове «опричь» всех уделов, в 1565 году неожиданно обрело иной смысл. Теперь «опричь» всей земли выделялся удел самого царя, и был он несравнимо больше прежних вдовьих уделов. Вместе с «опричниной» в обиход вошло слово «опричник». Впоследствии А.М. Курбский, иронически используя значение слова «опричь» – кроме, называл опричников «кромешниками» – воинами «тьмы

²¹⁷ О них есть упоминание в «Царственной книге» (см.: Царственная книга 1769, с. 262).

кромешной», то есть ада²¹⁸. Таким образом, в 1552 году понятие «опричник» попросту не существовало, упоминание опричников в «Россияде» – анахронизм, который к тому же противоречит концепции произведения. В поэме описан самый благополучный период правления Ивана IV, времена его союза с членами Избранной рады и духовного просветления. Появление на страницах произведения опричников, стойко ассоциирующихся с террором, напоминает, за какие деяния Ивана прозвали Грозным, и разрушает благоприятное впечатление о царе, создать которое стремился автор «Россияды».

Недостоверным является утверждение в поэме, что Улу-Махмет лишился сына Мамотяка. В действительности первый царь Казани и основатель города был убит родным сыном Мамотяком, стремившимся захватить власть (История о Казанском царстве 1903, с. 20²¹⁹).

Еще несколько мелких неточностей в поэме: сын Сумбеки представлен отроком, хотя в 1551 году Утемиш-Гирею было не более 4-5 лет²²⁰; по словам Саргуна, Казань была воздвигнута два столетия назад, а это явное преувеличение (либо преуменьшение, если говорить о предании о царе Саине): Казань была основана в середине пятнадцатого века, т.е. чуть более чем за 100 лет до времени действия в поэме²²¹.

Поводом для упреков Хераскову в недостаточном знании истории послужил исторически недостоверный финал поэмы:

Чело венчанное Россия подняла,
Она с тех дней цвести во славе начала...
(Россияда 1796, с. 340)

В действительности беды России в период правления Ивана IV только начинались: мятеж в Казани; затяжная, разорительная Ливонская война 1558–1583 годов; смерть царицы Анастасии и перемены к худшему в поведении Иоанна; разгон Избранной рады и опричнина; нашествие крымского хана на Москву в 1571 году... Следствием этих событий стало разорение и ослабление России, что в конце концов привело к Смуте. Даже

²¹⁸ А.М. Курбский подробно рассказывает о периоде опричнины (Курбский 1913, с. 99–164.).

²¹⁹ См. также: Рычков П.И. Указ. соч. – С. 56, 82.

²²⁰ В «Царственной книге» указано, что в 1549 году, когда умер Сафа-Гирей, его сыну было 2 года: «И посадили Казанцы и Крымцы со едина часа на царство Казанское, сына его Утемиш-Гирея Царевича дву лет» (Царственная книга 1769, с. 151).

²²¹ Согласно «Казанской истории», в середине XV века произошло второе основание Казани (История о Казанском царстве 1903, с. 19). Первое пришлось на лето 6680 (1172 год) (История о Казанском царстве 1903, с. 10).

покорение Казани в 1552 году не было окончательным. В 1553 году татары снова подняли мятеж, особенно непокорными оказались жители Луговой стороны, так что против них было направлено несколько русских полков (Царственная книга 1769, с. 335)²²². Россияне пять лет, с 1553 по 1557 год, не опускали меча, борясь с возмущениями на новоприсоединенной территории²²³. Часть казанцев добровольно приняла крещение; другие служили Москве, не меняя своей веры. Только после присоединения Астраханского ханства в 1557 года Казань сделалась относительно мирным вассалом России, сохраняя имя царства.

Однако Херасков мог трактовать покорение Казани как начало Московского царства, в частности, под влиянием «Казанской истории», о которой, например, М.Б. Плюханова писала следующее: «Описание взятия города в «Казанской истории» представляет собой сложное соединение сведений летописного происхождения со сведениями, почерпнутыми из «Повести о взятии Царьграда» или обусловленными ее влиянием. Это соединение призвано извлечь из событий казанской войны все возможные черты сходства с царьградской эпопеей, а иногда привнести их и туда, где сходство не обнаруживается. Осуществляемая таким образом компиляция источников есть, несомненно, творческий акт. Результат его – сближение взятия Казани со взятием Царьграда – чрезвычайно важен в системе исторических представлений Московского царства. Казань становится тем царственным градом, овладение которым приводит к воцарению»²²⁴. Иное обоснование финала «Россияды» предлагает Michel De Dobbeleer, по мысли которого, счастливый конец поэмы следует понимать как обоснование внешней политики Екатерины II, следствием которой стало присоединение Крыма – последнего татарского ханства²²⁵. В любом случае упоминание перечисленных событий размывало бы финал поэмы, снижая героический пафос, так что Херасков остановился на ключевом моменте – собственно победе над давним врагом Московского государства и утверждении православной веры в Казани, что отвечает канонам жанра и укладывается в концепцию произведения.

* * *

Исторический материал, легший в основу «Россияды», был почерпнут Херасковым из ряда источников. Ввиду обилия свидетельств о периоде правления Ивана IV Хераскову необходимо было отобрать ключевые эпизоды и связать их в единое повествование,

²²² См. также: Русская летопись по Никонову списку 1791. – С. 198.

²²³ См. об этом: Русская летопись по Никонову списку 1791. – С. 200-202.

²²⁴ Плюханова М.Б. Указ. соч. – С. 186.

²²⁵ См. De Dobbeleer, Michel. The Figure of Vassian as Key to the Interpretation(s) of Mikhail Kheraskov's Rossiad. – P. 51.

придерживаясь классицистических канонов жанра. В поисках баланса между исторической достоверностью и вымыслом, Херасков одни события воспроизводит в поэме сравнительно точно, другие интерпретировал вольно, третьи опускал, а также дополнял рассказ о казанском походе 1552 года вымышленными фрагментами и отдельными подробностями.

В поэме почти одинаково количество анахронизмов, неточностей, вымыслов, связанных с Москвой и Казанью, однако качественно они различаются. Опустим перестановки событий во времени, необходимые для выстраивания сюжета, а также представление воинов рыцарями в подражание европейским литературным образцам Хераскова, так как они в равной степени относятся к обеим сторонам. В Казани происходит больше волшебных событий, чем в России: волхование Сумбеки и Сеита, чары Нигрина, создающие неотъемлемый для эпопеи фантастический фон. Важно, что все волшебники в поэме оказываются мусульманами или язычниками, что в данном случае равнозначно, поскольку речь идет о противниках христиан вообще. С российской стороны лишь одно исключение – старец Вассиан, напоминающий древнерусского волхва и одновременно христианского святого. Но Вассиан не творит никакого волшебства, не совершает обрядов, как татары, он лишь провожает Иоанна к Храму пророчества и дарит ему же волшебный щит, а пророчество, явленное Иоанну Книгой будущего, соотносится с предсказанием призрака Сафгирея и является традиционным для эпопеи взглядом в будущее. Высшие силы поддерживают в поэме и россиян, и казанцев, но на стороне первых посланники небес, вторым помогают приспешники Безбожия, сиречь дьявола, что переводит противостояние Москвы и Казани на уровень священной войны за правую веру.

К «казанским» несоответствиям истории следует отнести все любовные конфликты в «Россияде», вносящие в поэму романтическую составляющую в духе новоевропейских поэм и одновременно обеспечивающие реализацию мотива саморазрушения Казанского ханства. Подавляющее большинство не упомянутых в поэме событий связано с действиями русской армии, преимущественно автор обходил вниманием моменты, разрушающие положительный образ русской армии, либо просто незначительные для сюжета произведения. Несмотря на равное количество неточностей, связанных с русскими и татарами, можно сделать вывод, что российская история в поэме интерпретирована менее вольно, чем казанская. Факты истории России скорее выпущены или переставлены во времени; значимость некоторых реальных событий преувеличена, в то время как в Казани имеют место многие заведомо вымышленные происшествия.

Казанское ханство и его представители в поэме целенаправленно дискредитированы. Многие «русские» вымыслы в поэме работают на создание образов

безупречных героев-рыцарей (в частности Курбского, Пронского, Палецкого), в то время как неточности, связанные с казанцами, чаще всего выставляют последних в дурном свете. Это отчасти связано с малочисленностью собственно татарских письменных источников, рассказывающих о покорении Казани Московским государством. События данного периода реконструируются в основном по русским летописям, в которых отчетливо прослеживается тенденция к осуждению противников и их отрицательной характеристике. Кроме того, в источниках «Россияды» содержатся предания, историческую достоверность которых можно поставить под сомнение. Некоторые из них Херасков обыграл в «Россияде», например рассказ о бесе или свидетельство Курбского о чарах, творимых казанцами.

Комбинация собственно исторических событий и вымыслов в поэме создает целостную картину покорения Казанского ханства. Исторические неточности, анахронизмы и чудеса вносят в произведение дополнительные эффекты: возвышают предмет поэмы за счет отождествления Казани с Золотой Ордой и реализации мотива священной войны, обеспечивают контраст между положительными и отрицательными персонажами, способствуют сохранению героического пафоса на протяжении произведения, выравнивают сюжет посредством стяжения событий нескольких лет, наконец украшают «Россияду», делая повествование более ярким. Херасков признавал, что его произведение несовершенно: «Знаю, что моя Поэма далеко отстоит от Эпических Поэм в мире известных; знаю, что в ней немалые погрешности, слабости, несовершенства; что многое в ней подвержено благорассудной критике, но не плеведам голов поврежденных – но кто из писателей избежал критики? И кто написал совершенные творения в мире?» (Россияда 1796, с. XX). Однако поэт создал оригинальную эпопею на историческую тему, на практике решив проблему соотношения исторического материала и вымысла в ней.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «КОРСУНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ» В ПОЭМЕ «ВЛАДИМИР»

«Владимир» – вторая широко известная поэма М.М. Хераскова, закрепившая за поэтом славу «песнопевца России» (П.А. Вяземский). Херасков, оставаясь верным исторической тематике, обращается к более раннему периоду российской истории, чем в «Россияде», – правлению князя Владимира I Святославича, вошедшего в историю под прозвищами Красно Солнышко и Святой. Поэма рассказывает о крещении Руси и событиях, предшествовавших одному из ключевых моментов в истории России.

Впервые поэма «Владимир возрожденный» опубликована в 1785 году²²⁶. В 1786–1787 году «Владимир» вошел во второй том «Эпических творений» Хераскова вместе с поэмой «Плоды наук», при этом Херасков сократил заглавие, оставив только имя киевского князя, а последнюю XV песнь разделил на две (в результате в поэме стало XVI песней)²²⁷. В составе «Творений М. Хераскова, вновь исправленных и дополненных», в части II, поэма была напечатана в 3-й редакции (последней прижизненной); в ней добавлены две песни (XII и XIII), рассказывающие о приключениях Всеволода; в итоге в поэме стало XVIII песней, изменились некоторые эпизоды и концовка:

Победну песнь выиграли райски лиры.
Владимир, в вечности венцами покровен,
Доколе свет стоит, не может быть забвен;
Он подвигом святым во веки будет славен;
Россию просветил, апостолам он равен²²⁸.

В том же виде поэма была перепечатана в посмертном переиздании «Творений» Хераскова, печатавшихся с 1807 по 1812 годы в Москве²²⁹.

²²⁶ *Херасков М.М.* Владимир возрожденный, эпическая поэма М.Х. / Изданием типографической компании. – М.: Унив. тип., 1785. – 245 с.

²²⁷ *Херасков М.М.* Владимир, эпическая поэма. – М.: Унив. тип., 1787. – 244 с. – (Эпические творения М. Хераскова: [В 2 ч.]. – Ч. 2). В серии того же набора было отпечатано отдельное издание поэмы. Совпадают в первых двух изданиях финальные четверостишия:

Ты будешь озарять Российскую страну,
Доколе видит мир и солнце, и луну
И слава дел твоих не умолчит во веки,
Доколе истине внимают человеки! (Там же, с. 264)

²²⁸ *Херасков М.М.* Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 2. Владимир, поэма эпическая. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. – С. 361.

²²⁹ *Херасков М.М.* Творения Хераскова: [В 12 ч.]. – [2-е изд.]. – Ч. 2. Владимир – М.: Тип. Пономарева, 1809. – 294 с.

В 1820 году в типографии Московского университета А.С. Ширяев перепечатал «Эпические творения» Хераскова по изданию 1786–1787 гг., т.е. возвращаясь к редакции поэмы «Владимир» в XVI песнях (цензором издания 1820 г. стал А.Ф. Мерзляков)²³⁰. Данное издание сопровождалось перечнем песней с кратким изложением их содержания, историческим предисловием к «Россияде», воспоминаниями современников Хераскова «о любимце муз», надписями к портрету творца «Россияды» и «Владимира», стансами и иными стихотворениями, посвященными Хераскову, а также краткой биографической справкой и комментарием издателя. Таким образом, А.С. Ширяев подводил итоги творчества Хераскова. Отрывки из поэмы недавно были переизданы в книге Н.А. Гранцевой «Чудо о Князе-Крестителе»²³¹.

На протяжении более чем двадцати лет М.М. Херасков переделывал и дополнял поэму, которая по сравнению с исходным вариантом приобретала более фантастическую окраску, автор заметно акцентировал аллегорический план, вносил новые аспекты, в целом, однако, не меняя основы и придерживаясь начального замысла. В настоящей работе мы опираемся на издание в составе «Творений Хераскова, вновь исправленных и дополненных» (1797), где представлена наиболее полная прижизненная редакция поэмы «Владимир».

Выбранный автором сюжет двояк: с одной стороны, Херасков интерпретирует события, определившие ход истории Руси, что соответствует требованиям к эпической поэме; с другой – поэт выделяет духовные аспекты, создавая гибрид героической и аллегорической поэмы, что отражено уже в заглавии произведения. Возрождение Владимира в данном случае следует воспринимать как перелом в сознании героя, обусловленный рядом факторов. Автор христианизует произведение, рассматривает события «с изнанки», прибегает к аллегориям и домыслам, тем самым сводя к минимуму историчность произведения. Сознательное нарушение классицистических канонов и свободная интерпретация исторических событий значительно отличают «Владимира» от «Россияды», создаваемой как традиционный образец эпической поэмы. Нашей задачей является выявление исторической основы поэмы, определение особенностей интерпретации исторического материала и установление мотивов автора, обусловивших вымыслы в произведении.

В литературной критике и литературоведении «Владимира» постигла та же судьба, что и «Россияду». Современники М.М. Хераскова одобрили поэму, возможно, в большей

²³⁰ Херасков М.М. Владимир // Эпические творения М. Хераскова: [В 2 ч.]. – Ч. 2. – М.: Унив. тип., 1820. – 294 с.

²³¹ Херасков М.М. Владимир <отрывки> // Гранцева Н.А. Чудо о Князе-Крестителе. – СПб.: Журнал «Нева», 2016. – С. 85–215.

степени отдавая дань автору первой русской эпопеи, нежели художественным достоинствам произведения, которое, по мнению А.Н. Соколова, «оказалась значительно слабее «Россияды» в идейно-художественном отношении»²³². Примечательны хвалебные отзывы Н.М. Карамзина о поэме «Владимир возрожденный» в письмах 1785–1790-х годов, адресованных И.И. Дмитриеву. Позже, реагируя на появление «Эпических творений» Хераскова (1787), Н.М. Карамзин высоко оценил «Россияду» и «Владимира» в письме к Лафатеру: «Мы еще бедны поэтами. У нас есть несколько поэтов, заслуживающих быть читанными: первый и лучший из них Херасков. Он сочинил две поэмы: «Россияда» и «Владимир»; последнее и лучшее произведение его остается еще непонятым моим соотечественникам»²³³. Однако интерес ко «Владимиру» был также утрачен по причине смены литературной моды и вкуса публики. Эпическая поэма начинает восприниматься как архаичный жанр, исследователи обращаются к произведениям более актуальным.

В Предуведомлении ко второму тому собрания своих сочинений Херасков предупреждает, что в третьем издании поэма претерпела ряд изменений: «Издавая третьим тиснением Поэму Владимир, предуведомляю читателей, что во многих местах переправлена она; 12 и 15 Песни вновь прибавлены <...> Прочие Песни дополнены, переделаны, преобразены; основа та же, но действие, краски и цветы совсем новые – не стыжусь таких в моей Поэме исправлений» (Владимир 1797, с. VII). Совершенствуя «Владимира», автор ориентировался на европейские эпопеи, ранее служившие образчиками «Россияды». В данном случае Херасков, перерабатывая поэму, следовал примеру Т. Тассо и Ф.-М. Вольтера, которых упоминает в Предуведомлении: «Остроумный Вольтер, слишком пятьдесят лет переделывая свою Генриаду, при каждом издании многое отменял и многое прибавлял к ней. Бессмертный Тасс сочинил прежде Поэму Ренод, но критики тогдашних Академий уважая, переделал своего Ренода, и сотворил Освобожденный Иерусалим... Поэт обрабатывать, перекрашивать, до совершенства приближать творение свое обязан, а особливо Эпическую поэму» (Владимир 1797, с. VII–VIII). Позже Херасков вновь ссылается на Вольтера и не скрывает, что в некоторой мере подражает «Генриаде» (1728):

Где круг сомкнулся их, гнездилась хитрость тут,
Котору в наши дни политикой зовут;

²³² Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М.: Изд-во М. ун-та, 1955. – С. 180.

²³³ Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма / Сост., вступ., статья и коммент. А.Ф. Смирнова. – М.: Современник, 1982. – С. 252.

Она, она крепит и разрушает грады.
 О сладостный певец преславной Генрияды!
 Ты пламенным пером изобразил ее,
 И ей определил на Тибре житие:
 Живою кистию политику представил,
 Ко подражанию мне тень одну оставил.

(Владимир 1797, с. 59–60)

«Владимир» в некоторых моментах схож с «Генриадой»: обе поэмы рассказывают о правителях, принявших новую веру ради укрепления власти (Владимира это касается в меньшей степени, чем Генриха IV), в обеих выделяются два плана – исторический и аллегорический. В первой части «Генрияды» доминирует историческая точка зрения на события, Вольтер опирается на фактический материал, вторая часть поэмы более пространная, в ней много домыслов и элементов фантастики, которые относятся непосредственно к Генриху IV: предпосылки произошедших в нем перемен, помощь святого Луи, небесный огонь, персонифицированные Политика и Фанатизм, Пороки и Страсти, козни Раздора, храм Любви... Подобные аллегории, в целом характерные для литературы XVIII века, имеют место и в поэме Хераскова. Сравнивая «Генриаду» и «Владимира», нетрудно провести параллели: храм Любви у Вольтера и долина искушений у Хераскова, нравственный путь, пройденный Генрихом и Владимиром, участие высших сил в судьбах героев, утверждение идеала просвещенного абсолютизма (эту тему Херасков позже разовьет в поэме «Царь, или Спасенный Новгород»), проблема религиозного фанатизма и иные моменты. «Генриада» служила Хераскову общим руководством, однако «Владимир» – вполне оригинальная поэма. Во «Владимире» превалирует аллегорическое начало, Херасков менее стог в изложении исторических фактов, нежели Вольтер в первой части произведения. Композиция «Владимира» также отличает поэму от «Генрияды»: Херасков иначе выстраивает сюжет, не совпадает количество песней и т.д.

Перерабатывая поэму, Херасков в издании 1797 года отметил открытие «Слова о полку Игореве»:

О! древних лет певец, полночный Оссиян!
 В развалинах веков погребшийся Баян!
 Тебя нам возвестил незнаемый писатель;
 Когда он был твоих напевов подражатель,
 Так Игорева песнь изображает нам,

Что душу подавал Гомер твоим стихам;
 В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
 Отважный львиный ход, парения орлины.
 Ты, может быть, Баян, тому свидетель был,
 Когда Владимир в Тавр Закон приять ходил,
 Твой дух еще когда витает в здешнем мире!
 Води моим пером, учи играть на лире...

(Владимир 1797, с. 300–301)

В сноске Херасков дополнительно комментирует находку рукописи: «Недавно отыскана рукопись, под названием: Песнь полку Игореву не известным писателем сочиненная. Кажется, за многие до нас веки, в ней упоминается Баян Российский песнопевец» (Владимир 1797, с. 300). В остальном справедливо замечание А.В. Западова: «ничем из художественных сокровищ «Слова о полку Игореве» Херасков не воспользовался, как не включил он в свою поэму и мотивов народного устного творчества»²³⁴.

Помимо собственно исторических и христианских источников, а также литературных образцов, М.М. Херасков должен был принимать во внимание художественные произведения на темы истории Киевской Руси, каковых к моменту выхода «Владимира» было немало. Вошедшая в моду историческая тематика нашла отражение в трагедиях писателей XVIII века, прежде всего А.П. Сумарокова («Хорев» (1747), «Синав и Трувор» (1750), «Семира» (1751), «Ярополк и Димиза» (1758), «Мстислав» (1774), «Вышеслав» (1768)). В художественную литературу киевский князь, крестивший Русь, вошел в начале XVIII века с трагедокомедией Феофана Прокоповича «Владимир» (1705), позже за ней последовали трагедии М.М. Хераскова «Пламена» (1765), Я.Б. Княжнина «Владимир и Ярополк» (1772), Ф.П. Ключарева «Владимир Великий» (1779)²³⁵ и еще одна трагедия Хераскова – «Идолопоклонники, или Горислава» (1782). Тема язычества и принятия новой веры является сквозным мотивом произведений, посвященных времени правления Владимира. Так, в трагедокомедии Феофана Прокоповича убиенный Владимиром Ярополк предрекает победу сводного брата над языческими богами:

²³⁴ Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избр. произведения / Вступ. ст., подг. текста и прим. А.В.Западова. – Л., 1961. – С. 40.

²³⁵ См.: Ключарев Ф.П. Владимир Великий // Российский Феатр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. – Т. 4. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1786. – С. 81–144.

Еще прежде глада
 Побьет их Владимир: дерзнувший пролити
 Кровь братнюю, дерзнет он и богов побити...²³⁶

Пьеса Я.Б. Княжнина рассказывает историю убийства Ярополка Владимиром, одним из действующих лиц является Рогнеда, подталкивающая супруга к преступлению. Сюжет о киевском князе и Рогнеде лег в основу трагедии Ф.П. Ключарева «Владимир Великий» и трагедии М.М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава». Во «Владимире Великом» интрига строится вокруг стремления Рогнеды, подстрекаемой Студом, убить мужа, погубившего полоцкого князя. Владимир узнает об измене и судит Рогнеду, но вовремя прощает ее. Истинный злодей – Студ – выдает себя, все становится на свои места. Ключарев не касается темы язычества, Студ руководствуется желанием занять княжеский престол, а не защитить язычество. Иначе обыгрывает схожий сюжет Херасков.

В трагедии «Идолопоклонники, или Горислава» Рогнеда также становится орудием в руках противников Владимира, однако последние, прежде всего великий жрец Золиба, злоумышляют против князя именно вследствие его намерения принять новую веру. Произведение Хераскова начинается с признания Владимира Добрыне:

Исчезло прежнее мое к богам вниманье,
 И самое на них исчезло упованье;
 Священный ужас тот, который ощущал,
 Когда я капища и храмы посещал,
 Во равнодушие сей ужас претворился;
 Где Бога видел я, мне там кумир открылся!²³⁷

Внутренние терзания по поводу утраты веры в прежних богов приводят Владимира к пониманию своих заблуждений:

Не тако мышлю я, как прежде рассуждал;
 Неразумения тогда покрытый мраком,
 Пленился божества я тенью и призраком:

²³⁶ *Феофан Прокопович. Владимир. Трагедокомедия // Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 158 (действие 1, явл.2).*

²³⁷ *Херасков М.М. Идолопоклонники, или Горислава // Херасков М.М. Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 4. [Трагедии]. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798. – С. 339–340.*

С народом странствовал невежества в ночи;
 Теперь являются мне Истины лучи,
 За нею следую; однако дам свободу
 Законы избирать, вельможам и народу²³⁸.

Владимир в трагедии принимает решение уничтожить язычество, но встречает сопротивление со стороны жрецов и родственников. Князь при поддержке Добрыни преодолевает все препятствия на пути к истинной вере. Однако А.В. Западов замечает, что в трагедии Херасков создал образ деспота, равнодушного к страданиям ближних, прежде всего Рогнеды – осиротевшей дочери, отвергнутой супруги, скорбящей матери. Владимир по воле автора или вопреки ей предстает мудрым политиком, сильным правителем, но бессердечным человеком²³⁹.

Ранее Херасков обращался к теме принятия христианства в трагедии «Пламена». Новая вера и политика, проводимая Владимиром, становятся причиной острого конфликта между киевским князем и преданным старым богам Превзыдом. Жертвами религиозного и политического противостояния князей оказываются их дети, Позвезд и Пламена, разрываемые любовью друг к другу, чувством долга и верой в Христа. Гибнет и сам Превзыд, не сумевший одолеть Владимира и защитить своих богов, но оставшийся верным своим убеждениям до конца.

Таким образом, в трагедиях «Пламена» и «Идолопоклонники, или Горислава» Херасков интерпретирует интересующее его историческое событие, поскольку, как отмечает А.В. Западов, это сложная эпоха виделась автору-масону временем духовного просветления, привлекала возможностью «показать сильные характеры, столкновения страстей и интересов, глубоко обнажившиеся в обстановке крещения Руси»²⁴⁰. В трагедиях автор с разных сторон подходит к проблеме выбора, вставшего перед Владимиром и впоследствии народом, изображает препятствия, с которыми пришлось столкнуться киевскому князю, прежде всего противодействие язычников. Работая над трагедиями, Херасков обращался к летописям, черпая из них сведения о событиях давних времен и людях, оставивших след в истории Руси²⁴¹. Уже в трагедиях поэт вырабатывает определенную методику создания произведений на исторические темы: Херасков

²³⁸ Херасков М.М. Идолопоклонники, или Горислава. – С. 340–341.

²³⁹ См. Западов А.В. Указ. соч. – С. 46–47.

²⁴⁰ См. Западов А.В. Указ. соч. – С. 46.

²⁴¹ На это также указывает А.В. Западов: «Херасков изображает фигуры исторических деятелей и при работе над трагедиями пользуется летописными источниками» (Западов А.В. Указ. соч. – С. 46).

основывается на историческом материале, дополняя и интерпретируя свидетельства хроник в зависимости от творческого замысла.

Однако жанр несколько ограничивал возможности Хераскова в раскрытии философской составляющей проблемы, не позволял отклониться от драматической коллизии в пользу подробного изложения обстоятельств, подтолкнувших Владимира к крещению. Принятию новой веры должно было предшествовать преодоление слабостей, нравственные мытарства в поисках истины, отречение от заблуждений и сомнений. Эту тему Херасков развивает в поэме «Владимир», уделяя особое внимание предпосылкам принятия христианства и внутреннему преображению киевского князя.

Наиболее вероятным источником поэмы «Владимир» является «Повесть временных лет»²⁴², на которую указывают, например, Л.Л. Федотова²⁴³, Адам Дрождек²⁴⁴ и S.L. Baehr²⁴⁵. Помимо «Повести временных лет», Херасков мог обращаться к «Истории российской с самых древнейших времен» В.Н. Татищева (первая книга напечатана в типографии Императорского Московского университета в 1769 году, вторая – в 1773)²⁴⁶, «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова, опубликованной в 1766 году²⁴⁷, «Истории Российской от древнейших времен» М.М. Щербатова²⁴⁸, «Киевскому синопсису», впервые напечатанному в 1764 году в типографии Киево-Печерской лавры, переизданному в 1678, 1680, а затем в 1736 году уже в Петербургской Академии наук²⁴⁹,

²⁴² Далее в тексте мы будем ссылаться на издание 1996 (Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.), а также при необходимости примем во внимание раннюю редакцию «Повести временных лет» в составе «Радзивилловской летописи» (Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – 301, 50 с.).

²⁴³ См. Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – С. 136.

²⁴⁴ «The Russian Primary chronicle (The tale of bygone years) contains some information about Vladimir and to some extent Kheraskov followed it» (Drozdek, Adam. Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems // Ricerche Slavistiche 11 (57) 2013. – P. 100).

²⁴⁵ «Kheraskov's skeletal plot for Vladimir comes from the Primary Chronicle» (Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991. – P. 104)

²⁴⁶ Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 1. – М.: Тип. М. ун-та, 1769. – 600 с.; Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 2. – М.: Тип. М. ун-та, 1773. – 536 с.

²⁴⁷ Ломоносов М.В. Древняя Российская история: В 2 ч. – Ч. 1–2. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1766. – 140 с.

²⁴⁸ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен / История Россійская отъ древнѣйшихъ времянь: [В 14 т.]. – Т. I. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1770. – 325 с.

²⁴⁹ В Предисловии к «Киевскому синопсису» отмечено, что издание 1736 года повторялось впоследствии 18 раз, «для того что книга сия по бывшему недостатку других Российской Истории книг печатных, была в свое время единственною оной учебною книгою» (Киевский синопсис. – Киев: Тип. Киевопечерской Лавры, 1836. – 233 с.).

«Ядру российской истории» А.И. Манкиева²⁵⁰ (1770), летописям – «Никоновской летописи»²⁵¹, «Новгородскому летописцу», напечатанному в 1786 году в составе «Древней Российской вивлиофики»²⁵², – житийной литературе²⁵³ и др. Есть основания полагать, что Херасков воспринял свидетельства «Повести временных лет» в переложении историков XVIII века, прежде всего В.Н. Татищева, либо дополнил летописное изложение событий материалами «Истории российской с самых древнейших времен» и иных трудов. В пользу данного предположения говорит тот факт, что греческого философа, пришедшего в Киев, Херасков именует Киром. В «Повести временных лет» содержится рассказ о философе, но имя его не упомянуто. Адам Дроздек предполагает, что Херасков, обрабатывая краткий летописный рассказ, домысливает ряд подробностей, в том числе имя философа. По мнению исследователя, Кир – очевидная аллюзия на святого Кирилла Философа, создателя славянской письменности, почившего ко времени крещения Руси²⁵⁴. Схожее утверждение находим у Л.Л. Федотовой, которая упоминает одновременно святого Кира и святого Кирилла как наставников Владимира²⁵⁵. Однако можно указать на другие источники Хераскова – названный выше труд В.Н. Татищева (Татищев 1773, с. 65), к которому поэт прибегал, создавая «Россиюду» (в частности под влиянием Татищева Херасков именует в поэме Ивана IV Иоанном II) и

²⁵⁰ <Манкиев А.И.> Ядро российской истории. – М.: Тип. М. ун-та, 1770. – 392 с.

²⁵¹ Никоновская летопись введена в научный оборот В.Н. Татищевым, первая часть опубликована в 1767 году (Русская летопись по Никонову списку: [В 8 ч.]. – Ч. 1. / Под ред. Августа Шлецера. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – 198 с.).

²⁵² Новгородский летописец // Древняя Российская вивлиофика: [В 11 ч.]. – Ч. II. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1786. – 712 с.

²⁵³ Подробнее об агиографиях Владимира и варягов-мучеников см. *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. – М., 1915. – С. 51–60; *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е, вновь исправленное и дополненное. – М.: Университетская типография, 1903. – С. 63, 211; *Пичхадзе А.А., Ромодановская В.А., Ромодановская Е.К.* Жития княгини Ольги, варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.I.63) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. – СПб., 2005. – С. 228–308; *Лукин П.В.* Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект // ДР. – 2009. – №4 (38). – С. 73–96.

²⁵⁴ «Finally, a philosopher from Byzantium presented his case and the Chronicle devoted several pages to his speech. This philosopher became one of the most important figures in the Vladimir. Kheraskov gave him the name of Cyril (he was not named in the Chronicle), a clear allusion to the already deceased Cyril (), brother of Methodius. Also, in the Vladimir, Cyril was the source of information for Vladimir, his guide and mentor, although the version of Christianity he presented did not quite match what can be found in the Chronicle» (*Drozdek, Adam.* Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems. – P. 100).

²⁵⁵ «Рядом с Идоломом в поэме возникают образы греческого философа святого Кира и святого Кирилла. Последний упоминается в летописи как паломник, принесший на Русь христианскую веру и письменность» (*Федотова Л.Л.* Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2009. – С. 25–26).

«Владимира», а также «Записки касательно российской истории» Екатерины II (1783)²⁵⁶. В указанных источниках приведено имя греческого философа – Кир, и Херасков, вероятно, переносит его на страницы произведения, вновь следуя за Татищевым и под влиянием Екатерины II. М.В. Ломоносов называет Философа Константином, не отождествляя, однако, его со святым Кириллом (Ломоносов 1766, с. 109), М.М. Щербатов и А.И. Манкиев, напротив, упоминают имя Кирилл (Щербатов 1770, с. 254; Ядро российской истории 1770, с. 54), также не утверждая, что речь идет о святом равноапостольном учителе Словенском. Исключением является «Киевский синопсис», в котором речь идет именно о Святом Кирилле Философе, пришедшем в Киев от Греческих Царей: «По отшествии же Святаго Кирилла Философа созва к себе Владимир Боляр своих и советников...» (КС 1836, с. 62). У Хераскова Кир может быть сокращением имени Кирилл, однако каких-либо существенных указаний на то, что прототипом Кира является именно святой Кирилл (Константин) Философ, в поэме, как и в большинстве исторических источников, нет.

В Предуведомлении к поэме Херасков упоминает дополнительные источники, которые трудно установить, так как речь идет о духовных книгах и беседах с мудрыми людьми. «Владимир» является в полной мере христианской эпопеей, при создании которой автор опирался на широкий круг христианских источников, который, однако, никак не конкретизирован: «Многие духовные книги в моем сочинении мне руководствовали, многое от беседования с целомудренными людьми я заимствовал, многое собственным познал опытом; и ежели кто прочитав сию Поэму скажет, что он не напрасно потерял свое время, то и я сказать осмелюсь, что мое время, сочиняя Владимира, употребил не втуне» (Владимир 1797, с. IX). В основу христианских проповедей в поэме лег текст Св. Писания, в данном случае библейские аллюзии закономерны. Христианские мотивы в целом важны для Хераскова: как упомянуто выше, А.И. Любжин находит отсылки к Св. Писанию уже в «Россиаде»²⁵⁷.

2.1. Христианская проповедь

²⁵⁶ *Екатерина II. Записки касательно Российской истории. Ч. V // Сочинения Императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина: [В 12 т.]. – Т. 10. Труды исторические. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1901. – 338 с.*

²⁵⁷ См. *Любжин А.И. Христианские источники «Россиады» М.М.Хераскова // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Вып.4. – Петрозаводск, 2005. – С. 86–95.*

Отличительная черта творчества Хераскова – дидактичность. Поэт стремился наставлять читателей, убеждал в необходимости творить добрые дела, помогать ближним, скрашивая моральное содержание увлекательной формой, занимательным сюжетом и изящным слогом. Херасков мастерски умел соединить «полезное с приятным», что помогало избегать прямолинейных скучных поучений в произведениях. В ранних своих творениях, одах и баснях, Херасков показывает себя моралистом, искренне пытаясь уговаривать читателей быть добродетельными. Однако позже поэт становится менее прямолинейным, прибегает к иносказаниям, аллегориям, являет читателям положительные примеры, достойные подражания, или передает слово персонажам произведений, из чьих уст назидания звучат менее навязчиво для читателей. Легкая романтическая форма позволяла донести добрые советы до адресатов и при этом не наскучить им²⁵⁸. В этом контексте поэмы Хераскова на исторические темы, прежде всего «Владимира», следует рассматривать как произведения назидательные.

В Предуведомлении ко «Владимиру» Херасков предупреждает читателя о том, что в поэме традиционные черты эпоса уступают место положительному примеру человека, осознавшего свою неправоту и нашедшего в себе силы вступить на стезю добродетели: «Ежели кто будет иметь охоту прочесть моего Владимира, тому советую, наипаче юношеству, читать оную не как обыкновенное Эпическое творение, где по большей части битвы, рыцарские подвиги и чудесности воспеваются; но читать как странствование внимательного человека путем истины, на котором сражается он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает во мраки сомнения, борется со врожденными страстями своими, наконец преодолевает сам себя, находит стезю правды, и достигнув просвещения возрождается» (Владимир 1797, с. VIII). Автор изначально обрисовывает замысел поэмы и задает вектор восприятия, указывая на дидактический характер произведения. Помимо юношества, поэма, очевидно, адресована большинству современников Хераскова, прежде всего императору Павлу I, которому посвящено третье издание произведения. В посвящении Херасков прямо сравнивает императора с князем Владимиром²⁵⁹, тем самым напоминая, что монарху надлежит подавать пример своим подданным и первому блюсти нравственную чистоту, дабы быть достойным своей исторической роли. Херасков ставил перед собой задачу просветить поколение современников, но скромно определял свое назначение: поэт, вещающий о событиях прошлого: «Не учительским скучным голосом преподаю наставления, как достигать света

²⁵⁸ Об этом также пишет А.В. Западов (*Западов А.В.* Указ. соч. – С. 26).

²⁵⁹ «Кому и мог я посвятить ее, кроме Великого Потомка бессмертного Владимира, который благочестием, целомудрием, важными предначинаниями ему подобен?» (Владимир 1797, с. V–VI)

истины; ни с важностию проповедника мне неприличною возвещаю, как возродиться человек может; но в духе свойственном песнопевцу, робкому песнопевцу, единственно о Христианском просвещении Владимира поведаю, Владимира, России просветителя и нареченного Равноапостольным. – Повесть важна, велика и восторгов достойна» (Владимир 1797, с. VII–IX). Деяния киевского князя, воспеваемого в произведении, являются, по мнению Хераскова, предметом, достойным эпической поэмы, автору достаточно правильно осветить их, указав читателю ориентиры и помогая надлежащим образом истолковать изображаемые происшествия и их подоплеку.

Духовное прозрение главного героя и обретение подлинной внутренней красоты через принятие истинной веры должно подвигнуть читателей последовать примеру Владимира. Херасков указывает верный путь, пройти по которому сложно, но автор подсказывает, как преодолеть препятствия. Выбранный предмет давал поэту возможность прояснить некоторые моменты христианского вероучения и показать его пользу для человека. Автор вписывает в сюжет поэмы христианскую проповедь, призванную наставить Владимира и подтолкнуть его к верному выбору. Изложение христианского закона в поэме Херасков доверяет проповедникам. Некоторые персонажи-наставники имеют прототипы, упомянутые в исторических источниках поэмы, другие вымышлены. Общая функция героев – донести истину словами и подать положительный пример поступками.

Исходным толчком к принятию христианства становится появление двух варягов, отца и сына, павших жертвами язычников. В это время князь потакает своим порокам, ведет распущенный образ жизни:

Владимир обольщен был мира суетою,
Доколь не озарён стал верою святою.
Лежали семена греха в его крови;
Он в лаврах шествовал под знаменем любви.

(Владимир 1797, с. 3)

Народ, который, подобно князю, дремлет «безбожного неверия в ночи» (Владимир 1797, с. 4), почитает Владимира как хорошего правителя, выполняющего свой долг по отношению к богам и их жрецам, а любострастие и иные слабости князя воспринимаются как нечто естественное и вполне дозволенное. Обвинить Владимира в безбожии тем более сложно, ибо он чтит богов, прислушивается к жрецам, приносит жертвы. Правление Владимира кажется благополучным, и внушить князю сомнения в его правоте

проблематично. Заглянуть себе в душу Владимира заставляет столкновение с христианами, их проповедь и гибель за веру. Благочестивые варяги в поэме скорбят о пребывающих в глубоком заблуждении киевлянах, молятся об их спасении, на что получают ответ свыше: старшему варягу-праведнику является Херувим и возвещает волю Божию – идти в Киев и просветить Владимира, поведав истину о Творце. Старец, подобный ангелу, открывает Владимиру глаза на суть ереси – подмену единого, незримого Бога – творца всего сущего – рукотворными кумирами:

О Царь! он спросил; который твой кумир
 Вселенну основал и наш устроил мир?
 Которым люди суть рассудком одаренны?
 Мне мнится, все они тобою сотворенны;
 Ты в деле рук своих величишь Божество,
 Не идола тебе, ты дал им существо.
 И для того что тлен и тварей обожаешь,
 Во тленах жизнь свою, во мраках погружаешь.
 Есть Бог живой! сей Бог тобою оскорблен,
 Что образом Его нарек ты прах и тлен.

(Владимир 1797, с. 6)

Варяг указывает на пагубность радостей плоти, от которых необходимо отречься, приняв Христов закон:

Не исполняешь ты Владимир Божьей власти,
 Кумирам кланяясь, любя мирские сласти.
 Да в вечности себе обрящешь Царский трон,
 Прими спасительный, прими Христов закон!

(Владимир 1797, с. 6–7)

Владимир, проникнувшись мудростью старца, задумывается о праведном законе, но ему требуется время, так как «во плоти безгрешным учиниться» человеку в одночасье не дано. Проповедь старца становится первой ступенью на пути к возрождению Владимира.

Последовавшие за описанной беседой события заставляют князя по-новому взглянуть на язычество и усомниться в вероучении жрецов. Проповедь пустынника и колебания Владимира озлобили киевлян, подстрекаемых жрецами и посланцами Ада.

Служители языческих богов вынуждают проповедника отречься от Бога и поклониться идолам, но старец готов претерпеть муки, пожертвовать сыном и умереть за свою веру. Пустынник просит убить его прежде сына, юноша же настаивает на обратном. Смирение праведников смягчает сердца киевлян, но не жрецов, поражающих христиан ножами. В этот миг Правда являет свой лик Владимиру и горожанам, князь осознает, что допустил преступление, позволил казнить благочестивых мужей, никому не причинивших зла. Раскаяние повергает князя в отчаяние, он впервые отворачивается от богов, требующих подобных жертв. Этот эпизод отлично вписывается в замысел поэмы, поскольку позволяет Хераскову показать, что духовное возрождение начинается с размежевания добра и зла, истины и лжи.

Историю двух варягов, отца и сына, убитых язычниками, Херасков переносит в поэму из основного исторического источника – «Повести временных лет» (ПВЛ 1996, с. 38–39). Согласно летописи, вельможи и старейшины пришли в уединенное жилище христиан, чтобы потребовать юношу в жертву богам, поскольку на него пал жребий. Старик воспротивился этому, обвинив язычников в поклонении деревянным идолам, сделанным человеческими руками, Бог же един и именно он сотворил все сущее. Рассвирепевшая толпа убила отца и сына. Историки-современники Хераскова воспроизводят этот эпизод со ссылкой на Нестора. В.Н. Татищев точно пересказывает фрагмент летописи²⁶⁰, М.М. Щербатов и М.В. Ломоносов дополняют летописное свидетельство подробностями: в «Истории Российской от древнейших времен» оговаривается, что жертву приносят в ознаменование победы Владимира над ятвягами, названы имена отца и сына, принявших мученическую смерть, – Федор и Иоанн (Щербатов 1770, с. 248); согласно «Древней Российской истории», варяги-христиане жили в Киеве и были знатны, жребий на юношу пал в результате подтасовки жрецов (Ломоносов 1766, с. 101). Херасков несколько иначе рассказывает историю варягов: в поэме проповедь старца не отчаянная попытка уберечь сына от язычников, убедив последних в их неправоте, она инициирована свыше. Автору важно было столкнуть

²⁶⁰ «Не суть то бози, но древо, соделанное руками человеческими, ныне вы их почитаете, а по мале времени изгинут; не ядят бо, ни пьют, ни молвят, ниже разумеют, что творите, не ощутят, когда сокрушени и сожигаемы будут; а бог есть един, Ему же служат Христиане и поклоняются, иже сотворил небо и землю, солнце, звезды, луну и человека, и дал ему жить на земли, ему я и сын мой веруем, а сии бози ничто в мире сотворили, но сами сделаны руками человеческими: того ради не дам сына моего бесам». Они же шед возвестили старейшинам; оные же рассвирепев, а паче народ жрецами поощряем, взяв оружие пошли к нему, и разметавъ двор, оступили около храмины. Он же стояше на сених с сыном своим, и реша ему народ: Дай сына твоего, да принесем его богам. А он отвечал: Ежели ваши боги правы, и требуют сына моего, да пришлют единого от себя бога, и возьмут сына моего; а вы почто требуете им? Народ же возопив подсекли сени под ними, от которого повалилось строение то, и тако убили отца и с сыном, и не весть никто, где их положили» (Татищев 1773, с. 63–64).

праведника с князем, дабы гибель христиан произвела впечатление на Владимира. Старец не избегает сметь, а напротив, идет ей навстречу во имя спасения Владимира и русского народа. События, описанные в «Повести временных лет», допускают подобную трактовку, отповедь старца предположительно влекла за собой гнев язычников и гибель отца и сына, воспротивившихся воле жрецов, хотя в исторических источниках варяг-христианин скорее пытается спасти юношу. Примечательно, что в первом издании поэмы история варягов передана в точном соответствии источникам: по воле Перуна, объявленной жрецами, Владимир, «расплачиваясь» за победу, «дал рукою знак творить что хочет Бог», то есть разрешил принести в жертву скрытых христиан, к которым отправляется распаленная толпа язычников:

И в тайне воинам веление дают,
 Да сих пустынников на жертву привлекут.
 Подвиглася толпа, люта, кичлива, злобна,
 Подвиглася, реке текущей с гор подобна.
 (Владимир 1785, с. 5–9)

Варяги, защищают друг друга, отповедь отца адресована толпе, о непосредственном разговоре с Владимиром упоминаний нет вовсе. В третьем издании Херасков меняет этот эпизод: дополняет нравоучения варяга и подчеркивает их просветительский характер, так что обращенная к Владимиру речь становится своеобразным «зачином» или «вводной частью» проповеди, пронизывающей поэму.

Столкновение с христианами пошатнуло языческое мировоззрение Владимира, внушило ему желание познать истинного Бога. Однако князь дезориентирован: прежние ценности утратили привлекательность, новые пока не ясны. Пребывая на перепутье, Владимир нуждается в проводниках, мудрых наставниках, указывающих верное направление к цели, удерживающих от совершения ошибок. Эти функции в поэме Хераскова выполняют проповедники Кир и Идолом.

Идолом – брат Пламида, похитивший у жреца сына, чтобы уберечь мальчика от растления и воспитать его христианином – появляется в Киеве, когда князь, забыв о недавнем откровении, поддается жрецам и едва не совершает очередное преступление: хочет взять в жены Версону против ее воли и отдать на растерзание жрецам возлюбленного девушки Законеста, публично признавшегося в том, что он христианин. Идолом, спасая от гибели молодых воспитанников, противостоит Пламиду и бросает вызов Перуну. Совершается чудо: жрец гибнет, мрак над Киевом развеивается, Владимир

и народ, потрясенные увиденным, охладевают к служителям языческих богов. Князь благословляет союз Версоны и Законеста вопреки своей страсти к девушке и ищет расположения Идолема. Эти события и персонажи вымышлены, их назначение в поэме – подтолкнуть главного героя к поиску истины. Преодоление своей главной слабости – любострастия – становится для Владимира очередной ступенью на пути к возрождению. Законест и Версона являют пример чистой любви, контрастирующей с вожделением Владимира, и герой осознает это. В лице новых знакомых Владимир обретает путеводную нить, за которой намерен следовать, несмотря на препятствия. Речи Идолема становятся очередным откровением для князя, у него постепенно формируется новая система ценностей, в которой мирские радости понимаются как оковы, удерживающие человека в греховности, а молитва и пост очищают, приближают к Создателю и способствуют обретению духовного блаженства:

Когда трапезу мы убогую вкушаем,
 Сердцами радостны, при пище быть желаем;
 Не нужен сладкий мед, ни песни, ни чертог;
 Молитва соль для нас, а пища наша Бог:
 Сердца мы от земли к Создателю возносим,
 И в жертву мы себя, вкушая хлеб, приносим...

(Владимир 1797, с. 82)

...Мы Бога чувствуем, мы Бога славим там;
 Богатство наше крест, жилище бедный храм.
 Мы тамо нашу плоть пощеньем утруждаем,
 В молитве и слезах дни наши провождаем.

(Владимир 1797, с. 85)

Идолом учит Владимира видеть истинную суть вещей, отличать внешнюю красоту, от благодати небесной. Проповедь Идолема задает Владимиру новые нравственные ориентиры, разграничивает доброе и дурное, позволяет прикоснуться к миру праведников, ощутить радость отрешения от мирской суеты.

Херасков в поэме последовательно противопоставляет тленный и нетленный миры, между которыми пролегает незримая граница. В мире тленном обречены пребывать люди, далекие от Бога, им недоступны подлинное счастье и неземная красота. Духовная слепота, порожденная отсутствием веры, погружает людей во мрак и суету. Нетленный мир предстает воплощением гармонии, природа здесь раскрывается в первозданном облике:

Там слышны сладкие поющи голоса;
 Зефиры по цветам с шептаньем повевали;
 Ручьи, цветы, леса, казалось, воспевали.

(Владимир 1797, с. 111)

Устами Идолема автор подсказывает Владимиру и читателям, как переступить границу между мирами:

...от мира отвращенье
 Есть наше первое во свете очищенье.
 Из тьмы, о Государь! составлен зримый свет;
 Но в сей глубокой тьме чистейший Дух живет;
 От тяжких мы оков не можем свободиться,
 Лежащий мрак кругом доколь не истребится.

(Владимир 1797, с. 108)

Нетленный мир открыт для каждого человека, приблизиться к свету можно через обретение веры и очищение души. Борьба с собой представляется Владимиру тяжким испытанием, тьма скрывает от него путь к цели, но Идолем дает князю мудрый совет: впустить в сердце Бога, и любовь к нему не даст ошибиться в выборе:

Единый тот премудр, кто сердцем любит Бога;
 Во сне и наяву нас Бог к Себе зовет;
 Ночь часто учит нас; во тьме сияет свет.

(Владимир 1797, с. 83)

Проповеди Идолема довольно абстрактны: старец не столько излагает основы христианского учения, сколько рассуждает о религиозно-этических проблемах без привязки к определенной конфессии. Речи проповедника во многом продиктованы масонскими воззрениями автора, на что неоднократно указывали исследователи поэмы. Идолем вооружает Владимира общими знаниями о Творце, призывает бороться со мраком в душе, помогает поставить перед собой цель и передает «эстафету» Киру.

Христианин, философ, богослов, проповедник, имеющий исторический прототип, Кир выполняет в поэме функции мудрого наставника, указывающего князю дорогу к Богу. Философ-грек, согласно «Повести временных лет», приходит в Киев по прошествии

некоторого времени после магометан, латинцев и иудеев, чьи учения Владимир по разным причинам отверг. Философ убеждает князя в том, что лишь одна вера истинна, другие же ложны. Грек рассказывает о сотворении мира и первых людей, грехопадении и изгнании Адама и Евы из Эдема, пришествии Христа, его смерти и воскрешении, страшном суде и посмертном воздаянии. Философ являет князю целостную христианскую картину мира (ПВЛ 1996, с. 40–48)²⁶¹. Историки не приводят проповедь Кира полностью, ограничиваясь указанием на ее содержание или пересказом ключевых моментов (Татищев 1773, с. 65–67; Щербатов 1770, с. 255; Ломоносов 1766, с. 109–113). Вводя в повествование греческого философа, Херасков следует за историческими источниками, перенося в поэму проповедь грека, однако домысливает некоторые подробности. Автор связывает Кира с Идолемом, который знакомит Владимира с Киrom и советует прислушаться к учению философа. Читатели видят Кира раньше князя: философ, попав в сети Зломира, спасается покаянием и молитвой, подавая пример борьбы с искушениями. Предуведомленный Идолемом, Владимир с восторгом приветствует грека и просит его пролить свет на Бога, который все еще сокрыт от князя во мгле. Первая беседа с Киrom происходит в обители Идолема, за пределами Киева, что противоречит летописи. Херасков перелагает в поэме проповедь Кира, уделяя особое внимание природе человека и Божественной премудрости, которой проникнуто все в мире, но постичь ее дано немногим:

Она Господнее дыхание и слово,
 Содревно Божеству, всегда во тварях ново;
 Природы всей Она устраивает чин,
 Вселенная душа, Спаситель, Божий Сын!
 (Владимир 1797, с. 128)

Развивая проповедь Идолема, Кир порицает женолюбие Владимира и предостерегает от сомнения и умствования – главных пороков, развращающих киевского князя, порождающих гордыню и нравственную слепоту. Подлинная мудрость проистекает из веры, Божий замысел недоступен логике, Кир убеждает Владимира строго блюсти внутреннюю чистоту и руководствоваться не разумом, а законом Божьим.

Проповедь Кира в поэме очень предметна, в отличие от речей Идолема, и имеет конкретную цель: склонить князя к принятию новой веры. Кир акцентирует преимущества христианства, главным из которых является духовное прозрение и приближение к Богу.

²⁶¹ То же находим в Никоновской летописи (РЛНС 1767, с. 69–83).

Владимир желает увидеть подлинную суть вещей, обрести веру, дарующую спасение души, и Кир дает четкое руководство к действию:

Кумирною до днесь еще покрытый тьмой,
В грехах лежашу плоть крещеньем, Князь, омой;
Тогда сомкнет уста для Россов преисподня,
Не ты ее сомкнешь, сомкнет рука Господня;
Пойдешь ты к небесам с степени на степень.

(Владимир 1797, с. 144)

Кир также настаивает на том, что на правителе лежит большая ответственность: делая выбор, киевский князь прокладывает путь к спасению для своих подданных либо обрекает их на гибель. Это сильная мотивация для Владимира, поскольку, как подчеркивает Херасков, он любит свой народ и печется о его будущем:

Крещением, о Князь! Россию озари,
И Богу разум твой и волю покори;
Не мысли, что даю совет престол оставить,
Ты должен, Князь, владеть, ты должен царством править;
Порфира, на твои взложена рамена,
Велит тебе носить правленья бремяна...

(Владимир 1797, с. 144)

Доводы Кира убеждают Владимира в необходимости креститься. Этому во многом способствует доступное изложение христианского учения, дающего ответы на сложные бытийные вопросы. Под влиянием Кира Владимир делает очередной шаг на пути к добродетели.

Однако Киру недостаточно склонить к крещению Владимира. Князь опасается противодействия жрецов и мятежа вследствие намерения свергнуть старых богов. Херасков снова противоречит летописям: Кир в поэме задерживается в Киеве, а не уходит сразу после проповеди (ПВЛ 1996, с. 48. См. также РЛНС 1767. – С. 83). Философ во «Владимире» берет на себя функции крестителя, отчасти пророка и чудотворца: воскрешает жену, дочь и сыновей Кифара, после чего крестит их. Кир, подкрепляя свою проповедь, являет киевлянам чудеса, творимые именем Христа, и противопоставляет их злу, порожденному язычеством, что должно ослабить сопротивление народа принятию христианства, уличить людей в безумстве и тем самым облегчить задачу Владимиру.

Философ благословляет поход Владимира в Херсон, поскольку там князю суждено символически умереть и воскреснуть, а также быть сопряженным с греческой княжной самим Киrom, что должно стать началом новой жизни князя. Владимир не понимает Кира, но верит ему.

Выполняя функции духовного наставника Владимира, Кир вновь удерживает его от неверного шага, когда князь, поддавшись искушению, сомневается в необходимости креститься, поскольку царевна Анна и без того в его власти. Философ разжигает в князе жажду Божьей благодати, поясняет таинство крещения водой и Духом, с которых началось творение, чтобы укрепить волю Владимира. В этом эпизоде Херасков упрощает проповедь философа, приведенную в «Повести временных лет»: автор поэмы опускает подробности об умножении грехов человеческих и обновлении водою, то есть о потопе (ПВЛ 1996, с. 48), к тому же в летописи философ говорит о крещении еще в Киеве, в то время как в поэме данная беседа Кира с Владимиром происходит уже в Херсоне (Владимир 1797, с. 335). Благодаря назиданиям Кира князь благополучно противостоит принявшим чужой облик искушителям и проходит последнее испытание. К моменту крещения Владимир способен отличить правду от лжи, добро от зла, друзей от врагов. Князь понимает суть христианского закона – «Мессия весь любовь»:

Христов закон людей не тяготит, не мучит,
Он ближнего любить, не ненавидеть учит.
(Владимир 1797, с. 347)

Последние советы Кира Владимиру: быть храбрым и благоразумным, не сворачивать с духовной стези, отражать соблазны и не умствовать, подавать достойный пример подданным, поскольку правитель есть проводник Божьего промысла:

Но к Господу любви в опасности взови;
И сила адская мгновенно истребится,
Россия вся твоим примером просветится;
Поспешествует Бог трудам земных Владык.
Венцем украшенный Монарх, есть Божий лик;
Бог часто чрез Царей свой промысл производит...
(Владимир 1797, с. 336)

Содержание проповедей в поэме «Владимир» соответствует этапам внутреннего преображения главного героя. Наставления старцев праведников, а также вторящих им

молодых людей – Версоны, Законеста, Стенара – различаются в деталях, но сходятся в нескольких ключевых моментах.

Проповедь героев-наставников в поэме Хераскова время от времени выходит за рамки христианского учения. Идолом больше напоминает просвещенного масона, чем христианского проповедника. Дорогу в уединенную обитель Идолема следует воспринимать как восхождение к небесной правде. Два пути, один из которых тернист, полон препятствий, но ведет к Богу и раю, другой манит всевозможными удовольствиями – и это прямая дорога в ад, – традиционная масонская аллегория (восходит к библейской цитате), ставшая лейтмотивом поэмы Хераскова (та же аллегория есть в «Россияде»). Кир ставит Владимира перед выбором:

Дорогу видишь ты цветущу, ровну, пряму,
 Се путь, кто ветхому последует Адаму;
 Там слава громкая с трубами смертных ждет,
 Там гордость на полях кровавы лавры жнет
 Там злато, там пиры, там прелести плотския;
 Но в вечный мрак ведут веселости такая,
 Взгляни, о Государь! на тесный путь Христов;
 Он скользок; нет на нем ни злата, ни чинов,
 Но в недра сам Господь идущего приемлет.
 (Владимир 1797, с. 130–131)

Стремление к истинной вере приводит Владимира на вторую дорогу, пройти по которой князю помогает волшебный светильник, не позволяющий сбиться с тропы и не быть обманутым ложным обликом искусителей (опять-таки, по схожей стезе идет Иоанн к храму пророчества в «Россияде»):

К нам путь, сей краткий путь в жилище наше труден;
 Единствен мнится быть, однако обоюден:
 Кто сердца в простоте стезею сей пойдет,
 Того приосенит небесный правды свет;
 Но умствующий дух впадет во тьму и в бедство:
 Достигнуть к нам, о Князь! скажу тебе я средство:
 Возьми светильник сей, и нощи в первый час,
 Идущий с ним Днепром, обрящешь в храме нас.
 (Владимир 1797, с. 86)

Владимир должен пройти через врата, на которых золотыми буквами выведена надпись:

*Чье сердце чистою любовью возжено,
Кто в Боге хочет жить, в сии врата гряди;
Но грешный человек страшись и не входи!*

(Владимир 1797, с. 106)

Врата – «к блаженной жизни ход» – пропускают не каждого, лишь тому, кто непорочен сердцем, отринув плотские сладости и гордость, врата не покажутся слишком тесными. Для Владимира, чей жребий предрешен на небесах, Идолом делает исключение, проводит князя через врата. Два пути – вечный выбор каждого человека, нетленный мир, открывшийся Владимиру, истина, доступная немногим, мудрый наставник, приподнимающий завесу сокровенного знания, – элементы масонского учения. В этом контексте Владимир оказывается неофитом, которому предстоит переходить со ступени на ступень, приближаясь к Творцу. Герои-проповедники в поэме Хераскова являются носителями сокровенного знания и проводниками к нему, что сближает их с масонами. Кир, поясняя Владимиру устройство мира, излагает концепцию «вольных каменщиков», согласно которой вселенная есть не что иное, как грандиозное сооружение, а Бог – его архитектор:

Как зодчий, пред собой имея начертанье,
Объемлет разумом намеренное зданье:
Так Бог вселенну зрел, в ней плавал как Творец,
Начало бытия Он видел и конец;
Все видел, вечными одеян небесами,
Как наше бытие мы ощущаем сами.

(Владимир 1797, с. 125)

Херасков зашифровывает в поэме некоторые ритуалы посвящения в масоны и прибегает к соответствующим аллегориям. Например, Идолом с молитвой подносит Владимиру сосуд с жизненной водой, дающей силы и очищающей душу, что можно трактовать как намек на таинство причастия или инициацию при вступлении в масонскую ложу. Врата, пропускающие лишь достойных, светильник, узкие ступени, ведущие к храму – распространенные масонские символы, о чем подробно рассуждает в диссертации

Г.А. Давыдов²⁶². Особенно примечателен храм, к которому Владимира ведет Идолом: кристальные чертоги с радужными сводами и источающими янтарный свет стенами едва ли имеют что-то общее с православной церковью, это аллегорический храм истины, в котором все обретает подлинный вид, а человек постигает Божественный закон:

Все вещи видимы душевных для очей
 Во первобытности существенно своей,
 Какими созданы оне в духовном мире
 Невидимых небес в сияющей порфире:
 Нетленны, светлый вид имущи живота,
 Неувядаема была их красота.

(Владимир 1797, с. 116–117)

Непременный атрибут храма – лестница, один из наиболее известных масонских символов. Владимир спотыкается и падает на ступенях, означающих работу над душой и разумом, но все же идет вперед. В храме князя озаряет всепроникающий свет, а некий глас задает вопрос: «Чего ты ищешь, Князь?» Владимир не выносит света, так как недостаточно чист сердцем, в чем тут же убеждается, взглянув на свое отражение в светлом зеркале, показывающем сущность человека. Храм, в котором Кир крестит Владимира, больше походит на православную церковь: князь видит престол за прозрачной запоной и семисвечник, прообразом которого был ветхозаветный светильник в Моисеевой скинии. Однако и сюда проникает чужеродный элемент – книга судеб, открывающая Владимиру будущее Руси. Подобное откровение – характерный для эпической поэмы эпизод, Херасков воспроизводит его в нескольких произведениях, смещая акценты в зависимости от предмета поэмы (будущее России и своих потомков видят также Иоанн в «Россияде» и Рюрик в «Царе, или Спасенном Новгороде»). Во «Владимире» храм символичен, это точка соприкосновения двух миров, в которой на человека снисходит понимание подлинной красоты и премудрости Божьей. Идолом, а затем Кир предрекают крещение Владимира и возлагают на себя обязанности поводырей духовно слепого князя к храму, где Владимиру суждено прозреть. Идолом тесно связан с аллегорическим и масонским планом поэмы Хераскова, на что обращает внимание Ю. Доланский²⁶³. Эпический прототип старцев, прежде всего Идолама (и Вассиана, по замечанию А.И.

²⁶² Давыдов Г.А. Религиозно-философские поэмы М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 215 с.

²⁶³ См.: Доланский Ю. Херасков и Гавличек / Пер. Г.А. Лилич // XVIII век. – Сб.7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 215.

Любжина²⁶⁴) – отшельник в «Генриаде», предрекающий Генриху Наваррскому обращение в католическую веру. Главный герой стремится к храму на протяжении поэмы и наконец завершает свой путь в церкви, где принимает крещение и женится на царевне Анне. В обители Идолема начинается преображение Владимира, он впервые вступает в храм, но не готов открыться свету, в Херсоне же князь, многое преодолев, «возрождается».

Общим местом проповедей в поэме «Владимир» является мотив воздаяния. Чтобы Владимир согласился отказаться от привычного праздного образа жизни и многочисленных удовольствий, не поощряемых христианством, ему необходимо предложить нечто большее. Проповедники поясняют: истинное блаженство состоит в близости к Богу – уделе праведников, только очистившись от мирской суеты, человек может попасть в рай. Владимиру последовательно внушают мысль о том, что в Божии объятия придут лишь блаженные, чьи души пребудут в вечном свете:

Хотя и царствуешь, но есть невольник ты,
Твои владыки суть мирские суеты,
Сокровища, пиры, плотская страсти, слава;
Не может даровать бессмертия держава,
Прервутся дни твои, и сладкий век пройдет;
За плотской жизнью тьма, за доброй жизнью свет:
Что света в вечности тебе искать мешает?

(Владимир 1797, с. 6)

В жилище Идолема Владимир убеждается, что праведники не лгут и мир нетленный воистину прекрасен. Князь обретает цель, достижение которой становится приоритетным по отношению к сиюминутным благам.

С бразом Эдема в поэме контрастирует мрачное описание ада, вселяющее страх в душу главного героя. Проповедники, вторя друг другу, грозят Владимиру низвержением в бездну. Кир передает правителю Киева хартию, изображающую Страшный суд. Владимиру словно наяву видится ад: океан пламени, дым, крики грешников. «Повесть временных лет» содержит упоминание о запоне (или завесе) с изображением Страшного суда (ПВЛ 1996, с. 48), аналогичное свидетельство есть в трудах историков со ссылкой на Нестора (Щербатов 1770, с. 255; Ломоносов 1766, с. 113). Херасков в данном случае не противоречит источникам, но дополняет их свидетельства живописными подробностями, оказывая большее давление на героя и читателей:

²⁶⁴ См. Любжин А.И. Христианские источники «Россиады» М.М.Хераскова. – С. 93.

Там Скука царствует, склонив чело в колени;
 Повсюду странствуют тоскующие Тени,
 И грешным их грехов показывают яд,
 Грызенье совести лютейший самый ад!
 Там дышущая Грусть, одушевленны Страхи,
 Там грешники в огне вращаются как прахи;
 Со пламенным бичом ужасна Месть видна,
 Змиями страшными увита вокруг она,
 Отравы полные на грешных взоры метет,
 Весь воздух стонет вокруг, земля от ней трепещет...

(Владимир 1797, с. 135)

Мотив воздаяния автор поддерживает оборотами сюжета, в том числе рассказом о приключениях Всеволода. Херасков имел достаточно оснований для его выделения, поскольку подобный акцент имеет место в проповеди философа, приведенной в «Повести временных лет». Грек подчеркивает: «Поставил же есть Бог один день, вне же хочет судити, пришед с небесе, живым и мертвым, и воздати комуждо по делом его: праведным царство небесное, и красоту неизреченну, веселье бес конца, и не умирати в веки; грешником мука огнена, и червь неусыпай, и муце не будет конца. Сице же будет мученья, иже не верует к Богу нашему Иисусу Христу: мучими будут в огни, иже ся не крестить» (ПВЛ 1996, с. 48). Херасков, воссоздавая проповедь греческого философа, сохраняет ее исходный посыл, соответствующий концепции произведения. Владимиру на протяжении поэмы неоднократно напоминают о следствии неверного выбора. Проповедники устрашают князя, тем самым подталкивая его к поиску спасения в христианстве. Любопытно, что вступая в спор с язычниками, Кир упрекает их в том, что власть кумиров зиждется на страхе:

Те боги, коих власть кичлива, но слаба;
 Она Господня есть мятежная раба,
 Не щедростью к себе влечет сердца, но страхом.

(Владимир 1797, с. 151)

В то же время герои-проповедники устрашают Владимира адскими муками, если он своевременно не одумается. Однако Кир оговаривает, что не Бог карает грешников, посмертное воздаяние определяется делами нашими и это всегда личный выбор:

Мученья следствия дел наших, не отмщенье,
 Рай воздаяние, мытарствы очищенье;
 Не щедрый нас казнит сужденьем Бог своим,
 Ах! сами мы себя деяньями казним.

(Владимир 1797, с. 139)

Противопоставление рая и ада имеет некоторые предпосылки уже в античности, например, Тартар и Елисейские поля у Вергилия. Во «Владимире» описания эдема и ада очень контрастны, поскольку способствуют самоопределению главного героя. Владимир должен понимать, что третьего пути не дано: необходимо выбрать стезю праведника или грешника, пойти к свету или во мрак. Этот прием Херасков ранее опробовал в «Россияде», о чем речь шла в предыдущей главе. Устрашения вкупе с обещаниями подводят Владимира к закономерному выводу: быть праведником разумнее (и безопаснее), чем грешником, избежать посмертных мук и обрести блаженство поможет обращение в христианство – в «Повести временных лет» Владимир приходит к тому же заключению: «Добро сим о десную, горе же сим о шуюю» (ПВЛ 1996, с. 48)²⁶⁵.

Христианская проповедь составляет значительную часть поэмы «Владимир». Сюжет произведения строится вокруг проповедей: беседа с варягом инициирует внутренний конфликт Владимира и внешнее противостояние князя и поборников язычества, Идолом вводит князя нетленный мир праведников, внушая желания обрести божественную благодать, Кир убеждает князя обратиться в христианство и благословляет поход на Херсон, где Владимир должен «возродиться» к новой жизни. Проповедь во «Владимире» опирается на исторические источники поэмы: варяги и Кир имеют прототипы, упомянутые в летописях, слова героев перекликаются с речами варягов и философа-грека в «Повести временных лет». Херасков заимствует исходные мотивы наставлений летописных проповедников: обещания райского блаженства и устрашение адскими муками, разъяснение сложных аспектов христианства, например крещения водой и Духом, пересказ Священного писания. Идолом, Законест и Версона – персонажи вымышленные, их роль в поэме тесно связана с аллегорическим планом произведения. Проповеди прототипических персонажей предваряют назидания вымышленных героев (проповедь варягов предвосхищает речи Идолема) или продолжают их (наставления Кира конкретизируют абстрактные религиозно-философские суждения Идолема). Херасков, в

²⁶⁵ То же находим в трудах историков (Татищев 1773, с. 67; Щербатов 1770, с. 255; Ломоносов 1766, с. 113).

целом не противореча историческим источникам, встраивает воспроизведенные и вымышленные проповеди в сюжет поэмы таким образом, чтобы они составляли единое целое и способствовали поэтапному просвещению главного героя. Общее назначение христианских проповедей в поэме – привести Владимира к Богу, разъяснить ему преимущества христианского закона. Наставления героев-проповедников по-разному воздействуют на Владимира, но каждый раз Херасков сталкивает князя с тем, чьи речи способствуют его духовному росту. Проповедь в устах праведников и пример Владимира, прошедшего путь от порока к очищению, позволяют Хераскову наставлять читателей, не выходя за рамки повествования.

2.2. Прения о вере*²⁶⁶

Герои-проповедники приводят в поэме «Владимир» достаточно доводов в пользу того, что крещение – единственный верный путь к спасению и духовному возрождению. Однако крещение Руси сопровождалось противодействием язычников, не находивших в новой вере правды и воспринимающих христианство как чуждую религию, навазываемую инородцами. Апология христианства в поэме требовала последовательного опровержения аргументов противников нового Закона и прояснения спорных моментов, с этой целью в произведение вводится продолжительная религиозно-философская дискуссия, аккуратно вплетающаяся в повествование: прения о вере составляют эпизод выбора религии в IV песни поэмы и разворачиваются в X, XI, XVII, XVIII песнях.

На сохранении веры предков в поэме настаивают Добрыня, Колосар и Кифар – приближенные киевского князя, к ним примыкают жрецы, отправители языческих культов, в первую очередь Пламид, а также олицетворения темных сил. Ключевым персонажем в контексте религиозной дискуссии является богатырь Рогдай, отрицающий христианское мировоззрение как таковое и ставящий под сомнение добродетели в христианском понимании. Богатырю оппонируют Кир и новообращенный христианин Стенар, в споре с последним затрагивается ряд важных вопросов.

Размышления Владимира о переходе в новую веру вызывают недовольство у его окружения. Боярам непонятна внезапная антипатия князя к древним богам, приближенные предупреждают Владимира о том, что народ также не смирится с попыткой правителя

* При создании данного раздела использовалась наша статья: *Семенова А.В.* Прения о вере в поэме М.М. Хераскова «Владимир» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота, 2017. – № 11(77): в 3-х ч. – Ч. 1. – С. 31–36.

низвергнуть языческих богов и навязать чужой закон. Иные веры полны невнятных вымыслов и отвечают склонностям исповедующих их народов, но не русских людей, которым более близка традиция жертвоприношений в обмен на ощутимые блага, даруемые богами славянского пантеона, – Колосар напоминает об этом князю в IV песни. Народ не откажется от своих преданий без борьбы, чужие боги не приживутся на Руси:

К чужим богам народ опасно обратить,
Привыкший ко своим, чужого не постигнет;
А принуждение мятеж и бунт воздвигнет.
При вере той, о Князь! останься наконец,
Котору почитал твой предок, твой отец.

(Владимир 1797, с. 65)

Угроза мятежа, необходимость отнимать у народа веру предков, нарушение преемственности – весомый аргумент против христианства. Однако Владимир видит причины недовольства людей в неведении, а преимущества иных религий в гуманности, ибо они не требуют лить кровь на алтарях и поклоняться «древу мертву» (об этом в I песни говорит варяг-христианин). После гибели варягов Владимир пересматривает отношение к культам, строящимся на жертвоприношениях:

Не темны веры суть, но непонятны нам;
Не нудит ни одна молиться древу мертву,
Ни человеческой не хочет крови в жертву.

(Владимир 1797, с. 65)

Князь ищет веру, несущую людям спасение, непонимание подданных не останавливает Владимира, убежденного в необходимости перемен, он берет на себя ответственность:

Владимир, чувствуя в душе его живущу
И силу Божества и совесть вопиющую,
И сердца внемля глас и разума совет,
Что идола не есть ни Бог, ни Божий свет;
Что раболепное кумирам поклоненье
И человечеству и Богу оскорбленье;
Что подданных своих ввергая в темноту,

Он Богу даст ответ за общу слепоту:
 Кумиро-жертвенну возчувствовал химеру,
 И в мыслях положил избрать иную веру.
 (Владимир 1797, с. 55)

Своеобразным перепутьем для главного героя становится знакомство с наиболее влиятельными конфессиями, представители которых приходят в Киев, в эпизоде выбора вер:

Не мы кумирами на свет сотворены,
 Но нами виды им и званья даны;
 Я верами моей души не ослепляю,
 И прение иметь о лучшей позволяю.
 (Владимир 1797, с. 57)

Князь и его приближенные придирчиво оценивают вероисповедания иудеев, мусульман и католиков. Срацин уверяет Владимира в том, что закон магометан – неоценимый дар князю за его храбрость. Посланец обещает Владимиру вечные и временные блага: роскошь, прекрасных жен, порфиру в загробном мире, достаточно признать Махомета пророком и поклониться ему. Магометанину возражает Кифар: пророк был человеком, услышать же всемогного Бога никому из людей не дано. К тому же древние боги в холодной стране в отличие от Махомета не запрещают греющих напитков.

Латинец славит Владимира, умирившего докучающих римлянам греков по воле Бога, но князю недостает православия – веры, запечатленной кровью сына Божьего. Князь мог бы согласиться с доводами миссионера, но латинская вера, помимо христианского закона, заставляет покориться главе церкви – Папе. Нежелание ставить над собой чужого владыку, обещающего абстрактные посмертные блага, вызывает протест Добрыни, который привык видеть царя в том, кто ведет в бой свою дружину, а не правит издалека:

Не тот Монарх у нас, кто небо нам дарует,
 Кто рай готовит нам, но кто в полях воюет!
 (Владимир 1797, с. 61)

Бояре отказываются «забыть Царя, избрать пресвитера в Цари» (Владимир 1797, с. 62), римляне вынуждены покинуть Киев.

Дискуссия с хазарами оказывается еще более напряженной. Посланник пытается дискредитировать предшественников, подчеркивая приоритет израильского завета и обвиняя магометан и христиан в его искажении, а также вменяя в достоинство иудеям распятие Христа:

Похитили завет у нас Махометане,
Питавшую их грудь угрызли Христиане;
Для постыжденья им довольно нам сего:
Они Мессию чтут, мы распяли Его.

(Владимир 1797, с. 62–63)

Однако Владимир не счел доводы хазар доказательством правоты иудеев, напротив, его возмутило убиение Мессии. На вопрос Владимира, где их государство, города, милости Господни, посланцы признают, что прогневали Бога, но теперь их отечество – пространство всей земли, они в поте и трудах снедают свой хлеб. Князь находит изгнание израильтян справедливой карой за преступление:

Убийством вера есть у вас запечатленна,
И места не дает вам целая вселенна.

(Владимир 1797, с. 64)

Хазар изгоняют вслед за магометанами и латинцами.

Рассказ о выборе вер и споры Владимира с магометанами, иудеями и римлянами воспроизведены в поэме на основании исторических источников, об этом говорит, например, Ю. Доланский, указывая на то, что Херасков «весьма отклонился от летописных сообщений», взятую из письменных источников дискуссию дополнил новыми аргументами и мотивами, отражающими взгляды его эпохи²⁶⁷. Это положение необходимо конкретизировать: «Повесть временных лет» относит приход миссионеров в Киев к 986 году (ПВЛ 1996, с. 39–40)²⁶⁸, в поэме Хераскова очень близко к источнику воспроизведен диалог с хазарами, но в дискуссию с магометанами и латинцами Херасков вносит некоторые изменения. В спор с посланцами вступают Кифар и Добрыня, о чем летопись не упоминает. Предположительно, Добрыня мог находиться в окружении

²⁶⁷ См.: Доланский Ю. Херасков и Гавличек / Пер. Г.А. Лилич // XVIII век. – Сб.7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 216–217.

²⁶⁸ То же находим в трудах историков (Татищев 1773, с. 64–65; Щербатов 1770, с. 253–254; Ломоносов 1766, с. 107–108).

Владимира (ПВЛ 1996, с. 39; РЛНС 1767, с. 68), но Кифар – вымышленный персонаж. Во «Владимире» от магометан в Киев приходит Срацин (этноним автор превращает в имя собственное), что противоречит большинству источников – в «Повести временных лет» упоминаются болгары (бахмуты), соседи славян: «Придоша болгары веры бохмиче...» (ПВЛ 1996, с. 39), то же находим у Татищева, Ломоносова и Щербатова (Татищев 1773, с. 64–65; Щербатов 1770, с. 253–254; Ломоносов 1766, с. 107–108). Однако, согласно Никоновской летописи, в Киев от магометан пришли сарацины: «Придоша Срацыни ко Володимеру, веры хошеши, глаголюще: яко ты князь еси мудр и смыслен, но не веси закона: веруй нашъ закон, и поклоняйся Бахмитю...» (РЛНС 1767, с. 68), там же Философ, заочно дискутируя с «конкурентами», называет магометан срацынами: «Слышали есмя, яко приходили суть Срацыны, учаще тя прияти веру свою, их же вера оскверняет небо и землю, иже суть прокляти паче всех человек» (РЛНС 1767, с. 69). В «Ядре российской истории» учителя магометанского закона также приходят от Срацин: «Сперва от Срацын или Магометанского закона присланы были учителя в году от Р.Х. 986» (Ядро российской истории 1770, с. 54). Ранее в «Россияде» Херасков также вводил в повествование сарацина (Гидромир, влюбленный в Рамиду рыцарь), придерживаясь европейской (в частности, христиане борются с сарацинами в «Освобожденном Иерусалиме» Т. Тассо) и летописной традиции²⁶⁹. «В остальном ислам в поэме вызывает те же возражения, что и в трудах историков: князь и его приближенные не хотят отказываться от хмельных напитков и свиного мяса (в летописи также оговаривается, что Владимиру неприятно было обрезание, Херасков деликатно опускает эту подробность). В поэме со Срацином спорит воинственно настроенный Кифар, который затрагивает более сложную проблему: человеческую природу Магомета, о чем молчит летопись и нет упоминаний в иных исторических источниках.

Согласно «Повести временных лет», посланцев Папы Владимир, выслушав, отправил вспять, так как их закон прежде уже был отвергнут россиянами (ПВЛ 1996, с. 39–40)²⁷⁰. Херасков в поэме заостряет внимание на главе римской церкви. По словам посланника, цари подчиняются Папе, поскольку он вершит судьбы людей, отправляя их в рай или ад:

Он жизнью временной и вечной управляет,
Приводить в рай людей, во ад ниспосылает...

²⁶⁹ Именованье магометан сарацинами имеет место в «Царственной книге», в частности с сарацинами отождествляются казанцы, о чем речь шла в предшествующей главе.

²⁷⁰ То же см. в других источниках (РЛНС 1767, с. 68–69; Татищев 1773, с. 64–65; Щербатов 1770, с. 253–254; Ломоносов 1766, с. 107–108).

(Владимир 1797, с. 61)

В поэме отказ от латинской веры обусловлен нежеланием киевского князя подчиняться Папе. Любопытно также, что латинец, говоря о своей вере, называет ее православием:

Лишь православия тебе недостает,
Сей веры, кая нам от сотворенья света
Пророками была вещаема и пета...

(Владимир 1797, с. 60)

Поскольку описываемые события происходили до Великой схизмы, разделение на православие и католицизм подчеркивать в поэме не было необходимости (М.В. Ломоносов, например, этот момент оговаривает (Ломоносов 1766, с. 108)). Латинец, вероятно, таким образом давал понять, что только римское вероучение исходит от Бога.

Необходимо принимать во внимание, что летописцы, будучи православными монахами, автор поэмы, воспевающий христианство как путь к спасению, и даже главный герой, уже знакомый с христианами, предвзяты. Предваряя монологи посланников, Херасков предупреждает читателей об их неискренности и заведомо указывает на слабые места исповедуемых ими вер: коварным и неблагодарным называет отверженный род израильский, дерзнувший распнуть Мессию, осуждает магометан за сластолюбие и плотоугодие, римлян упрекает в том, что они хитры и руководствуются не столько верой, сколько политикой, одновременно отсылая читателей к «Генриаде» Вольтера (Владимир 1797, с. 59–60). Херасков против смещения политики с религией, потому, вероятно, опускает в поэме политические мотивы Владимира, противопоставляя его католикам.

О некоторых моментах, оговоренных в источниках, Херасков в поэме упоминает вскользь, не привлекая к ним внимания. Владимир направил посланников в разные страны, велел испытать чужие веры, а по возвращении оных с миссионерами происходит выбор вер в Киеве. Согласно источникам, выбор вер предшествует отправке послов, которые по возвращении подтвердили, что у магометан богослужения неблаголепны и унылы, немцы молятся на непонятном языке, которого никто не понимает, и к тому же Папу почитают как бога и во всем ему повинуются, что неприемлемо для русских. Зато в Царьграде по велению правителя Патриарх принял послов, все разъяснил, сопровождал в церковь, где сам служил торжественную литургию. Послы, проникнувшись красотой греческих храмов и великолепием службы, поверили, что «там бог с человеком

пребывает, и есть вера и служение их богу лучше всех других вер» (ПВЛ 1996, с. 49), в чем попытались уверить князя по возвращении. Владимир, вполне убежденный послами, обратился к дружине с вопросом о крещении, и его поддержали. В поэме Владимир единолично преодолевает препятствия и принимает судьбоносное для Руси решение, хотя, согласно историческим источникам, бояре готовы были перейти в христианство, где князю любо, и даже дата крещения была намечена – через год: «Отвещаше же бояре рекоша: «Аще бы лих закон гречьский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бе мудрейши всех человек». Отвещавъ же Володимер, рече: «Где крещенье приимем?» Они же рекоша: «Где ти любо». И минувшю лету» (ПВЛ 1996, с. 49)²⁷¹. Херасков опускает детали, которые умаляли подвиг главного героя.

Выбирая веру, киевский князь в произведении сосредоточен на поиске истины. Ранее получив представление о праведниках и их вере, Владимир находит пороки в посланцах и недочеты в их учениях, чему очень способствует поведение миссионеров, дискредитирующих себя: магометанин нападает на Кифара, латинец пытается подкупить вельмож. Решение Владимира очевидно, отчего прения о конфессиях оказываются дополнительной возможностью сопоставить христианство с «конкурирующими» вероисповеданиями, причем сравнение оказывается не в пользу последних. Проповедь Кира, пришедшего в Киев последним из миссионеров, определяет дальнейших ход прений о вере. Преимущества греческой веры явлены вполне отчетливо, вопрос об альтернативе снимается, далее предметом дискуссии становится христианство.

В X и последующих песнях оппонентом христиан выступает Рогдай. Славный витязь, полководец Владимира, Рогдай прославился храбростью на поле брани. Упоминание о богатыре Рогдае содержится в «Ядре российской истории», это доказывает, что труд А.И. Манкиева является одним из источников «Владимира»: «...многие милые храбрые и славные богатыри были у великаго Князя Владимира. Илия Муромец, котораго тело даже донныне в пещерах Киевских лежит нетленно, **Рогдай**, который на 300 неприятелей один вооружен напущал. Александр Попович, Андриян Доблянков, Добрыня и прочие» (Ядро российской истории 1770, с. 53). Создавая образ Рогдая, Херасков, вероятно, полагался на краткую характеристику, данную в источнике²⁷². Кумиры богатыря – мечи, война и слава, духовные же ценности он считает проявлением слабости,

²⁷¹ То же см. в других источниках (Татищев 1773, с. 70; Щербатов 1770, с. 257; Ломоносов 1766, с. 115).

²⁷² Любопытно, что впоследствии имя Рогдай появляется в незаконченной трагедии А.С. Пушкина «Вадим» (1822) (см.: *Пушкин А.С. Вадим // Пушкин А.С. Полн. собр. сочинений: В 10 т. – Т. V. Евгений Онегин, драматические произведения. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – С. 489).*

даже языческие боги не внушают ему почтения. Рогдай упрекает Владимира в непостоянстве: зачем он вознамерился принять христианство и оставил древних богов, прислушавшись к советам Кира, который «из Греков есть один коварный самый Грек» (Владимир 1797, с. 178), в его устах отравы. Князь просит Рогдая, много путешествовавшего и повидавшего язычников и христиан, рассказать о последних: полезны они или вредны?

«Рогдай предлагает иную, нежели Кир, точку зрения на христиан. Он предъявляет им ряд вполне обоснованных претензий, причем как обывателям, так и праведникам. Рогдай не оспаривает торжественной красоты греческого богослужения, подтверждает, что христиане славят добродетель, однако все это не более чем поверхностные проявления веры. Греки вне храмов такие же люди, как все остальные, им не чужды раздоры, хитрость и праздность, а святость христиан – только разговоры:

Как пламень их мольба пред алтарем пылает;
Но никаких следов в сердцах не оставляет...

...Обряды новые им дал их новый Бог,
Но видно, их сердец преобразить не мог;
И если видима какая в Греках разность,
Так хитрость то одна, или беспечна праздность.

(Владимир 1797, с. 179)

О коварстве греков свидетельствуют нападения на русские суда и захват пленных, что является нарушением существующего договора и определенно не говорит в пользу христиан. Замечания о хитрости греков встречаются в исторических источниках поэмы в связи с войной Святослава и Цымисхия (ПВЛ 1996, с. 33)²⁷³, Херасков не без оснований вкладывает в уста Рогдая подобные обвинения, хотя у историков не находим подтверждения ограбления русских кораблей греками.

Кир обвиняет Рогдая во лжи и клевете, доказывает Владимиру, что христиане вовсе не праздны, как утверждает богатырь, они стремятся к спасению души, презируют мирские сокровища, полны любви к людям, не мстят своим обидчикам, но бескорыстно идут в бой за царя и церковь. Кир рассказывает о пустынножителях, отказывающихся от многих благ, не сетующих на бедность и неустанно возносящих молитвы о ближних. Могут ли праведники, худшим из которых Кир называет себя, быть вредны?

²⁷³ То же см. в других источниках (Татищев 1773, с. 51; Щербатов 1770, с. 232; Ломоносов 1766, с. 85).

Однако истинно верующие христиане, каковые все же встречаются, с этим Рогдай не спорит, еще менее симпатичны богатырю. Герой классического образца, он не может принять того, что христиане удаляются от мира, предаются молитве и бездействию, вместо того чтобы заботиться о благосостоянии страны, защищать ее с мечом в руках в случае необходимости. Рогдай дошел до Египта, но встречал в степях лишь пустынных, пренебрегающих законами естества, стремящихся покинуть этот мир. Если все станут вести подобный образ жизни, земля вскоре опустеет:

Одни пустынные в глухих степях живут;
Там дети у отцов, обманом похищенны;
Там грады целые стоят опустошенны.
Когда не погашен сей будет к небу жар,
То вскоре весь земной опустошится шар;
Законы естества они пренебрегают,
Не защищаются они, не посягают;
Земля чужда для них, их царство небеса.

(Владимир 1797, с. 179)

Спор о праведниках продолжается в XI песни, где Владимир и Рогдай в роще у гробницы встречают пустынного, в котором узнают Стенара. Воскреснув и просветившись, он ушел с возлюбленной Светидой в лес, чтобы молиться и служить Богу. Они изнуряли себя молитвой и постом, любили друг друга платонически, вскоре Светида умерла, ее душа вознеслась на небо, а Стенар остался один у могилы девушки. Он плачет, но не о смерти невесты, а об отпущении своих грехов. Стенар отказывается проливать чужую кровь, отныне он «воин стал Христов» и все для него братья (Владимир 1797, с. 193). Рогдай видит в Стенаре образец греческого монаха-паразита: он остается в стороне и бездействует, когда нужно воевать. Рогдай обвиняет юношу-отшельника в тунеядстве и эгоизме: Стенар ищет собственного спасения на небесах, а Руси от него пользы нет:

Они родителей и ближних покидают,
Бегут от них в леса, но труд их поедают,
Изрядный промысл! глад в беспечности тушить,
Пустыни населять, а веси пустошить.

(Владимир 1797, с. 193)

Стенар в ответ на упреки разъясняет подвиг пустынножительства: молитва праведника вдали от мира угодна Господу и может снискать защиту всему государству – эта миссия важнее труда и битвы:

Ах! есть отечествам сильнейшая защита;
 Одета не в броню, ни шлемом не покрыта,
 В печальных рубищах, в пощении она,
 Небесной храбрости, священных чувств полна;
 Одна ея слеза к защите небо склонит;
 Единый тяжкий вздох врагов от царства гонит.
 Когда бы не было молителей таких,
 Не защитили бы граждан ограды их;
 Тростями тленными пернаты были б стрелы.
 Есть люди, Бог хранит для коих царства целы!
 Без них бы шар земной давно покрыла кровь.
 Сия защита есть, Божественна Любовь!..

(Владимир 1797, с. 194–195)

Владимир принимает сторону Стенара, чем еще больше гневит богатыря. Рогдай категорически отвергает позицию отшельника, молитвы и пост для него пусты. «У читателей спор Рогдая и Стенара оставляет двойственное впечатление: аргументы религиозного толка сложно опровергнуть, Стенар являет образец праведника, и автор заставляет верить ему, однако, как отмечает А.В. Западов, «критический пыл Рогдая гораздо больше запоминается читателю»²⁷⁴.

Очередным поводом для острой дискуссии о вере становится в поэме вопрос о дозволенности плотских радостей или необходимости борьбы с соблазнами. Отказ от удовольствий и самоограничения требуют от героев, прежде всего Владимира и его сына Всеволода, мужества и силы воли, в роли их искусителей выступают аллегорические персонажи – черная тень, Фанатизм, олицетворенные пороки. Их главный аргумент против христианства, провозглашающего приоритет воздержания и добродетели над наслаждением, состоит в том, что человек рождается не для скуки и мук, вкушение многочисленных земных благ скрашивает краткое пребывание людей в этом мире:

Увы! рождались бы мы к бедству и к напасти,
 Когда бы не вкушать нам здешней жизни сласти,

²⁷⁴ Западов А.В. Указ. соч. – С. 39.

И наши были бы темницей скучны дни,
 Когда б текли для нас без радостей они;
 За что бы мы тогда богов благодарили!
 За то ль, что жизнь они нам горьку подарили?

(Владимир 1797, с. 217)

Искусители внушают киевскому князю и его сыну сомнения в том, что благ Бог, вынуждающий человека обрекать себя на страдания, причем добровольно. Черная тень заставляет Всеволода колебаться, стоит ли продолжать путь к источнику мужества, не позволяя себе поддаться окружающим соблазнам. Владимиру то же говорит Фанатизм в облике ангела:

Страдать и мучиться не сделан человек,
 Когда б рождался он пить чашу огорченья,
 То б жизнь его была цепь тяжкого мученья;
 Единый миг родясь прожить на сей земле,
 Он должен ли сей миг страдать как в адской мгле?
 За что бы мог он быть Создателю обязан,
 Когда не награжден сей жизнью, а наказан?

(Владимир 1797, с. 351)

Посмертная награда за праведный образ жизни, обещанная героями-проповедниками, представляется расплывчатой, ненадежной, бездоказательной. Если же переход в христианство необходим, достаточно оставаться благочестивым внешне, не налагая на себя оков. Возлюбить ближнего значит возлюбить в первую очередь себя, ибо кто может быть ближе человеку, чем он сам?

В оковах мудрецу как прочим быть не нужно,
 Довольно, если он благочестив наружно;
 Законы ближнего заставили любить,
 Кто ближе нас самих во свете должен быть?

(Владимир 1797, с. 352)

Прения о добродетели перерастают в XVIII песни поэмы в дискуссию о сущности христианского закона и прикрытии пороков внешней атрибутикой религии. Те же противники новой веры – переодетый Рогдай, Фанатизм, а также Зломир и воплощенные

пороки – искажают христианское вероучение, стремясь не допустить просвещения Владимира и подчинить князя себе. Ранее затронутый вопрос о христианстве без веры (рассказ Рогдая о греках вне храмов) рассматривается с новой стороны: лицемерие предстает не отрицательной чертой, а разумным компромиссом. Зломир, изображающий мудрого старца, устрашает Владимира требованием от христиан ангельской чистоты, а затем снисходительно дает понять, что существует тайный путь в храм – послушание пастырям, а не закону Божьему. Оказывая должное почтение священникам, Владимир обеспечит себе спасение и посмертное блаженство, непорочность в этом случае перестает быть необходимостью:

Мы духа чистотой Создателю подобны,
Тебя препровождать к спасению удобны,
И вечное тебе блаженство даровать,
Сокровищницы благ небесных открывать;
Во хижине пастух, Монарх ли на престоле,
Обязан нашей всяк повиноваться воле.

(Владимир 1797, с. 345)

В завершающей песни поэмы защитником христианства становится сам Владимир. Его последнее испытание перед крещением – суметь противостоять искушениям, доказав понимание закона Божьего и твердость своего намерения перейти в новую веру. Речи Зломира не оказывают на Владимира должного воздействия: князь убежден, что не должен, просветившись, стать рабом. Истинная вера не делает человека своим узником, не тяготит и не мучит, ибо суть Христова учения – любовь и милосердие:

Закон моей души потребен к просвещенью,
Но страшен мне закон влекущ к порабощенью,
И веры узника творящий из Царя...

(Владимир 1797, с. 346)

Прения о вере в поэме последовательны: сначала автор приводит аргументы в пользу того, что язычество необходимо вытеснить верой в единого Бога-творца. Далее герой выбирает религию, отвергая вероисповедания, к которым много претензий, и последующие споры затрагивают непосредственно христианство. Дискуссия христиан и язычников вписана в сюжет поэмы как дополнение христианской проповеди, позволяющее дать ответы на вопросы о сути православного закона и его совместимости с

обыденной жизнью людей. Опровергая доводы язычников, христиане в поэме помогают Владимиру преодолеть недоверие к греческой вере, порожденное недопониманием вероучения и распространенными предрассудками²⁷⁵. На протяжении поэмы участие князя в прениях становится все более активным: изначально открытый убеждению, колеблющийся князь не готов перенять образ жизни и мировоззрение христиан, однако, сравнивая аргументы защитников и противников новой веры, герой убеждается в правоте христиан, проникается их учением и принимает крещение.

Прения о вере в поэме Хераскова частично основаны на летописных свидетельствах о выборе киевским князем новой религии. Эпизод выбора вер представляет собой свободное переложение соответствующего фрагмента «Повести временных лет» с некоторыми авторскими дополнениями. Споры христиан и язычников в поэме являются вымыслом, обусловленным замыслом произведения: Херасков обосновывает необходимость обращения киевского князя, а затем и Руси в христианство, одновременно оспаривая ложную трактовку вероучения. Участниками дискуссии, помимо Владимира, Кира, Рогдая, варягов-мучеников и Добрыни, становятся преимущественно вымышленные персонажи – Стенар, Кифар, Клосар, Пламид, Зломир, а также высшие силы и воплощенные пороки и добродетели.

2.3. Дискредитация язычества*

Дискредитация противника – прием, направленный на утверждение правоты одной из конфликтующих сторон, к которому М.М. Херасков неоднократно прибегает в поэмах на исторические темы. Особенно заметно это во «Владимире», где идеологическое противостояние христиан и язычников и, соответственно, влияние тех и других на выбор киевского князя, определяющий его судьбу и будущее Руси, составляет значительную часть поэмы. Автор убеждает читателя в том, что греческая вера стала путем к спасению Владимира и Руси, нравственное преображение достижимо, пример киевского князя доказывает это. Осознать приоритет греческой веры по отношению к язычеству и иным

²⁷⁵ В этом вопросе Херасков согласен с М.М. Щербатовым, который, рассуждая о причинах медленного распространения христианства на Руси со времен крещения Ольги, приходит к выводу: презрительно-насмешливое отношение к христианам, невежество, «упражнение в войне и в ловитвах», ненависть к грекам, «почти странствующая и дикая жизнь» российского народа мешали проникновению христианства на Русь (Щербатов 1770, с. 250).

*При создании этого раздела использовалась наша статья: Семенова А.В. Дискредитация язычества в поэме М.М. Хераскова «Владимир» / А.В. Семенова // Филология: научные исследования. – 2017. – № 3 (24). – С. 27–40. (URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23776)

конфессиям помогают христиане, чьи речи и поступки в произведении говорят в пользу исповедуемой ими религии. «Однако возможна иная точка зрения, носителями которой в поэме становятся преимущественно язычники, достаточно убедительно отстаивающие свою позицию. Несмотря на аргументы противников новой веры, читатель не должен прийти к заключению, что язычество является допустимой альтернативой христианству и кумиропоклонники по-своему правы. Херасков в I–IV и IX песнях поэмы целенаправленно дискредитирует язычников, лишая веса их доводы.

Херасков уделяет достаточно много внимания языческому культу и его отправителям – жрецам. В «Повести временных лет» и трудах по истории России есть ряд упоминаний о верованиях славян, в том числе перечислены кумиры, установленные по велению князя на киевском холме в первый год правления Владимира (ПВЛ 1996, с. 37)²⁷⁶, однако Херасков вольно интерпретирует исторический материал, привязывая язычество к внутренней борьбе главного героя и противостоянию язычников и христиан в произведении. Автор выделяет нескольких богов, особенно почитаемых в Киеве, среди них Перун, Лада, Чернобог и другие. Херасков не останавливается на пантеоне князя Владимира, выводя на передний план культы божеств, соотносимых с главными слабостями Владимира – войной и любострастием. По наблюдению Т.Е. Абрамзон божества выполняют функции, соответствующие дефинициям в мифологических словарях XVIII века, однако принятию Владимиром новой веры препятствуют также квазиславянские боги, наделенные знанием древнерусской истории, античной мифологии и культурных идей XVIII столетия. Язычество у Хераскова проистекает из природных человеческих влечений, благодаря которым дьявол удерживает в своей власти славян²⁷⁷.

В поэме нередко фигурирует Лада, не входившая в киевский пантеон, но отождествляемая с женолюбием Владимира. В данном случае Херасков мог также принимать во внимание запись об идолах в «Киевском синопсисе», которая дополняет свидетельство «Повести временных лет». Согласно «Синопсису», помимо шести названных Нестором идолов, киевляне поклонялись еще нескольким кумирам – Волосу, Позвизду, Купале, Ладе, Лелю и Полелю, Коляде, Туру, Усладу, – культы которых названы богомерзкими и исходящими от дьявола: «Им же бесам помраченны людие аки Богу жертвы и хваления воздаваху. Сия же мерзость во всем государстве Владимировом по велению его создавашеся» (КС 1836, с. 51). Ладо связан с обрядом бракосочетания: «Сего имеяху бога веселия и всякого благополучия; жертвы ему приношаху готовящиися

²⁷⁶ См. также в других источниках (Татищев 1773, с. 61; Щербатов 1770, с. 246; Ломоносов 1766, с. 98).

²⁷⁷ См.: Абрамзон Т.Е. Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2007. – С. 34–35.

к браку, помощью Лада мняще себе добро веселие и любезно житие стяжати» (КС 1836, с. 47). Упоминает Херасков Чернобога, приписывая ему функции бога войны, хотя это скорее «сфера деятельности» Перуна, к тому же Чернобог – древнее воплощение темного начала, персонификация злой доли, и в пантеон Владимира также не входил²⁷⁸. М.В. Ломоносов со ссылкой на северных писателей замечает, что у славян почитались «Чернобог и Белобог, первый добрый, другой злой» (Ломоносов 1766, с. 20), но речь идет о «России прежде Рурика» и, вероятно, характеристики божеств следует поменять местами.

Даруемые языческими богами милости всегда имеют цену. Обожаемому киевлянами и чтимому Владимиром Чернобогу, например, приносили в жертву коней в обмен на военные победы, десятки быков князь отправляет на заклание Ладе. Херасков мог опираться на «Древнюю Российскую историю» Ломоносова, где приведено подробное описание культа Святовида, которому приносили жертвы, животных и людей – пленных христиан, ожидая взамен победы над врагами (Ломоносов 1766, с. 21–22). Но помощь богов в поэме так или иначе оборачивается чем-то страшным – злобой, кровью, страданием и смертью, ожесточая людей, воспринимающих это как нечто естественное. Язычество подменяет истинные ценности ложными, выдавая пороки за добродетель, маскируя безобразие культа пышными обрядами, ублажая тело в обмен на гибель души. В храме Лады, где проходят пышные торжества в честь «любовной царицы», установлен идол, окруженный семью столпами, олицетворяющими семь смертных грехов – телесных вожделений в привлекательном облике:

Степеней семь, и семь вокруг идола столпов,
Не тайну кажут числ, но ход семи грехов;
Исчадия сии телесных вожделений,
Стоят им свойственных в лице изображений.
Имея вид жены и некий лестный взгляд,
Подносит сладостный в сосуде Роскошь яд;
Бесстыдство там в венце, Веселие в порфире;
Соблазны перстом бьют по многострунной лире;
Желанье вьет венки, подъемлясь на крылах;

²⁷⁸ Об этом говорят В.В. Иванов и В.Н. Топоров, упоминая, что, согласно древнеисландской Книтлингасаге, Чернобог был связан с воинской функцией (Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 451; Иванов В.В., Топоров В.Н. Чернобог // Мифология. Энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 611; Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М., 2002. – С. 441).

И Пресыщенье спит на маковых цветах;
 Являет Гордость вход в украшенну божницу.
 (Владимир 1797, с. 41)

Автор акцентирует враждебность языческих богов людям. Обряды кумирослужения строятся вокруг жертвоприношений, нередко человеческих. В IX песни поэмы описано языческое священнодействие, которое доступно лишь посвященным и совершается ежегодно вне города. Частью обряда, в котором «завсегда участвует сам ад» (Владимир 1797, с. 154), является принесение в жертву младенца, чью кровь на алтаре проливает Зломир, совмещая молитвы Перуну и чародейство. Жрецы в дубовых венцах собирают кровь в серебряные чаши, окропляют ею лица, ярятся и рычат, как звери. В продолжение таинства колдун призывает души умерших из ада:

Курится жершвенник огнем зёленным там;
 Наполнилася вся пустыня бледным светом,
 Как видима луна в нощи туманными летом;
 Младенец в пеленах на алтаре лежал;
 Там чаши серебряны и жертвенный кинжал;
 Покрыты мхом седым в тени явились гробы,
 Хранящее тела внутри земной утробы.
 (Владимир 1797, с. 158–159)

Обряд, о котором идет речь в поэме, автор связывает с Элевзинскими мистериями – празднествами в честь Цереры и Персефоны. Тайный мистический культ, основанный, по преданию, Эвмолпом и позже распространенный Платоном, представляет собой учение о человеческой душе и перерождении, об этом упоминает и Херасков (хотя Платона заменяет на Пифагора):

Обряд, почерпнутый из таинств Елевзиских,
 С ученьем смешанный преданиев Изиских,
 Которы Пифагор в Италию принес
 О преселении душ наших и телес.
 (Владимир 1797, с. 154)

Ритуальные празднества действительно проходили в священной роще ночью, поскольку было принято считать, что в это время души умерших способны проникать в

мир живых. Таинство также включало в себя обряд инициации, что перекликается с историей двух юношей, Зарема и Стенара, склоняемых Кифаром признать языческих богов и выполнить повеление духа Пламида. Однако в остальном описанное в поэме действие мало чем напоминает Элевзинские мистерии. Автор объясняет это тем, что жрецы переняли только некоторые элементы культа, адаптировав обряд под требования своих богов (Владимир 1797, с. 154). В наиболее вероятных исторических источниках поэмы нет упоминаний Элевзинских мистерий или вариаций тайного мистического ритуала, практикуемого на Руси, за исключением описания в «Древней Российской истории» Ломоносова схожих обрядов: «Другим идолам своим Прову или Прону, Сиве, Радегасту приносили тогда жившие славяне кровавую жертву людей христианских. По заклинании оных прикушивал жрец крови, отчего уповали силы и действия к предсказанию. Когда жертва совершилась, начинался жертвенный пир с музыкой и плясанием. Злым богам приносили кровавую жертву и печальное моление, также и страшные клятвы; добрым веселие, игры и радостные пированья» (Ломоносов 1766, с. 22). Данный эпизод поэмы является вымыслом, частично соотносимым со свидетельством историка о верованиях славян, назначение которого – убедить читателей во вредоносности язычества. Автор рисует устрашающую картину, не оставляющую сомнений в том, что языческий культ сродни поклонению дьяволу. Примечательно, что герои, имеющие исторические прототипы, не принимают участия в таинстве, все действующие лица относятся к числу вымышленных персонажей.

Культовый культ главного бога восточнославянского пантеона, согласно поэме, очень жесток и сопровождается регулярными кровавыми ритуалами. Перунов храм в Киеве Херасков описывает как зловещее место, где приносят жертвы кумиру:

Созижден высоко Перунов гордый храм,
Он тени распростер далеко по горам;
Пред ним всегда горит неугасимый пламень,
При входе утвержден краеугольный камень,
И камнем гибели народом наречен;
Он черной кровию всечасно омочен;
На нем несчастная та жертва трепетала,
Жестокости жрецов которая питала;
Там смертоносные оружия висят,
Сосуды кровию наполнены стоят.

(Владимир 1797, с. 73–74)

По требованию жрецов, провозглашающих волю богов, пришедших в Киев врягов-христиан ведут в храм на заклание, одновременно ублажая кумиров и избавляясь от смутителей Владимира. Однако не только иноверцы гибнут на алтаре, язычники готовы приносить в жертву собственных детей, и жрецы первыми подают в этом пример. В V песни по настоянию Пламида в храме Перуна должны пролить кровь Законеста, верховного жреца не останавливает то, что юноша оказывается его сыном. Жрица Лады принуждает дочь Версону прельстить Владимира, отвлечь его от мыслей о крещении, поскольку так угодно богине любви. Мать требует от девушки подчинения, несмотря на любовь Версоны к Законесту, вместе с которым она готова умереть, но не отречься от жениха-христианина и новой веры. Подобные обряды, согласно поэме, являются неотъемлемой частью служения языческим богам. Язычество разъедает душу человека, отравляет невинных (так, Зарем и Стенар становятся убийцами и совершают суицид, к этому же приему Херасков позже прибегнет в «Царе, или Спасенном Новгороде»), вытесняет сострадание, жалость, родительскую любовь и, напротив, прививает жестокость, более чем терпимое отношение к кровопролитию.

Описания храмов Перуна и Лады противоречат летописям, поскольку восточные славяне не строили храмов вообще, устанавливая капища на холмах, берегах рек или в рощах под открытым небом. В Киеве, согласно историческим источникам, идолы располагались на холме (за исключением Велеса) (ПВЛ 1996, с. 37)²⁷⁹, о «гордых храмах» с элементами античной архитектуры – ступенями, скульптурами, украшенными божницами – нет каких-либо свидетельств. Алтарные камни и «неугасимый пламень» (священные костры – крады) имели место в действительности, но автор дополняет картину красочными подробностями в соответствии с античными, но не славянскими традициями. Херасков подчеркивает эротический характер культа Лады, которая в действительности почиталась как покровительница замужних женщин, помогающая сохранить семью²⁸⁰, однако об этой стороне Лады Херасков ничего не говорит в поэме, лишая языческую богиню положительных черт. Лада в поэме отождествлена с Венерой или Афродитой. Под влиянием античных образцов и, вероятно, М.В. Ломоносова²⁸¹,

²⁷⁹ См. также: в других источниках (Татищев 1773, с. 61; Щербатов 1770, с. 246; Ломоносов 1766, с. 98).

²⁸⁰ Об этом упоминает М.В. Ломоносов: «...Лада (Венера), Дида и Лель (купидоны) любви и браков покровители толь усердно от древних предков наших почитались, что оттуда и поныне в любовных простых песнях, особливо на брачных празднествах, упоминаются со многим повторительным восклицанием» (Ломоносов 1766, с. 99).

²⁸¹ В «Российской истории» М.В. Ломоносова Лада сопоставляется с Венерой, а Лель – с Купидоном (Ломоносов 1766, с. 99).

Херасков упоминает ее сына – крылатого бога любви с волшебным луком и стрелами, несмотря на отсутствие в славянском пантеоне божества, походящего на Амура:

Сын Ладин в воздухе взвивается крылами,
И напрягает лук пернатыми стрелами.

(Владимир 1797, с. 42)

Человеческие жертвоприношения – спорный вопрос, до сих пор нет убедительных археологических свидетельств, подтверждающих, что, помимо животных, в жертву богам приносили людей. В.В. Хвойка, проводя раскопки в Киеве, обнаружил алтарное место-столб, слои глины и пепла, кости животных, но не человеческие²⁸². Херасков не мог этого знать, поэт опирался на значительно более ранние письменные исторические источники, согласно которым человеческие жертвоприношения на Руси все-таки практиковались, люди приводили на заклание сыновей и дочерей или пленников, надеясь получить желаемое или в благодарность за военные победы: «И жряху им, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровью земля Руска и холм-от» (ПВЛ 1996, с. 37)²⁸³. Херасков имел достаточно оснований для дискредитации язычников, хотя эпизоды, связанные с Пламидом и Законестом, Версоной и ее матерью, Кифаром и Зломиром, – полностью вымышленные, как и сами персонажи. В описании храма Перуна и рассказе о таинстве, совершаемом за городом, поэт намеренно утрировал отрицательные стороны культа.

Дискредитации язычества во «Владимире» способствуют отрицательные характеристики, даваемые автором жрецам, по поступкам которых можно судить об исповедуемой ими вере. Если Кир и Идолом в поэме сочетают в себе черты и образ мыслей образцовых христиан и являются примером для подражания, то Пламид и Зломир – их противоположности, внушающие антипатию. Язычники в поэме приветствуют чародейство, порицаемое христианской церковью (хотя Кир тоже творит чудеса, но иного свойства, о чем речь пойдет ниже). Зломир – колдун, живущий в пещере на берегу Днепра – почитается горожанами пророком, к нему прислушиваются жрецы, в том числе Пламид. Однако «безбожный чародей» погряз в чернокнижии, он «враг неба, враг земли, враг Бога, враг людей» (Владимир 1797, с. 20) и не способен творить добро. В его пещере обитают

²⁸² Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам): С прил. описания раскопок в ус. М.М. Петровского в г. Киеве и с. Белгородке. – Киев: Тип. "т-ва Е. А. Синькевич", 1913. – С. 68–78.

²⁸³ Схожие свидетельства содержатся в других источниках (Татищев 1773, с. 61; Щербатов 1770, с. 246; Ломоносов 1766, с. 98).

Страх, Ненависть и Злоба, Обман и Лесть, повсюду видны змеи и человеческие кости – все признаки приспешника темных сил налицо. Зломир беседует с духами и посланцами ада, призывает богов из преисподней, выполняет их поручения. В общем, очевидно, что чародей, защищающий язычество, не может быть прав в вопросе истинной веры.

Верховный жрец Перун немногим отличается от Зломира: Пламид коварен, алчен, не чужд чародейству, не заботится о благе людей и даже идолов не чтит, действуя лишь в собственных интересах:

На сердце выгоды он собственны имеет,
Жалеет о себе, не идолов жалеет.
Когда бы истинный людьми был познан Бог,
Роскошествовать бы жрец, ни сеять зла не мог:
Но там утратится благоустройства мера,
Где царствует обряд, иль жреческая вера.

(Владимир 1797, с. 23)

Власть жрецов держится на страхе и суевериях, невежество людей, их неспособность отличить доброе от дурного позволяют служителям культа внушать почтение к кумирам, воля которых ведома жрецам, чей авторитет, соответственно, непререкаем. Пламид приносит жертвы Перуну, лицемерно славит идола, но из-под покрова культа управляет людьми, в том числе князем. Таким образом, язычники, формально поклоняясь кумирам, фактически подчиняются жрецам, что лишает культ сакральности, превращая его в массовый обман:

Еще предания рассеяны жрецами,
Имели полну власть Россиян над сердцами;
Толико их была велика слепота,
Что вера в идолов казалась им свята;
Жрецы мечту сию питали лицемерством,
Народ поддерживал постыдным суеверством.

(Владимир 1797, с. 52)

Помимо жрецов, автор поэмы портит репутацию Рогдаю, обесценивая таким образом его доводы против христианства. Изначально охарактеризованный как «аспид сердцем», герой впоследствии окончательно переходит на сторону зла, направляемый Зломиром. Рогдай едет в долину Суесвятства за волшебным рогом, дарующим власть,

помогает чародею искушать Владимира в Херсоне. Став пособником ада, Рогдай доказывает ложность своих убеждений и должен потерять доверие читателей.

Историческое событие – принятие Владимиром христианства – интерпретировано в поэме Хераскова в религиозно-фантастическом ключе. Противостояние язычников и христиан принимает форму борьбы добра и зла, светлых и темных сил. Бог и князь мира, ангелы и языческие божества, святые и олицетворенные пороки вмешиваются в ход истории через непосредственное участие в событиях или помощь христианам и язычникам. Ранее в «Россияде» Херасков вводил в повествование высшие силы, поддерживающие русских или казанцев, дискредитируя татар тем, что на их стороне выступают посланцы ада, одновременно вмешательство святых в исход борьбы способствовало христианизации произведения. Во «Владимире» предмет поэмы априори подразумевает религиозную составляющую. В произведении реализован мотив предопределенности перехода Руси в христианство, вместе с тем язычество уподоблено поклонению дьяволу.

Высшие силы в поэме оказывают влияние на определенных людей, дают конкретные поручения или помогают понять, что есть истина и ложь, более деликатно подталкивая к верным действиям. Участие небес в судьбе Владимира обусловлено тем, что ему, а вслед за этим всей стране суждено преобразиться. Мессия недвусмысленно провозглашает участь России:

Светись, Мессия рек, в стране полночной свет!
И север зрится весь сиянием одет;
Владимир адскую одолевает силу,
Подобен зрится он небесному светилу;
Его объемлет тма, он паки гонит тму.
Се жребий, рек Господь, назначенный ему!..

(Владимир 1797, с. 50)

Однако пророчество не отменяет того, что «полночная страна» и ее правитель пребывают во мраке и нуждаются в помощи. У русских людей, прежде всего у киевского князя, на небесах и на земле находятся заступники. Старик варяг молится о спасении киевлян, и в ответ на его молитвы является Херувим, возвещающий праведнику волю Господа. Сомнению, исторгнутой частице души врага божьего, простершейся над Днепром, крылами заграждает путь в сердца верующих Ангел, но те, в ком нет веры, остаются беззащитными. Апостол Андрей, скорбя о душах россиян, обращается

непосредственно к Творцу с просьбой просветить земли, где ученик Христа некогда проповедовал и воздвиг крест:

От солнца далека полночная страна,
Должна ль и Твоего быть света лишена?
Мной крест Спасителей воздвигнут Россам втуне...

...О Боже! просвети возлюбленный мой град,
Да враг Твой у Тебя не похищает чад.

(Владимир 1797, с. 15–16)

После гибели варягов Правда являет свой лик Владимиру, Архангел обращает внимание Творца на раскаяние князя. Бог вновь предрекает спасение Руси, но позволяет небесным покровителям Владимира поддержать его. Героя касается божественная благодать, он видит в небесах крест – символ возрождения, Ангел-хранитель ниспосылает видение небесного града, уготованного в награду праведникам, так что князь понимает, к чему следует стремиться.

С другой стороны, язычество находит не менее серьезную поддержку со стороны ада. Обеспокоенное намерением Владимира попрасть богов, Злочестие, оно же дух Безбожия или князь мира в облике Перуна, отправляет в Киев свирепую мать немощей, олицетворенная Злоба вселяет в киевлян ненависть к варягам и жажду крови. Однако предпринятых мер оказывается недостаточно, чтобы убедить князя отказаться от поисков истины. Владимир колеблется, но посланные небом знаки укрепляют его волю. Князь мира собирает злых духов на совет.

В связи с этим Херасков в I песни поэмы упоминает многих божеств славянского пантеона, давая им отрицательные характеристики и акцентируя их заинтересованность исключительно в собственном благе, а не благополучии поклоняющихся им людей. Чернобог, Ний, Зничь, Услад, Бог ветра (вероятно, Стрибог), Хорс, Семиргл, Дажбо, Волос, Купало, Посвист, Лада и Полель – олицетворения явлений природы, человеческих слабостей и страстей, через которые князь мира правит людьми – предлагают всевозможные способы отвлечь Владимира от Бога, например войну и разрушение города, развращающую роскошь и прелюбодеяние. Вмешательство богов, особенно Лады, приносит результаты, но это опять-таки не решает исход борьбы добра и зла.

Злочестие находит союзников среди людей и через них пытается вернуть былую власть над Русью. Исполнителями его воли становятся жрецы и чародей Зломир. Им при

поддержке небес дают отпор герои-праведники, так что противостояние христиан и язычников выливается в серию чудес религиозного характера, о которых речь идет в V и IX песнях. День Перуна становится переломным моментом поэмы. В храме кумира конфликт жрецов и их оппонентов-христиан достигает предельного накала: Пламид в бешенстве взывает к Перуну, чтобы тот покарал врагов или его самого, подтвердив свое могущество:

Когда не действует твоих перунов пламень,
Так ты не бог! ты прах! бесчувственный ты камень!

(Владимир 1797, с. 78)

Языческий бог отзывается: он поражает Пламида огнем в грудь, душа и тело жреца исчезают в недрах разверзшейся земли, храм заполняет черный дым, а площадь темнеет²⁸⁴. Но в тот же миг с небес сходит чистый дух и крылами разводит мрак. Кумир внутри храма завывает от бешенства и бессилия, краеугольный камень распадается на половины, священный огонь гаснет. Глава славянского пантеона терпит сокрушительное поражение, его сил хватает лишь на то, чтобы покарать своего же служителя. Народ теряет веру в кумира, охладевает к жрецам и все больше склоняется к поддержке Владимира.

Еще одну попытку защитить язычество предпринимает Зломир, убеждающий людей бороться за своих богов и отомстить их врагам. Чародей через Кифара вынуждает Зарема и Стенара убить новообращенных христиан, что должно послужить предателям уроком. Его оппонентом становится Кир, уличающий народ в безумстве и являющий чудеса по велению небес, поскольку людей иначе не вразумить:

Преубеждается народ не словесами,
Преубеждается в законах чудесами,
Которы мне творить велели Небеса.

(Владимир 1797, с. 152)

Кир рассеивает адский мрак в душе Кифара, воскрешает его жену и детей, обращая закоренелого язычника и противника греческой веры в истинного христианина:

²⁸⁴ В «Киевском синопсисе» содержится замечание о наказании жрецов за непочтительность к идолу Перуна: «Аще же бы по нерадению жресческому ключилося огню угаснути, того жреца, аки врага бога своего, смертию казняху» (КС 1836, с. 48).

Изображение Кир Распятого берет:
 Он длани к небесам с молитвою возносит,
 И силу Божию прославить небо просит.
 Животворящий Крест приосенил тела,
 И жизни искра в них являться начала,
 Как голуби с небес их души возвратились,
 Тела воспрянули, воскресли, оживились.
 (Владимир 1797, с. 169–170)

Чудеса, творимые язычниками и христианами, имеют разную природу. Исходящие от злых духов, сверхъестественные явления вредят людям и пугают их, ангелы и праведники, напротив, спасают души верующих и заблудших, помогают не совершать ошибок или вовремя исправляют причиненное идолопоклонниками зло. Противостояние язычников и христиан на протяжении поэмы завершается крахом поборников старой веры, которые проигрывают одну условную «битву» за другой, не будучи способными конкурировать с христианами, на чьей стороне правда. Язычники в конечном счете блюдут свои интересы, стремятся сохранить высокое положение и влияние на князя. В них нет подлинного почтения к богам, которые воспринимаются скорее как орудие власти, таким образом, язычество не есть другая правда, это заведомая фикция, выгодная жрецам, обман. Истина только одна, и она от Бога – это лейтмотив поэмы.

Наряду с аллегориями вмешательство высших сил составляет фантастический план произведения, необходимый в классической эпосе. Фантастические элементы во «Владимире» функциональны, направлены на дискредитацию язычества. Этот прием ранее был опробован в «Россияде», но менее выражено, сказочность не так гармонично вплетена в сюжет. Здесь же чудеса тесно соотнесены с противостоянием язычества и христианства в целом и борьбой тьмы и света в душе главного героя.

Подавляющая часть эпизодов, в которых действуют высшие силы или совершаются чудеса, является авторским вымыслом. Исключение, требующее оговорки, – предание об апостоле Андрее, первом святителе земли русской. Упоминания о проповеди Андрея Первозванного в Скифии можно найти в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского²⁸⁵ и в трудах других церковных писателей. Предание содержится в «Повести временных лет» и Никоновской летописи (ПВЛ 1996, с. 9; РЛНС 1767, с. 6–7), «Истории российской» В.Н. Татищева (Татищев 1773, с. 4–5) и т.д. Следовательно, Херасков обоснованно возлагает на апостола Андрея функции святого покровителя Руси и заступника Владимира. Сближение

²⁸⁵ См.: *Евсевий Памфил*. Церковная история / Ввод. статья, коммент., библиогр. список и указатели И.В. Кривушина. Научное издание. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. – С. 110.

язычества с поклонением дьяволу также традиционно для летописей. В частности в «Повести временных лет» упомянута радость дьявола по поводу пребывания людей в неведении: «Бяхо бо тогда человеци неведгоси и погани. Дьявол радовашеся сему, не ведый, яко близь погибель хотяше быти ему» (ПВЛ 1996, с. 39).

Фрагменты поэмы, связанные с языческим культом и злодеяниями жрецов, составляют идеологический фон произведения. Вымышленные подробности, частично обоснованные летописными свидетельствами или противоречащие им, накладываются на историческую основу поэмы, создавая эффект призмы, сквозь которую исторические события, в целом изложенные относительно достоверно, предстают в новом свете. Во «Владимире» нет промежуточных вариантов между добром и злом, автор достаточно категоричен: старая вера не просто заблуждение, она исходит от дьявола, и последний активно борется за свое господство в мире людей, то есть в данном случае на Руси. Языческие божества отождествляются в поэме с бесами, глава славянского пантеона – Перун – предстает ипостасью дьявола, и это весомый аргумент против язычества. Старая вера во «Владимире» дискредитирована, автор не оставляет возможности толковать выбор киевского князя как разрушение исконной культуры и насаждение чуждой, крещение Руси, напротив, спасает народ, оказавшийся на краю гибели.

2.4. Выбор и его следствия

Свобода воли и порождаемая ею проблема выбора – один из наиболее сложных вопросов, затрагиваемых теологией, философией и литературой. М.М. Херасков, находя назначение своего творчества в ненавязчивом наставлении современников и потомков, неоднократно в своих произведениях обращался к распространенной в литературе XVIII аллегории двух жизненных путей, лежащих перед человеком (о чем речь шла выше). Действуя в ущерб своим интересам и вопреки желаниям, но во благо окружающих или, напротив, подавляя людей и культивируя наслаждение, совершая добрые или дурные поступки, человек делает шаги в одном из направлений, определяя свою судьбу. Тема выбора и его следствий занимает центральное место в поэме «Владимир». Стремление к истине и просвещению, злоупотребление свободой и потворство пороку непосредственно отражаются на участии героев произведения.

Борьба христианства и язычества во «Владимире» ведется на двух фронтах – во внешнем мире и в душе героев, которым необходимо преодолевать себя. Смена веры предполагает принятие новой этики, во многом противоречащей привычной шкале ценностей. Перенастройка сознания – процесс сложный и болезненный – сопровождается

внутренней борьбой персонажей поэмы, расколом личности, стремящейся к труднодостижимой истине, то есть к Богу, и одновременно страшащейся разрушения комфортного, понятного мира, в котором существовала до сих пор. Выйти за рамки языческого мышления героям, в первую очередь Владимиру и Всеволоду, помогают проповеди праведников и вмешательство высших сил, однако выбор в конечном итоге остается за каждым из персонажей.

В поэме Хераскова устами Идолема и Кира, в VII и VIII песнях, декларируется, что дорога к раю открыта для каждого, однако избрать этот путь человек должен добровольно. Бог проявляет себя в природе, говорит с людьми, но мирская суэта, тщеславие, гордыня, удовлетворение прихотей заглушают его голос в душе, и человек, впад в заблуждение, движется у гибели:

...Создатель смертных роду
При их падении дал полную свободу,
И властны суть они на свете избирать,
Иль в небе вечно жить, иль вечно умирать.

...Но мы, под тяжестью своих мирских оков,
Самих себя любя, не слышим Божьих слов;
Не слышим, буйствуем, тщеславимся, гордимся,
И падшим ангелам подобны становимся.

(Владимир 1797, с. 132)

Печальной участи можно избежать. Обратиться к истинному Богу никогда не поздно, однако тому, в ком недостаточно веры, спасение дается нелегко. Человека одолевают сомнения и страсти, которые необходимо отринуть, чтобы воспринять христианскую этику в полной мере. Вера не требует от человека жертв, закон Божий справедлив, и только люди, ошибочно понимающие благо как услаждение плоти, а не единение души с Богом, находят христианское вероучение тягостным:

Противу наших сил мы совесть бременем,
И тягостным завет Спасителей чиним.
Законов не дал Бог, о Князь! сие не ложно,
Которых смертному исполнить невозможно.

(Владимир 1797, с. 140)

Осознание подлинного блаженства, не связанного с бренным миром, требует времени и предваряется внутренней борьбой, от исхода которой зависит, что станет с героями произведения. Самоотречение вознаграждается очищением через приближение к Богу, упорство в заблуждениях влечет за собой наказание – эта идея отчетливо прослеживается в поэме Хераскова. Души праведников, чья вера не знает сомнений, возносятся к небесам – такова участь принявших мученическую смерть варягов, Светиды. В VII песни происходит чудесное преображение Версоны и Законеста, сбросивших оковы плоти и ставших подобными первым людям, еще не оскверненным грехом. Бог даровал благочестивым жениху и невесте вечную жизнь в раю, приняв их слезы и молитвы:

Оделись в вечну плоть невеста и жених.

...Едемские венцы, сплетенны из лилей,

Сияли у него и на челе у ней.

...Но ведай, что таков был первый человек,

Доколе плотской тьмы ко свету не привлек.

(Владимир 1797, с. 112)

В поэме допускается существование языческого рая, уготованного благочестивым душам. Счастливые небесные селения, «где море радостей, где тысячи прохлад» (Владимир 1797, с. 162) противопоставлены царству Ния так же, как христианский рай аду:

Но жребий не таков для душ благочестивых:

На небесах они в селениях счастливых,

Где море радостей, где тысячи прохлад;

Ликует с ними Знич, Полеля и Услад,

И будут ликовать с богами бесконечно;

Блаженство душ таких не временно, но вечно.

(Владимир 1797, с. 162)

Оказывается, что не все язычники обречены на вечные муки, перед ними стоит тот же выбор: чтить богов и вести праведный образ жизни или ожесточиться. Однако на проверку описанные «счастливые селения» – очередной обман. Почитание богов предполагает жертвоприношения, но тех, кто послушен воле жрецов, ждет ад. Таким образом, языческий рай почти недостижим, это приманка, ложное обещание,

запутывающее людей. Языческий рай упомянут в произведении в связи с призывом мертвых во время мистического действа под Киевом, однако на зов Зломира откликаются только души, пребывающие в аду, существование рая ничем не подтверждено. К тому же Знич, Полель и Услад входят в свиту князя мира и к небесам отношения не имеют. Итог жизни закоренелых грешников очевиден: душа Пламида оказывается в царстве Ния, Зломир низвергается в ад, где тени усопших обретают страшный облик:

Чело нахмуренно, кровавы очи их.
 Восстали трепетны, строптивы, обнаженны,
 И были многие в зверей преобращенны,
 В несмысленных скотов и в ползающих гад,
 Какими будто в казнь преобратил их ад.
 (Владимир 1797, с. 160)

Судьба большинства персонажей поэмы не предопределена и решается на протяжении произведения. Автор ставит героев в ситуацию выбора или подвергает испытаниям. Греховные поступки, намерения, мысли имеют, как правило, дурные следствия, от которых спасают раскаяние и молитва. В момент просветления после беседы с Идолом киевский князь воспринимает мир, как это дано лишь праведникам: все вокруг него сияет неземной красотой, лес преобразается в чудесный сад. Однако едва Владимир начинает сомневаться, по силам ли ему и его народу свергнуть «кумирно бремя», ему слышится звон мечей, мерещится мятеж, страх и недоверие берут верх и волшебное очарование места исчезает, князь оказывается в темной, мрачной дубраве. Вновь сомнения одолевают Владимира в Херсоне незадолго до крещения (XVIII песнь поэмы). Терзаемый любопытством, князь в храме приоткрывает завесу алтаря и немедленно слепнет.

Рассказ о внезапной болезни Владимира содержит «Повесть временных лет», согласно которой, князь лишился зрения вследствие того, что готов был нарушить слово и взять в жены царевну Анну, не принимая новой веры. Летопись трактует слепоту Владимира как божественный промысел, вмешательство свыше не позволило князю совершить преступление. Анна разъяснила будущему супругу, чем он навлек на себя болезнь и как исцелиться. Покаявшись, Владимир прозрел и признал величие христианского Бога. Этот же рассказ приведен в других исторических источниках (ПВЛ

1996, с. 50)²⁸⁶. Херасков иначе интерпретирует недуг Владимира: князь слепнет оттого, что любопытство в нем пересилило веру и погасило светильник истины в сердце, возженный Киrom. Божественный свет доступен внутреннему зрению, но попытка грубо проникнуть в божественные тайны, недоступные смертным, грешна. В поэме недуг Владимира более символичен, чем в летописи, потеря зрения соотносится со слепотой духовной, а исцелению предшествуют просветление и пророческие видения будущего. Однако Херасков согласен с хрониками в том, что физическое здоровье князю возвращают раскаяние и смирение – исцеление души. Автор устами Кира подчеркивает, что Владимир наказан не Богом, а самим собой, так как человек наделен свободой воли и несет ответственность за свой выбор, но милость Божья все исправляет, если довериться Творцу:

Не Богом ты казнен, казнен ты сам собой;
Мы часто наш состав страстями разрушаем,
И в том судьбу виним, в чем волей погрешаем.

(Владимир 1797, с. 357)

Человеку свойственно совершать ошибки, от сомнений не застрахован никто, в том числе праведники. Апологеты христианства в поэме вполне уязвимы, на примере Кира и Стенара автор дает понять, что нравственную чистоту необходимо блюсти постоянно, поскольку в моменты слабости неверные поступки совершают даже люди добродетельные. Ненадолго забывшись, Кир не распознает обман Зломира и оказывается в плену, окруженный пламенем и змеями – поворот сюжета, напоминающий, что зло поработочает человека, потерявшего в мирской суете. Смирение, раскаяние, обращение к Богу избавляют Кира от гибели, апостол Андрей приходит на помощь праведнику. Добрые, честные, любящие юноши, менее всего желающие убивать, Стенар и Зарем, однако, недостаточно тверды духом, чтобы противостоять злу в сложной ситуации:

Злодеев сонмище в очах еще у них,
И мнится вопиет: кровь лейте и терзайте!
А чувства вопиют: стойте, не дерзайте!

(Владимир 1797, с. 166)

²⁸⁶ См. также в других источниках (Татищев 1773, с. 72–73; РЛНС 1767, с. 87–88; Щербатов 1770, с. 261; Ломоносов 1766, с. 117–118). М.В. Ломоносов говорит, что Владимир принял свой недуг за наказание, ниспосланное богами предков, но Анна уверила князя, что это испытание Божие. Доказав твердость в вере, Владимир «очистится во святой купели не токмо от слепоты очей телесных, но и умным зрением просвещен будет» (Ломоносов 1766, с. 118).

...Два юноши при сих словах оцепенели,
 Увы! не убивать, они любить умели!
 Законному Царю умели верны быть,
 Друзей иметь в сердцах, не мучить, не губить.
 Смутило души их богопротивно дело;
 Затмилась вдруг луна и небо побледнело!
 (Владимир 1797, с. 166)

Зарем и Стенар делают выбор, последствия которого кажутся необратимыми, и винить в случившемся приходится себя. Персонажи поддаются убеждениям Зломира и Кифара, а затем позволяют гневу ослепить себя, вследствие чего убивают тех, кто им дороже всего, и также раскаяние и вера дают убийцам возможность начать все заново. Вымышленные эпизоды – испытание Кира и история обращения в христианство семьи Кифара – выполняют функцию наглядных примеров того, как легко оступается человек и как вера поддерживает его.

Страдания, претерпеваемые героями поэмы Хераскова, нередко оказываются одновременно карой, навлекаемой людьми на себя, и способом избежать более плачевной участи. В этом убеждает мучимых жаждой жителей Херсона старец, давший Всеволоду совет перекрыть поток пресной воды. В XVII песни герой укоряет горожан в разврате, лжи, праздности – пороках, сулящих адские муки:

Вы казни таковы от Неба заслужили,
 Напомните, в каких до днесь развратах жили;
 Забыли то творить, что вам закон велит,
 Который рай благим, а грешным ад сулит.
 (Владимир 1797, с. 326)

Беды, постигшие осажденных, должно воспринимать как искупление грехов, смирившись и претерпев их, жители Херсона очистятся и будут избавлены от гибели. Херасков во «Владимире» толкует осаду города и жажду, упоминаемые в исторических источниках (ПВЛ 1996, с. 49–50)²⁸⁷, не только как часть военных действий, но также как следствие несправедливого образа жизни херсонцев, которое должно послужить им уроком.

²⁸⁷ См. также в других источниках (Татищев 1773, с. 70–71; Щербатов 1770, с. 259–260; Ломоносов 1766, с. 116)

Во «Владимире» представлен обширный перечень соблазнов, слабостей и пороков, которым подвержен человек. Вслед за Вольтером Херасков выводит их в антропоморфном облике, так что борьба с искушениями принимает более наглядную форму. Большая часть аллегорий в поэме иллюстрирует самоопределение героев. Как отмечает А.В. Западов, «весьма осторожно, отнюдь не навязчиво, раскрывал поэт второй план своих произведений - аллегорический, разъяснял, что за приключениями героев следует видеть искания разума, идущего к познанию добродетели и к божественной истине»²⁸⁸.

На протяжении поэмы колеблющиеся персонажи – Владимир, а также Рогдай, Всеволод и их спутники – отправляются в аллегорические странствования, проходят через испытания, отражающие внутренние противоречия героев. «Скитаться во тьме» странникам не приходится, персонажам надлежит сделать вполне конкретный выбор, руководствуясь недвусмысленными указаниями наставников и подсказками волшебных предметов, что в целом характерно для аллегорических произведений (достаточно вспомнить, например, романы того же Хераскова, сказки Екатерины II или «Езду в остров любви» В.К. Тредиаковского). Путь к обители Идолема, прекрасной юдоли праведников, – аллегория поисков истины, то есть та самая «кремнистая дорога», по которой не каждый решается пойти и, что еще сложнее, с нее не свернуть:

К нам путь, сей краткий путь в жилище наше труден;
Единствен мнится быть, однако обоюден:
Кто сердца в простоте стезею сей пойдет,
Того приосенит небесный правды свет;
Но умствующий дух впадет во тму и в бедство.

(Владимир 1797, с. 86)

По пути киевский князь сталкивается со своими «демонами»: его обступает туман, скрывающий дорогу, – аллегория неведения, затем являются три прекрасные юные девы, сулящие любовь, богатство, власть и славу, военные победы, право брать все силой и повелевать теми, кто рожден быть рабом князя, – олицетворенные Любостяжание, Гордость и Плотоугодие, главные пороки Владимира:

Три главные греха пред ним изобразились:
Любостяжание, и Гордость, злейший грех,

²⁸⁸ Западов А.В. Указ. соч. – С. 37.

Плотоугодие, опаснейшее всех.

(Владимир 1797, с. 99–100)

Наконец огнедышащее чудовище – Умственность – преграждает Владимиру дорогу, требуя почестей. Бороться с ним, кажется, невозможно, меч Владимира разбивается. Умственность будит в герое сомнения, не противно ли христианство природе человека:

Известно тяжкое мне бремя Христианства,

Одне угрозы в нем, пощения, тиранства.

(Владимир 1797, с. 101)

Преодолеть препятствия князю помогают наставления и волшебный пламенный Идолема, источающий свет правды, который рассеивает морок, поддерживает во Владимире веру и тем самым помогает выстоять, хотя борьба изнуряет князя. Узрев грехи в истинном облике, герой осознает их безобразие, проникается ненавистью к порокам, бежит от них. Дополнительной мотивацией служит напоминание о том, что добродетель осеняет благодатью человека и все вокруг него, в суете же мира люди теряют себя, так что Владимир предупрежден о последствиях неверного выбора. Позже в Херсоне Владимиру приходится еще раз столкнуться с аллегорическим врагом – Фанатизмом, а также Зломиром, Рогдаем и Суесвятством в облике Анны, убеждающим князя поклониться олицетворению искаженного вероучения, но на этот раз соблазнить князя, как это ранее удалось фальшивой Версоне, противники христианства не в силах.

Сын Владимира Всеволод также проходит через испытания, определяющие его судьбу. Это своего рода развернутый дубль нравственных исканий киевского князя, выраженных множеством аллегорий. Историю Всеволода рассказывают XII и XIII песни, включенные автором в третье издание «Владимира» (II часть «Творений М. Хераскова, вновь исправленных и дополненных»). Преследуя Рогдая, Всеволод оказывается в волшебном пространстве – долине Суесвятства, где соблазны сменяют друг друга, сбивая героя и его соратников с пути. Всеволода направляет к цели – потоку мужества – мудрый старец – Рассудок, выполняющий в произведении те же функции наставника, что Идолема для Владимира (или Вассиан для Иоанна в «Россияде») (сопоставление Рассудка с Кирилом представляется нежелательным, поскольку последний, в отличие от Идолема, имеет исторический прототип и не является персонажем вымышленным): Рассудок указывает юноше на то, что тот погряз в страстях, любовные утехы и сладости отравили его и

заронили семена болезни, но положение не безнадежно. Всеволод может спастись и совершить множество подвигов, если поборет свои слабости и восстановит силы. В противном случае он поработит Россию и себя врагам. Как и Владимир, Всеволод признает, что вел несправедливый образ жизни, но готов пойти по пути исправления. Старец вручает ему стальное зеркало, изображающее безумие земное, с которым молодой князь сможет распознавать соблазны – еще один волшебный предмет в поэме, назначение которого – являть подлинную суть вещей. И наставления Всеволод получает те же, что и его отец:

Алкай, терпи, трудись, с собою сам сражайся;
 Достигнуть мужества источника старайся.
 Препятствия одолев, к потоку приступи,
 Пей воду мужества и сердце подкрепи.
 (Владимир 1797, с. 210)

В XII и XIII песнях мотив выбора и его следствий реализован наиболее полно. По пути к потоку мужества Всеволод встречает тех, кто поддался искушению и был наказан: черную тень Зельяра, клеветущего на Рассудок, пять голых деревьев, бывших некогда героями, погубленными змеем-самолюбивостью, алмазы и топазы с окаменевшими именами героев, искавших только славы, а не добродетели. Молодой князь благополучно избегает участи «неправильных» героев: обходит стороной пиры и забавы в долине, предпочитает некрасивый, ускользающий плод, который полезен и сладок, оттого труднодоступен, как всякое истинное благо, усыпляет змея-самолюбивость, воплощенное «зло геенское», с помощью зеркала – аллегории совести:

То зло геенское в змею преображенно;
 А зеркало мое, убит которым змей,
 Есть совесть данная, зеркалом для людей.
 (Владимир 1797, с. 224)

Поборов соблазны, Всеволод доказал, что достоин воды мужества, исцеляющей тело и душу, наделяющей необыкновенной силой, а также славы подлинного героя, даруемой тем, кто ее не ищет, и соответствующего оружия – копья из железного дерева. История Всеволода благодаря ярким аллегориям и фантастическим элементам представляет собой поучение в занимательной форме – «конек» Хераскова. Вместе с героем читатель проходит по пути нравственного самосовершенствования, убеждаясь в

преимущества отказа от мирских утех в пользу добродетели, наделяющей человека силой и мужеством. Совесть и здравый рассудок подсказывают верные решения, прислушиваясь к ним, можно избежать ошибок, влекущих к гибели.

В схожей ситуации выбора, на перепутье, оказывается Рогдай. «Правила игры» те же: искусители и наставники склоняют героя на ту или иную сторону, но решения принимает только он, следовательно, несет ответственность за свои поступки. Ведомый тщеславием и гордыней, Рогдай желает отомстить Владимиру за обиду и, захватив власть в Киеве, править лучше, чем князь, защищающий Стенара и ему подобных. Храбрый и сильный, но лишенный веры и ослепленный самолюбием, Рогдай легко становится орудием Зломира. В XV песни герой направляется в долину Суесвятства в поисках волшебного рога власти, дорогу указывает перстень Зломира. Вводит Рогдая в заблуждение, соблазнять удовольствиями, как Владимира или Всеволода, нет необходимости: он вполне осознанно идет на сделку с темными силами, отчего видит долину без блестящего покровы ложной привлекательности. В черной долине Рогдая неоднократно пытаются вразумить, остановить, предупредить о последствиях сделанного выбора: к нему взывает девица-Совесть, деревья, в которые обратились души самонадеянных безбожников и злодеев, препятствуют Рогдаю в Черной долине, их срубленные ветви обращаются в змеев и их же язвят. Рогдай понимает, что его может постигнуть аналогичная участь, но игнорирует предостережения и упорно идет к черте, за которой нет спасения. Его не останавливают черный лес и мрак, не пугает змей с семью головами – олицетворение греха, за которым герой следует, вместо того чтобы сразить, не смущают храм Суесвятства – противоположность храма Божьего, где «не творца, но тварей обожают» – и его обитатели: Страх, Пронырство, Ложь, Раздор, Зависть, Клевета, Наущенье, Предательство, Татьба, Насильство, Злоба, Мщенье, ложные Посты и сама бледная, угрюмая богиня – Суесвятство.

В связи с Рогдаем Херасков затрагивает проблему искажения христианского вероучения и подмены религиозных ценностей. Герой видит накрытое Евангелие, нелепые обряды, книги и вериги, прикрывающие житейские прохлады – сплошные перевертыши, уподобляющие чертог Суесвятства храму Божьему, но со знаком минус. Здесь внешняя сторона религии, не имеющая под собой истинной веры, рождает споры, провоцирует раздоры, потворствует греху:

Евангелие там, священное зеркало,
Имеет на себе густое покрывало;
Людские прения, как будто некий дым,

И толки буйные спираются над ним;
 Там прячутся во тьме житейские прохлады,
 Завесой служат им нелепые обряды;
 Там груды видимы и вервей и вериг;
 Там тучи праздных слов, там горы вздорных книг;
 Орудий смертных весь исполнен сей чертог;
 И сам представлен там немилосердным Бог.

(Владимир 1797, с. 267)

Суесвятство в поэме Хераскова такое же проявление зла, как язычество, и все же Рогдай приносит богине в жертву черного овна, скрепляя договор. Герой окончательно переходит на сторону зла, предопределяя печальный итог своей жизни.

Спутники Всеволода и Рогдая, оказавшись в долине Суесвятства, должны пройти через испытания, уготованные странникам. Недостаточно сильные духом, они поддаются искушениям и оказываются на краю гибели: Креницкий и Редим теряют себя в утехах, забыв о долге; Громвал, окруженный нечистыми духами, принимает их за ангелов и готов сжечь себя во славу Божью, Мечид лежит на маковых цветах как на тернах, Сломин сражается с тенью, рубит мечом воздух, а Силовол бьет себя в грудь, пытается увидеть свет с закрытыми глазами. Это очередное предупреждение: без веры человек слеп и беззащитен, а спасение – результат кропотливой работы над собой.

Мотив выбора и его следствий соотносится с дидактическим характером поэмы: постигающие героев несчастья не наказание свыше, а закономерный результат совершаемых ошибок, предупреждение о том, что необходимо пересмотреть свои действия и вовремя исправиться. Истинный враг человека он сам, поскольку обременяет себя грехами по доброй воле. Очищение достигается через страдания и внутреннюю борьбу, и помогает в этом вера:

...я первый враг себе!

Имею сам с собой безперестанны битвы,
 Мои доспехи крест, моя броня молитвы.
 Сего бы я врага преодолеть не мог,
 Когда б в победе мне не поборал мой Бог.

(Владимир 1797, с. 195)

Победа над собой – цена духовного перерождения, спасения и обретения подлинного блаженства в этом и ином мире. Силам тьмы дозволено искушать героев, поскольку преодоление соблазнов есть победа над князем тьмы, возвышающая человека:

Но Бог Владимира дозволит искушать,
 Дабы толикое в начал искушенье
 Доставило ему на небо возвышенье;
 Дабы он князя тьмы, как Иов, победил,
 Прославил Християн, геенну постыдил.

(Владимир 1797, с. 92)

За исключением слепоты Владимира и жажды жителей осажденного Херсона, события, связанные с реализацией мотива самоопределения героев поэмы, полностью вымышленные. Они выполняют иллюстративную функцию и относятся преимущественно к аллегорическому плану произведения, вполне самостоятельному и не предполагающему исторической основы.

2.5. Историческая основа поэмы

Сюжет «Владимира», как упоминалось выше, основан на свидетельствах нескольких исторических источников о раннем периоде правления князя Владимира. По замечанию Л.Л. Федотовой, Херасков был склонен в эпосе к документальной точности, историк в нем преобладал над поэтом²⁸⁹. Замысел «Владимира» – рассказ о духовном преображении грешников – не требовал исторической достоверности, однако историческая основа поэмы выделяется достаточно отчетливо. Обозначая во вступлении, аллегорический и назидательный характер произведения (Владимир 1797, с. VII–IX), Херасков позже взывает к истории, отводя ей должное место в своем сочинении:

Вещательница всех деяний в мире сем,
 Неусыпающа ни ночью, ни днем!
 Ты каждый в мире час древнее становишься,
 И в новых видах нам безперестанно зришься!
 Предстань передо мной, оденься Музой ты,
 Рассыпь, История! на песнь мою цветы.

²⁸⁹ Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – С. 163.

(Владимир 1797, с. 184)

Исторический план в поэме вторичен, несмотря на то, что большинство персонажей «Владимира», помимо самого киевского князя, имеет исторические прототипы: Добрыня (вероятно, приходился Владимиру дядей (ПВЛ 1996, с. 33²⁹⁰)), сыновья князя, философ Кир, варяги-христиане, царевна Анна, старец, подсказавший перекрыть воду, – и действия героев вполне соотносятся со свидетельствами хроник. Непосредственно к музе истории Херасков обращается, приступая к описанию военной кампании – традиционной составляющей эпоса. Автор создает развернутое батальное полотно на основании краткого летописного свидетельства под 988 годом: «иде Володимер с вои на Корсунь, град гречьский, и затворишася корсуняне в граде» (ПВЛ 1996, с. 49). Историки XVIII века добавляют к этому мотивы, побудившие Владимира пойти войной на греческий город: брак с византийской царевной Анной (Татищев 1773, с. 70), нежелание Владимира быть просителем, склоняющимся перед греками – об этом говорит М.М. Щербатов (Щербатов 1770, с. 258–259)», и М.В. Ломоносов, подчеркивает, что Владимир, «помня свое и предков в военном мужестве преимущество перед греками, желание свое намерился прикрыть важным предприятием: дабы Греческие цари и Греки не стали величаться ради Российской уклонности в прошении крещения» (Ломоносов 1766, с. 115). Основной же причиной херсонского похода было намерение Владимира обратиться в христианство без ущерба славе предков, для чего требовалось вступить в город победителем, – в этом историки соглашались с летописью. Херасков привносит в поэму отголоски мотива священной войны: жители Херсона искупают свои грехи страданием, а Владимир выступает в роли карающей десницы, тем более что им движет праведный гнев и желание освободить соотечественников, плененных алчными и вероломными греками:

Они искав путей ко светлым небесам,
Корыстями в водах алкают Меотиских,
И грабят как врагов, суда пловцов Российских,
Нарушив договор, Россиян в плен берут,
В Херсоне многие во узах Россы мрут.

(Владимир 1797, с. 180)

²⁹⁰ См. также в других источниках (Татищев 1773, с. 49; Щербатов 1770, с. 231; Ломоносов 1766, с. 100).

Нарушение греками договора, сиречь предательство, не находит подтверждения в источниках. Херасков драматизирует, придавая походу черты освободительной войны, к которой готовится все государство (Владимир 1797, с. 185), хотя полагается в этом на свидетельства историков: «собрав великое войско из подчиненных под властью его народов, пошел прямо на град Херсон» (Щербатов 1770, с. 258). Следуя эпической традиции, Херасков в красках описывает бои и осаду, даже называет вымышленных полководцев (не упомянуты в источниках):

Там виден Суздальский начальник Святослав;
Отважный Всеволод, заднепрский Князь Мстислав.
(Владимир 1797, с. 185)

Во «Владимире», как ранее в «Россияде», создается собирательный образ врага – не только истинного, коим в поэме являются неверие и мрак в душе, но и вполне конкретного: автор сводит в Херсоне противников Руси разных лет под предводительством градоначальника Ферида, за счет чего достигается эпический размах конфликта. Скифы, персы, ливийцы, даки, касоги, «воители от хладного Кавказа», болгары, сарматы, которых почему-то возглавляет литовский князь Руптай, – одновременно противостоят русскому войску:

Феридом призваны рассеяны Сарматы...

... Главою был у них Руптай, Литовский Князь;
В нем сердце яростью к Россиянам зияло,
Он много обещал, но он . . . исполнил мало!
(Владимир 1797, с. 284)

...Как птиц стада Ферид собирает Орды многи,
Киргисы, Угры там, Болгары и Касоги;
Касоги, но у Них уже Редеди нет;
Потомства древо здесь Редедина цветет.
(Владимир 1797, с. 285)

В данном случае имеет место напластование анахронизмов. Никоновская летопись (РЛНС 1767, с. 129–130) и «Повесть временных лет» относят войну с касогами к XI веку: под 1022 (6530) годом дана запись о поединке князя Мстислава с Редедей в

Тматорокани»: «В си же времена Мьстиславу сущю Тматорокани поиде на касоги. Слышав же се князь касожьский Редедя изиде противу тому...» (ПВЛ 1996, с. 64); ранее, в 965 году, касогов разбил Святослав (ПВЛ 1996, с. 31)²⁹¹. Даков (располагались севернее Дуная) в начале II века н. э. подчинили римляне; скифские племена в VIII в. до н.э. – IV в. н.э.²⁹² населяли территории от Дуная до Дона, с ними в I тыс. до н. э.²⁹³ соседствовали сарматы. Великой Скуфью греческие историки называли и славян, об этом упоминает Нестор: «Бе множество их седяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от грек Великая Скуфь» (ПВЛ 1996, с. 10). По М.М. Щербатову, Сарматией и Скифией в древности называли земли, впоследствии заселенные славянами: «Сия пространная страна имела разные наименования, яко Скифия, Сорматия, Роксоляния, Славенороссия, Россия, и наконец чужестранными народами Московия» (Щербатов 1770, с. 2). В.Н. Татищев, напротив, видит в этом заблуждение польских историков (Татищев 1769, с. 294–299). В любом случае участие даков, скифов и сарматов в обороне Херсона невозможно. Нападение угров на славян «Повесть временных лет» и более поздние труды по истории относят к 898 (6406) году – периоду правления князя Олега: «Идоша угри мимо Киев горою, еже ся зовет ныне Угорьское, и пришедше к Днепру стаща вежами; беша бо ходяще аки се половци. Пришежде от востока и устремишася черес горы великия яже прозвашася горы Угорьския, и почаша воевати на живущая ту волохи и словене. Седяху бо ту преже словени, и волохове прияша землю словеньску. Посем же угри прогнаша вольхи, и наследиша землю ту, и седоша с словены, покоривше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угри на греки, и поплениша землю Фрачьску и Македоньску доже до Селуня» (ПВЛ 1996, с. 15). О войне с волжскими булгарами говорит В.Н. Татищев: «...болгары хотя некогда с русскими воевали, однако же видно, что не много о том прилежали, и не искали чужого приобрести, но свое паче защищать старались» (Татищев 1769, с. 350); сталкивались русичи и с дунайскими булгарами: «Несмотря на единокровство с русскими, многие сим обиды наносили, и к войне принуждали, через что весь их предел по сю или северную сторону Дуная Русские великие князи обладали, и венгерцам русские помогая, дали способ великую часть верхней Мисии обладать» (Татищев 1769, с. 460). Булгары в теории могли поддержать греков в 988 году, хотя в источниках таких сведений нет, тем более не найти

²⁹¹ См. также в других источниках (Татищев 1773, с. 45; Щербатов 1770, с. 226; Ломоносов 1766, с. 81).

²⁹² Об этом см., например: Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. – М.: Наука, 1979. – 248 с.; Яценко И.Я. Скифия // Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. – М.: Прогресс, 1990. – С. 225–226.

²⁹³ Иловайский Д.И. Начало Руси. – М.: Астрель; АСТ, 2006. – 628 с.

свидетельств о войнах славян с ливийцами и персами. Столкновения с литовцами, кавказцами (кроме ясов, подчиненных Святославом) и киргизами относятся к более поздним периодам. Вражеские предводители во «Владимире» – Срацин, Друзул, Руптай, Сагдон, Оркан – сплошь вымышленные персонажи.

Не обходятся XVI–XVII песни без рыцарских мотивов, обеспечивающих необходимую долю героического пафоса: русские ратники прямо названы рыцарями («Героя Рыцари как звезды окружают... Сомкнулись рыцари в особый тесный круг (Владимир 1797, с. 186–187)) и совершают соответствующие подвиги – Владимир сражается с сарматами и ливийцами, пронзает копьем Руптая; Мстислав кладет конец буйству Сагдона; Добрыня бьется с могучим греком; Рогдай, убив Чекмара, обращает в бегство персов; более всех отличается Всеволод, пробивший крепостную стену ударом копья (к слову, волшебного) и одолевший Срацина, в котором олицетворен магометанский мир. В этой связи Херасков упоминает присоединение Крыма как актуальную победу в многовековом религиозном и политическом противостоянии; подвиг Всеволода символичен:

Глаза подъемля, смерть Срацину предвещала;
От стрел его падет пронзенный в грудь Рунтей,
Оставил он жену и юных трех детей;
Потомки их сего свирепства не забудут;
И в наши дни отмщать Срацинам в Тавре будут;
Прославятся они в позднейши времена.
Дозволь мне, Муза, скрыть их славны имена!
(Владимир 1797, с. 289)

Сломить сопротивление Херсона помогает лишение горожан пресной воды по совету некоего грека – этот эпизод, как и сам персонаж, взяты из источников: «И се муж корсунянин именем Настас, напсав сице на стреле: «Кладязи, яже суть за тобою от востока, ис того вода идеть по трубе, копав переими». Володимер же, се слышав, возрев на небо, рече: «Аще се ся сбудеть, и сам ся крещю». И ту абье повеле копати преки трубам, и преша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашася» (ПВЛ 1996, с. 50)²⁹⁴. Только у А.И. Манкиева находим уточнение, что Анастасий был протопопом (Ядро российской истории 1770, с. 55–56). В дополнение к фактам Херасков по своему разумению поясняет причины, побудившие старца помогать врагам – таково веление Бога.

²⁹⁴ Схожие свидетельства содержат другие источники (Татищев 1773, с. 70–71; Щербатов 1770, с. 259–260; Ломоносов 1766, с. 116).

Автор опускает имя грека и подробности о стреле с подсказкой, поэту важно было донести мысль о необходимости очищения погрязших во грехе горожан устами еще одного канонического персонажа-проповедника:

Но вдруг столетний муж очам его предстал;
 Как лен главу его седина умащает,
 О сын Владимиров! постой, постой, вещает:
 Ко человечеству имей в душе любовь,
 Не лей напрасно ты, не лей и вражью кровь.
 (Владимир 1797, с. 291)

В первом издании поэмы совет перекрыть воду исходит от Добрыни, попавшего в плен, но отпущенного. Добрыне идею подсказал почтенный муж, чье имя также не называется:

Мне в граде некий муж, почтенный, справедливый,
 Мне тако говорил сей муж миролюбивый:
 Непобедим наш град; однако средство есть
 В изнеможение обильный град привести;
 Вам стоит скрытыя трубы в земле лежащи,
 Водю сладкою приморский град поящи,
 Вам стоит водные протоки разорить,
 И город воинства не тратя покорить.
 (Владимир 1785, с. 222)

Яркие детали батальей, мора от жажды и болезней, отчаянные поступки херсонцев (женщины уносят тела с поля боя или умирают от горя над трупами родных, родители отдают грабителям детей в надежде спасти их от голодной смерти, мать поит детей своей кровью...) домысливаются автором, располагающим очень скудным фактическим материалом. В источниках зафиксированы угроза Владимира продержат осаду три года, если потребуются; вылазка херсонцев; насыпь вдоль городской стены и подкоп, чтобы уносить зеплю в город (ПВЛ 1996, с. 49–50). В.Н. Татищев и М.М. Щербатов добавляют, что «жители, имея сильный гарнизон и сами желая обороняться, притом же имея надежду к получению всегдашней помощи, через открытое море и их свободную еще пристань, ни

малой склонности к сдаче не оказывали» (Щербатов 1770, с. 259–260)²⁹⁵. Опираясь на имеющиеся сведения, поэт воссоздавал полную картину событий.

Сквозь поэму «Владимир» проходит монархическая тема, что характерно для Хераскова и уже становилось лейтмотивом в «Россияде»: посвящение правящему монарху – в первом издании (1785) Екатерине II, в третьем (1797) – Павлу I, – подкреплено подчеркнутой идеей укорененности в русской истории и преемственности единодержавной власти. Киевский князь в представлении автора именно монарх, царь:

Шумящая молва Монарха восхищает...

(Владимир 1797, с. 5)

О старче! я есмь Царь, но есмь и человек...

(Владимир 1797, с. 8)

В древнерусской традиции царем было принято называть императора Византии, однако в редких случаях титул прилагался к правителям Киевской Руси – Борису и Глебу, Ярославу Мудрому, Мстиславу Владимировичу, Изяславу Мстиславичу и Роману Ростиславичу. Известно девять случаев величания князей царским титулом в летописях, как полагают исследователи – В. Водов, А.А. Горский, Е.В. Климов, Я.Н. Щапов, – это подчеркивало высокий статус главы государства, объединявшего несколько княжеств²⁹⁶. Фактически именование Владимира царем в поэме – анахронизм, но вплоть до XVIII века в русской историографии бытовал обычай отождествлять древнерусских правителей с царями. В «Киевском синопсисе», например, содержится оговорка о родословии Владимира и его праве применять к себе высший титул: «Лета от создания Мира 6486, а от Рождества Христова 978, Великий Князь Владимир Светославич, идущ от корене Августа Кесаря Римскаго, владевшего всею Вселенною, внук Игорев, правнук Рюриков, по смерти братии своея Ольга и Ярополка, объемши их Княжения и всю Россию полунощную, восточную, полуденную, Белую и Черную к своей власти приведши, нача

²⁹⁵ См. также у В.Н. Татищева (Татищев 1773, с. 70–71).

²⁹⁶ См.: Водов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. – Т. II. – Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 506–542; Горский А.А. Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. Мировосприятие и самосознание русского общества. – Вып. 2 (отв. ред. А.А. Горский). – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 17–37; Климов Е.В. Титулатура правителя в Древней Руси // Вопросы истории. 2013. – № 8. – С. 153–157; Щапов Я.Н. Достоинство и титул царя на Руси до XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании. Мировосприятие и самосознание русского общества. – Вып. 2 (отв. ред. А.А. Горский). – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 7–16.

писатися **Царем** и Великим Князем и Самодержцем Российским» (КС 1836, с. 45–46). У М.В. Ломоносова находим схожее замечание: «Наконец от Греческих Царей избранный Философ Константин, предстал Великому сему Самодержцу» (Ломоносов 1766, с. 109).

Владимир в поэме Хераскова становится адресатом проповедей не только как самостоятельное историческое лицо, но также как посредник, через которого назидания обращены к правителям вообще – в первую очередь к российским монархам, – на которых данная свыше власть налагает соответствующие обязательства:

Сей Бог, который все создания любя,
Вселенну сотворил, народы и тебя;
Глаголет он Царям: Цари! венцы носите,
Но лика моего в венцах не посрамите.
Благою жизнью, любовью ко Мне,
Почтенье всяк из вас стяжай в своей стране.

(Владимир 1797, с. 6–7)

События XVI–XVII песней преимущественно вымышлены, предыстория похода более достоверна и чаще опирается на фактический материал, если не принимать во внимание аллегорические эпизоды. В некоторых случаях поэт довольно точно пререлагал свидетельства историков, таковы рассказ о гибели варягов (ПВЛ 1996, с. 38–39), выбор вер (ПВЛ 1996, с. 39–40)²⁹⁷, проповедь философа в Киеве (ПВЛ 1996, с. 40–48)²⁹⁸. Напротив, к анахронизмам относятся подвиги сыновей Владимира. Князь, согласно источникам (записи под 980 годом²⁹⁹), имел 12 сыновей³⁰⁰: Изяслав (у В.Н. Татищева –

²⁹⁷ См. также в других источниках (Татищев 1773, с. 64–65; Щербатов 1770, с. 255; Ломоносов 1766, с. 109–113).

²⁹⁸ См. также в других источниках (Татищев 1773, с. 65–67; Щербатов 1770, с. 253–254; Ломоносов 1766, с. 107–108).

²⁹⁹ Екатерина II в «Записках касательно Российской истории» женитьбу Владимира на Рогнеде относит к 975 году, а рождение старших сыновей от нее, Ярослава, затем Всеволода – к 978 (*Екатерина II*. Указ. соч. – С. 11). Те же сведения находим у Татищева (Татищев 1773, с. 55).

³⁰⁰ Екатерина II называет десятерых сыновей в Родословнике князей великих и удельных, входящем в «Записки касательно Российской истории»: «Князь великий Владимир имел от разных жен десять сынов. Первая жена отъ Варяг; от нея Князь Вышеслав, скончался в 1010 году. Вторично женился в 975 году, взял Княжну Рогнеду, дочь Полоцкого Князя Рохвольда. Рогнеда скончалась в 1000 году. От нея Князь Изяслав; Князь Ярослав, во святом крещении Георгий, родился в 978 году; Князь Всеволод; Княжна Предслава, супруга Короля Богемскаго; Княжна Премислава, супруга Короля венгерскаго, обе выданы в 1018 году. Третья жена была Малфреда, Княжна Богемская, скончалась в 1000 году, от нея Князь Вячеслав. Четвертая, Чехина Адиль, от нея Князь Святослав, скончался в 1015 году; Князь Мстислав; у князя Мстислава было два сына: Иоанн или Ян родился в 1002 году. Евстафий, скончался въ 1033 году. Князь Мстислав скончался в 1034 году; Князь Станислав. Пятая, Болгарина Милолика, от нея Князь Борис и Князь Глеб, во

Вышеслав (Татищев 1773, с. 62)), Мстислав (по Щербатову, Мстислав – сын чехини (Щербатов 1770, с. 246), Ярослав и Всеволод – от Рогнеды; Святополк – от вдовы убитого Ярополка, Вячеслав (у Щербатова Вышеслав (Щербатов 1770, с. 246)) – от чехини, Святослав, Станислав, Подвиз, Судислав родились от других жен и наложниц, Борис и Глеб – от Анны (ПВЛ 1996, с. 37)³⁰¹. Первой женой Владимира против воли стала Рогнеда (ПВЛ 1996, с. 36), затем грекия, вдова Ярополка, следовательно, старшим сыновьям Владимира (в поэме названы Всеволод, Святослав, Позвезд и Изяслав) было не более 8 лет на момент херсонского похода, равняться со взрослыми воинами, как это заявлено в поэме, они не могли:

Позвезд и Изяслав; но в их молодые годы,
В очах у них сиял геройский дух природы;
Владимировы то почтенные сыны,
И мужеством ему и мудростью равны.
(Владимир 1797, с. 185)

Вымыслом представляется эпизод столкновения русской армии с печенегами на реке Ворскле по пути в Херсон, тем более что автор утрирует отрицательные черты кочевников:

Сим страшным званием народ сей нарекли,
Что в снедь они тела живых людей пекли.
(Владимир 1797, с. 241)

Аналогичную этимологию находим у М.М. Щербатова со ссылкой на «Российский синопсис»: «Печенеги, заимствующие свое имя от великого их мучительства, яко то свидетельствует Российский синопсис...» (Щербатов 1770, с.104). Иную, предположительно, более достоверную³⁰², версию предлагает В.Н. Татищев: «Печенеги были народ Сарматский, потому что умели с ними говорить, и один народ с Половцами.

крещении Роман и Давид, оба скончались в 1015 году (*Екатерина II* . Указ. соч. – С. 10-11). Схожие сведения, но без подробностей, содержит «Киевский синопсис» (КС 1836, с. 52).

³⁰¹ См. также в других источниках (Татищев 1773, с. 62; Щербатов 1770, с. 246; Ломоносов 1766, с. 106).

³⁰² Печенеги в европейских и греческих источниках получили название «пацинаки» или «пачинакиты», в арабских — «беджнук» и «баджана». По мнению С.А. Плетнёвой, название «печенег» могло произойти от тюркского имени Бече — гипотетического предводителя печенежского племенного союза (*Плетнёва С.А. Печенеги // Исчезнувшие народы: Сборник статей (по материалам журнала «Природа») / Сост. канд. филос. наук С.С. Неретина; Под ред. д-ра ист. наук П.И. Пучкова. – М.: Наука, 1988. – С. 35–46).*

Греки их именovali Падинаки и Певкины» (Татищев 1769, с. 393). Ворскла ассоциируется со временем татаро-монгольских завоеваний, точнее, с битвой 1399 года, к тому же печенеги названы ордой:

Так вняв свирепому Раздору Печенеги,
Толпами двинулись, пустились в набеги,
И бурей страшною к Полтаве потекли,
Россиян брали в плен, рубили, гнали, жгли;
С мечем и с пламенем ворваться в Киев чают:
У Ворсклы наконец Владимира встречают.
(Владимир 1797, с. 241)

... Дабы не вдруг с Ордой ко битве устремиться,
И клином в сердце их столпления вломиться.
(Владимир 1797, с. 242)

Впечатление вымысла в духе героических поэм дополняет вызов Саганом (титул печенежского вождя подменяет в поэме имя – Куря³⁰³ (ПВЛ 1996, с. 35)³⁰⁴) Владимира на поединок:

Их гордый Князь Саган с ним ратовать выходит.
(Владимир 1797, с. 242)

Встроенные в поэму как одно из препятствий на пути Владимира к Херсону, где князю предстоит креститься, сцены с участием печенегов полностью основаны на историческом материале. В «Повести временных лет» о столкновении с печенегами, закончившемся поединком безымянного юноши с могучим «печенежином», рассказывается под 6500 (992) годом (ПВЛ 1996, с. 54–55; РЛНС 1767, с. 106–107), т.е. уже после крещения Владимира, и происходит это на реке Трубеж под Переяславлем: «Иде Володимир на Хорваты. Пришедшу бо ему с войны хорватския, и се печенежи придоша по оной стороне от Сулы; Володимер же поиде противу им, и сrete я на Трубежи

³⁰³ В «Повести временных лет» встречается князь Каган, но речь идет о хазарском правителе, побежденном Святославом: «В лето 6473 (965). Иде Святослав на козари; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и соступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежю взя» (ПВЛ 1996, с. 31).

³⁰⁴ См. также в других источниках (РЛНС 1767, с. 60; Татищев 1773, с. 54; Щербатов 1770, с. 237; Ломоносов 1766, с. 92). В «Россияде» аналогично сан казанского первосвященника – сеит – заменяет имя героя.

на броне, где ныне Переяславль. И ста Володимер на сей стороне, а печенези на оной, и не смыху си на ону страну, ни они на сю страну. И приеха князь печенежский к реке, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой муж, а я свой, да ся борета. Да аще твой муж ударит моим, да не воюем за три лета; аще ли наш муж ударит, да воюем за три лета». И разидостася разню» (ПВЛ 1996, с. 54). Однако в русском стане не находится достойного богатыря, что очень печалит Владимира. Тогда пришел к нему некий «стар муж», сообщивший, что имеет сильного сына. Владимир испытал хрупкого на вид юношу, повелев одолеть разъяренного вола, а затем борец в поединке голыми руками убил печенежского богатыря. Воодушевленный победой, Владимир с войском напал на печенегов и сразил их предводителя (ПВЛ 1996, с. 54–55; РЛНС 1767, с. 106–107). Херасков воспользовался летописным рассказом, поменяв место и время действия и поставив на место юноши-переяславца своего героя Всеволода, что в принципе может интерпретироваться как художественно оправданный анахронизм, намеренно допущенный автором. Что касается участия в битве Всеволода и места события (река Ворскла под Полтавой), этот анахронизм очевиден, но к мысли изменить его время (не после, а до крещения Владимира) поэт мог прийти под влиянием исторических источников. В «Киевском синопсисе» и «Ядре российской истории» рассказ о сражении (поединке) на реке Трубеж помещен непосредственно перед началом повествования о прибытии в Киев послов и выборе веры Владимиром (КС 1836, с. 56–58; Ядро российской истории 1770, с. 51–53). В поэме Хераскова хронология все равно иная (битва происходит до крещения Владимира, но после прения о верах), однако победа Всеволода в поединке представлена как одержанная с помощью Божией, как предзнаменование принятия князем истинной веры, а вместе с ней и постоянного Божественного покровительство. Тот же смысл победе юноши-переяславца придается в названных книгах, почему, видимо, данный эпизод в них и помещается перед рассказом о крещении Руси (в «Киевском синопсисе» этот поединок прямо сравнивается с единоборством Давида и Голиафа (КС 1836, с. 58)).

Подробности о поисках Владимиром достойного единоборца, испытании его физической силы с помощью разъяренного вола и ходе самого поединка, с небольшими различиями представленные во всех источниках³⁰⁵, в поэме воспроизводятся практически без упущений, причем не раз возникают и текстуальные соответствия (так, например, не бык, а именно «вол», как у Хераскова (Владимир 1797, с. 251–252), упоминается в «Русской летописи по Никонову списку» (РЛНС 1767, с. 107) и в том же «Киевском

³⁰⁵ Помимо названных, см. также в других источниках (*Татищев* 1773, с. 79–81; *Щербатов* 1770, с. 277–278; *Ломоносов* 1766, с. 123–124).

синописе» (КС 1836, с. 56)). При этом в источниках есть разночтения относительно юноши: В «Повести временных лет» поясняется, отчего происходит название города Переяславль: «Володимер же рад быв, заложи город на брое том, и нарече и Переяславль, зане перея славу отрок от» (ПВЛ 1996, с. 55)³⁰⁶. Однако в «Радзивилловской летописи» иная версия: «...заложен град на брое том, и нарече имя ему Переяславль, зане Переяслав отроку тому имя»³⁰⁷. В «Ядре российской истории» названо другое имя: «...старый человек Переяславлянин, Переяславля Залескаго житель, донося ему, что у него есть сын, именем Ян, который с Печенегом бороться может» Ядро российской истории 1770, с. 51–52). Хераскова эти моменты не интересовали, поскольку место юноши, как бы его ни звали, занимает Всеволод.

Связи времен в поэме способствуют спорные с исторической точки зрения детали, например, на шлеме Владимира изображен орел (Владимир 1797, с. 242) – византийский символ государственности, перешедший в русскую культуру после женитьбы Ивана III на Софье (Зое) Палеолог³⁰⁸, причем поэт упоминает об этом:

Не мог от Анны Кир в пророчестве таиться,
Что Греческий Орел в Россию преселится...
(Владимир 1797, с. 330)

Херасков во «Владимире» адаптирует историю к религиозно-философской тематике произведения, опуская некоторые отвлекающие внимание от ключевых событий подробности: место херсонского епископа Иакова, крестителя Владимира (упомянут М.В. Ломоносовым (Ломоносов 1766, с. 118)), занимает Кир (как в «Россияде» Вассиан подменяет Сильвестра), император Византии назван Онорием, хотя правили тогда Константин и Василий (ПВЛ 1996, с. 50)³⁰⁹:

В то время возвестил к Царям пришедый Кир,
Как можно с Россами устроить твердый мир;
Онорий Кировым полезным вняв словам,
К союзу с Россами явил преклонность сам.

³⁰⁶ То же см. в других источниках (КС 1836, с. 58; РЛНС 1767, с. 107).

³⁰⁷ Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года. – С. 87. То же см.: Татищев 1773, с. 81.

³⁰⁸ Изображение орла встречалось на тверских монетах и до 1497 года (об этом см.: *Силаев А.Г.* Истоки русской геральдики. – М.: Фаир–Пресс, 2003. – С. 35–38).

³⁰⁹ См. также в других источниках (Татищев 1773, с. 71; Щербатов 1770, с. 260; Ломоносов 1766, с. 116).

(Владимир 1797, с. 273)

Обретение веры и добродетели во «Владимире» вполне самодостаточная тема, оттесняющая историю на второй план. Героические эпизоды и батальные сцены, будучи данью эпической традиции, не требуют фактической точности, тем более что исторический материал, доступный автору, не покрывал художественные потребности произведения. И все же Херасков с присущей ему педантичностью в отношении источников выстраивал сюжет на исторической основе, по возможности следуя свидетельствам хроник.

2.6. Внутренняя хронология

Во «Владимире», как и в «Россияде», Херасков воздерживается от указания дат, однако в поэме достаточно более или менее четких временных ориентиров, позволяющих проследить внутреннюю хронологию произведения. Очертить границы описываемого периода и привязать ключевые события поэмы к определенному времени возможно посредством соотнесения текста «Владимира» с историческими источниками.

Действие поэмы разворачивается в первые годы правления князя Владимира до его крещения в 988 году, то есть в конце X века, о чем автор прямо говорит в начале I песни:

Клонился к вечности уже десятый век.

(Владимир 1797, с. 4)

Далее упоминаются некоторые ранние победы Владимира, снискавшие ему славу успешного полководца: усмирение сарматов, покорение народов кругом Дунайских гор, – так что уже и «древний Тавр» страшится «Владимирова взора» (Владимир 1797, с. 4–5). События, позволяющие установить первую дату в поэме, – мученическая гибель варягов-христиан от рук язычников, запись о которой в летописях относится к 983 году (ПВЛ 1996, с. 38–39; РЛНС 1767, с. 66–67). Здесь Херасков вводит неопределенный временной промежуток: согласно источникам, проповедь варяга и гибель его и сына происходят в один день, в поэме, напротив, события эти разделены появлением в Киеве Матери немощей, направленной злым духом, болезнями и страхом, охватившими город, вследствие чего и дозволяется жертвоприношение в храме Перуна (а не в доме христиан, как в источниках) по истечении какого-то времени (Владимир 1797, с. 8–9). Предположительно, в следующие сутки происходит раскаяние Владимира и перемена в

его отношении к кумирам (Владимир 1797, с. 19). Песнь II начинается со скачка в недалекое будущее: крестное знамение в небесах предвещает крещение Руси (Владимир 1797, с. 21–22), и это побуждает Зломира отправиться в Киев к Пламиду, а князя духов – собрать языческих божеств на совет. На следующий день предпринимаются действия по отвращению Владимира от мыслей о смене веры (обряд в храме Лады и знакомство с Версоной, опала Законеста):

Пусть Росский внидет Царь заутра в Ладин храм;
Владимир сколь ни горд, прельстится девою там.
(Владимир 1797, с. 30)

Еще одна пауза обозначена в IV песни: год уходит на путешествие послов Владимира в разные страны с наказом «примечать, где Бога искренней умеют величать»:

Уже двенадцать лун прешли и ущербились,
Когда Посланники в столицу возвратились;
(Владимир 1797, с. 53)

За возвращением послов следует эпизод выбора вер, при этом названные события меняются местами: миссионеры, согласно источникам, приходят в Киев в 986 году (в Никоновской летописи соответствующая запись дана под 985, а о греческом философе речь идет под годом 986 (РЛНС 1767, с. 69–83)), и лишь после этого организует посольства сам Владимир, а отчет о них получает в 987 году (ПВЛ 1996, с. 39–40, 48–49)³¹⁰. Прения о вере с представителями трех конфессий в поэме укладываются в один день (Владимир 1797, с. 55), что не соответствует источникам – магометане, латинцы, иудеи и, наконец, философ из Греции приходили друг за другом в течение, вероятно, года (возможно, меньше, но наверняка не в один день) (ПВЛ 1996, с. 40; РЛНС 1767, с. 69). Согласуется с летописью появление грека после других миссионеров, и промежуток этот насыщен событиями, преимущественно вымышленными: сон Владимира о небесном граде и интриги Пламида (ночь после диспута с послами) (Владимир 1797, с. 66, 72); праздник Перуна и драматические события в его храме (следующее утро), спасение Версоны и Законеста, соединение их узами брака, беседа с Идолом на пиру и приглашение посетить его обитель (тот же день и вечер):

³¹⁰ См. также в других источниках (РЛНС 1767, с. 68–69, 84–85; Татищев 1773, с. 65–69; Щербатов 1770, с. 253–257; Ломоносов 1766, с. 113–115).

Перуну торжество в то время наступило...

(Владимир 1797, с. 73)

Уже плачевное позорище настало:

Но солнце восходя потусклый луч метало...

(Владимир 1797, с. 74)

Меня мой с вами сон, о други! примирил.

Хощу почтить ваш брак в сей день торжествованьем...

(Владимир 1797, с. 80)

Достигнуть к нам, о Князь! скажу тебе я средство:

Возьми светильник сей, и нощи в первый час,

Идущий с ним Днепром, обрящешь в храме нас.

(Владимир 1797, с. 86)

Параллельно с перечисленными событиями князь мира прозревает грядущее – автор снова заглядывает вперед:

Гор Киевских верьхи сияют Благодатью;

Потоки истины в России разлились,

И песни в севере священны раздались.

(Владимир 1797, с. 91)

Вечер и ночь после Перунова дня вмещают ряд происшествий: Кир достигает Руси и попадает в западню Зломира, пока Владимир собирается к Идолему (Владимир 1797, с. 95), Владимир отправляется за город и сталкивается с воплощенными искушениями:

Владимир между тем, лишь дневный свет погас,

Возжег свой пламенник в полночный поздний час,

Возжег, и тайными стезями вертограда,

С единым мужеством выходит вон из града.

(Владимир 1797, с. 97)

В VII песни князь достигает обители праведников, проводит время в беседе с Идолемом, подвергается испытанию – все в течение ночи (Владимир 1797, с. 103–110),

ближе к утру Владимир вновь оказывается в темной дубраве (Владимир 1797, с. 146), забредает в пещеру Зломира, знакомится с Киром, который предрекает события следующей ночи:

Кумироттителы в грядущу ночь сию
 Устроят празднества на пагубу свою;
 Сберутся таинства под адскою печатью,
 Но я их посрамлю небесной Благодатью.
 (Владимир 1797, с. 151–152)

Пока же князь в компании Кира возвращается в Киев:

В беседе таковой они пришли во град.
 Владимир в свой терем уединен сокрылся,
 А старец от него на время устранился.
 (Владимир 1797, с. 153)

Предсказанное греческим философом мрачное таинство совершается за городом следующей ночью:

Уже отшествия назначен страшный час:
 Когда светило дня сокроется от глаз,
 С Кифаром надлежит им выступить из града.
 (Владимир 1797, с. 156)

На заре (после ночного обряда язычников) Кир крестит в водах Днепра людей, Стенар, Зарем и Кифар, ослепленные злобой, убивают близких, а грек воскрешает их именем Христа:

Где прежде мирные Варяги обитали;
 Рукою Кировой под сей горою Бог
 Сквозь воду преводил людей в святой чертог.
 В животворящий дух вода переменилась,
 И светом утренним гора приосенилась,
 Который мест святых был раннею зарей.
 (Владимир 1797, с. 167)

Владимир по возвращении от Идолема проводит день в размышлениях о вере и походе к Тавру – последнего требует персонификация России, а затем Рогдай, принесший весть о нападении греков на русские суда (Владимир 1797, с. 176). Князь тут же призывает готовиться к походу (Владимир 1797, с. 181). Сборы занимают некоторое время: Херасков не оговаривает срок, но упоминает о судьбе жен Владимира, в частности Гориславы, которая незадолго до крещения Владимира совершает неудачное покушение на него и вынуждена уйти в Полоцк (в источниках эта история упоминается под 987 (Щербатов 1770, с. 257–258; Ломоносов 1766, с. 105–106), о роспуске жен сведений нет):

В то время тысячи женам свободу дал;
Тогда несчастную простил он Гориславу,
Отдав с младенцем ей Полоцкую державу.
(Владимир 1797, с. 184)

Источники не содержат подробностей о походе Владимира, ограничиваясь лаконичной констатацией факта: в году 988 Владимир пошел на Корсунь и осадил его (ПВЛ 1996, с. 49)³¹¹. Херасков, напротив, расписывает преход русской армии: в XI песни происходит выступление из Киева (Владимир 1797, с. 188), и вечером того же дня во время отдыха Владимир встречает Стенара:

Идущее воинство чрез горы в знойный день,
Встречает наконец дубровы черну тень.
Светило дневное ко западу клонилось.
(Владимир 1797, с. 189)

Утром обнаруживается уход Рогдая, за которым направляется Всеволод, а армия идет дальше:

Едва румяное чело заря явила,
Прогнала тень с небес, долины оживила,
Возвеселилася сиянием вся тварь,
Разторгнул узы сна Российский храбрый Царь;
И войско средь шатров поколебалось вскоре.

³¹¹ См. также в других источниках (РЛНС 1767, с. 85; Татищев 1773, с. 70; Щербатов 1770, с. 258–259; Ломоносов 1766., с. 115).

(Владимир 1797, с. 204)

Странствия Всеволода занимают несколько дней: к вечеру означенного дня герой и его спутники расходятся (Владимир 1797, с. 205–206), утром Всеволод продолжает путь в одиночку, оказывается в фантастическом пространстве (Владимир 1797, с. 206), ночью встречает тень Зельяра (Владимир 1797, с. 213), ненадолго впадает в беспамятство, но утром собирается с силами (Владимир 1797, с. 219). Параллельно (то есть той же ночью, когда Всеволод лежит в беспамятстве) Владимир движется к Тавру:

Владимир будто бы Атрид грядет во славе,
Туда, с Днепром слилась где Ворскла при Полтаве;
Грядет, а сын его в беспамятстве лежит...

(Владимир 1797, с. 219)

Аллегорическое путешествие Всеволода завершается обретением здоровья и силы (испил из потока Мужества), а также волшебного копья, – и герой, вернувшись в обычное пространство, идет к отцу. Близ Ворсклы армия Владимира сталкивается с печенегами (Владимир 1797, с. 240–241), ночью князь совещается с боярами (Владимир 1797, с. 247), а утром неизвестный юноша (Всеволод, как выясняется) одолевает в поединке печенег – здесь имеет место анахронизм («Киевский синопсис» и «Ядро российской истории» свидетельствуют о данном происшествии ранее выбора вер в Киеве (КС 1836, с. 56–58; Ядро российской истории 1770, с. 51–53), у Хераскова оно совпадает с походом 988 года):

Уже заря с небес сгоняет черну тень,
И в ризу белую облекся новый день,
Добрыня к Князю вшел, и рек: сыскался воин,
Который ратовать с Ордынцами достоин.

(Владимир 1797, с. 249)

В XV песни автор снова переносит читателей в будущее, на этот раз отдаленное – период правления Екатерины II:

Он шествует в страну Таврийску многоплодну,
Херсон, где в наши дни ликует средь цветов,
На век изторгнутый из варварских оков;
Недавно там взвела ЕКАТЕРИНА взоры

На рощи масличны и на цветущи горы,
 На град сей, где закон Владимир восприял,
 Отколе Божий свет в Россию возсиял.

(Владимир 1797, с. 271)

По мере того как Владимир подходит к Херсону, Кир в Константинополе ведет с Онорием переговоры о браке царевны Анны с Владимиром – это небольшое отступление в прошлое. Наконец пути героев сходятся под Херсоном:

Владимир с воинством, наставшу утру рану
 Пришел, и тучами простерся по Лиману.

(Владимир 1797, с. 275)

Вся кампания занимает несколько дней: первый бой происходит тем же утром и продолжается до ночи (Владимир 1797, с. 280), на заре сражение возобновляется (Владимир 1797, с. 280), но гроза прерывает его:

Бросают небеса перуны раскаленны,
 Со градами шумят дожди совокупленны.
 При свете солнечном настала в Тавре ночь,
 Текут Россияне от стен и бурей прочь.

(Владимир 1797, с. 306)

Ночью хоронят павших (Владимир 1797, с. 316), противники готовятся вновь сойтись на поле брани:

Готовятся на брань Херсоняне в ночи...

(Владимир 1797, с. 310)

Однако, следуя совету Всеволода, Владимир осаждает город, и утром начинается жажда (Владимир 1797, с. 317), конец которой кладет прибытие Анны и сдача Херсона. Продолжительность осады в поэме не уточняется, это могут быть события одного дня. Херасков вновь меняет хронологию: решение о браке Анны было принято после взятия

Владимиром города и ультимативного послания императорам Василию и Константину, о чем свидетельствуют источники (ПВЛ 1996, с. 50)³¹².

Ночью после вступления князя в Херсон разворачиваются последние, для Владимира – решающие, события: искушение, внезапная слепота, покаяние, крещение и исцеление – физическое и духовное (Владимир 1797, с. 336–339). Прозревшему герою открывается грядущее, видятся потомки, последний из которых – Павел I (автор вновь протягивает связующую эпохи нить):

Владимиру судеб отверзта книга зрится,
Что солнцем он своей державы учинится;
(Владимир 1797, с. 359–360)

Поэму завершает сбывшееся пророчество:

Он солнцем подлинно явился Россам вскоре,
Простерлась благодать по Северу как Море;
Все воинство его, вельможи и сыны,
И духом и водой в Херсоне крещены³¹³ ...
Изчез в России мрак, разрушились кумиры,
Победоносну песнь зыграли райски лиры.
(Владимир 1797, с. 361)

Установление внутренней хронологии во «Владимире» показывает некоторые особенности авторской работы с фактическим материалом. В поэме в основном сохраняется историческая последовательность событий (хотя имеются исключения), однако внутреннее время расходится со временем историческим. Херасков сжимает повествование, убирая паузы, так что события, освещенные в произведении, укладываются в значительно более короткий отрезок времени, чем в источниках. Исходной точкой становится гибель варягов, то есть конкретный день 983 года, если опустить промежуток между проповедью и убийством героев. I и II песни рассказывают о происшествиих одних суток, в III песни описан следующий день, за которым следует перерыв – 12 лун (год). В IV–X песнях время ускоряется: многочисленные события укладываются в неполные четверо суток. За этим следует очередная лакуна –

³¹² См. также в других источниках (РЛНС 1767, с. 86; КС 1836, с. 66; Татищев 1773, с. 71; Щербатов 1770, с. 260–261; Ломоносов 1766, с. 116–117).

³¹³ Херасков неточен, своих сыновей, согласно источникам, Владимир крестил по возвращении в Киев, как отмечалось выше.

неопределенный период подготовки к походу. О выступлении из Киева (первых сутках похода) рассказывает XI песнь, следующие три дня вмещают путешествие Всеволода (XII и XIII песни) и продвижение Владимира, на четвертый день приходится столкновение с печенегами, на пятый – поединок Всеволода с Талматом. В XV песни автор дважды заглядывает в будущее (упоминает присоединение Крыма к России) и прошлое (Кир в Константинополе), рассказывает о злключениях Рогдая. Владимир достигает берегов Лимана утром (условно шестого дня с начала похода, но однозначных ориентиров автор не дает), три дня спустя занимает город, и ночью Кир совершает таинство крещения. Поэму завершает краткий обзор будущих эпох до конца XVIII века. Таким образом, события, составляющие сюжет «Владимира», происходят в течение относительно короткого периода (даже с учетом нескольких пауз), в то время как в хрониках они растягиваются на 5-6 лет. Стяжение времени позволило Хераскову избежать ненужных лакунов, нарушающих причинно-следственную связь духовных метаморфоз Владимира.

На протяжении произведения Херасков несколько раз отступает от хронологической последовательности событий, вводит в повествование пророчества и видения будущего, близкого или далекого, связывая времена и подчеркивая преемственность поколений. Во «Владимире» разные эпохи – дохристианский период, крещение Руси, будущее православной России – налагаются друг на друга, отчего время в поэме оказывается многослойным.

Во «Владимире» сочетаются черты религиозно-философской, аллегорической и героической поэм. Христианизации эпоса способствуют несколько аспектов. Прежде всего, предмет произведения – крещение князя Владимира, вследствие чего выбор веры, поиски истины, внутренняя борьба героев становятся лейтмотивами поэмы. Важной частью «Владимира» являются христианские проповеди и прения о вере, в рамках которых автор, не отклоняясь от основной сюжетной линии и избегая навязчивых назиданий, излагает постулаты христианского закона, разъясняет преимущества греческой веры, дискредитирует язычество и иные религии, указывая на их недостатки. Херасков затрагивает сложные религиозно-философские вопросы: бессмертие души, иная сторона бытия – неизъяснимо прекрасный нетленный мир и вечная тьма, посмертное воздаяние, таинство крещения, двойственная природа человека и свобода выбора, – доступно рассуждая о том, что человеку непосвященному трудно понять, так что поэма приобретает выраженный просветительский характер. Столкновение христиан и язычников позволило Хераскову показать читателю примеры праведников, чья судьба – приблизиться к Богу, познать истину, открыть для себя подлинную красоту природы, стать частью нетленного мира, войти в Царство небесное (Кир, Идодем, Версона, Законест), грешников, которым

уготованы адские муки (Плаמיד, Зломир, Зельяр, Рогдай), и людей, совершающих ошибки вследствие неведения, но имеющих возможность вовремя раскаяться, исправиться и спастись (Владимир, Всеволод, Кифар, Стенар и т.д.). Проповеди, перемежающиеся с прениями о вере, дополняют друг друга, последовательно давая ответы на вопросы, возникающие у человека, ищущего правды и вставшего на путь духовного преображения, опровергая возможные контраргументы.

Внутренняя борьба героев, всевозможные пороки, искушения и соблазны, а также то, что помогает человеку не оступиться – разум и совесть, – иллюстрируются в поэме красочными аллегориями, составляющими фантастический фон произведения. Увлекательные приключения Владимира, Всеволода и Рогдая совмещают во «Владимире» дидактическую и эстетическую функции: придают поэме сказочный и авантюрный оттенки, одновременно выполняя основную задачу – предостерегают от ошибок, учат отличать доброе от дурного. Многие аллегории в поэме несут отпечаток масонских воззрений автора. Например, «полоса препятствий» на пути к храму истины, где человеку дано обрести тайное знание, заглянуть в книгу пророчеств, ведущие к храму ступени, мудрые наставники, сопровождающие героев – отголоски масонских ритуалов посвящения неофитов, которые переключаются из «Россияды» во «Владимира» и становятся еще более заметными во второй поэме Хераскова.

Во «Владимире» Херасков продолжает некоторые традиции «Россияды»: нагнетает обстановку, сгущая краски (кровавые обряды язычников), создает собирательный образ врага (войка Ферида), описывает решающую баталию (битва за Херсон), а также использует прием контрастных противопоставлений (в «Россияде» – христиане и магометане, во «Владимире» – христиане и язычники, но суть противостояния та же – носители истинной веры и веры ложной). Во «Владимире» больше аллегорий и чудес, что связано с тематикой произведения, и они более гармонично вплетены в сюжет. Героический пафос в традициях новоевропейских поэм во «Владимире» снижен по сравнению с «Россиядой», однако и здесь есть стражения и поединки в рыцарском духе, например единоборство Всеволода и Талмата. Объединяет поэмы Хераскова фигура правителя, мудреющего на протяжении произведения, причем во «Владимире» этот фокус более выражен, поскольку, в отличие от «Россияды», где важен собирательный образ русского войска, автор концентрирует внимание на личности Владимира, его духовном «возрождении». Окружение Владимира отведено на второй план, за исключением отдельных персонажей, чья история важна для раскрытия идеи поэмы.

Обращаясь к историческому сюжету, Херасков со свойственной ему педантичностью работал с доступными письменными историческими источниками,

свидетельства которых легли в основу поэмы «Владимир». Историческая достоверность не была целью автора, он вольно интерпретировал исторические события, нарушая хронологию, меняя детали, внося многочисленные дополнения, встраивая в повествование полностью вымышленные эпизоды, вводя персонажи, не имеющие прототипов. Тем не менее, история остается основой произведения, и в ряде случаев Херасков более или менее точно воспроизводит фрагменты летописей. Влияние исторических источников заметно не только в последних песнях поэмы, рассказывающих о походе на Херсон. На страницы произведения автор перенес многие упомянутые историками события, которые тесно связаны с религиозно-философской составляющей поэмы, например легенду об апостоле Андрее, рассказ о варягах-мучениках, эпизод выбора вер, проповедь греческого философа, чудесное исцеление Владимира и т.д. Активное участие высших сил в противостоянии христиан и язычников в поэме перекликается с частыми апелляциями к Богу и порицанием язычества, исходящего от дьявола, характерными для летописей (ПВЛ 1996, с. 39). Краткие свидетельства о херсонской кампании стали скелетом, на котором зиждется полноценное батальное полотно, сотканное из ярких деталей, героических и драматических эпизодов, вымышленных автором. Участниками событий, не имеющих отношения к истории, становятся как реальные лица, прежде всего Владимир, так и вымышленные персонажи поэмы, положительные и отрицательные – Зломир, Рогдай, Пламид, Ферид – с одной стороны, Идолом, Версона и Законест, Эльфида и Арцес, а также многочисленные жертвы войны – с другой. Противоречия историческим источникам в поэме связаны с необходимостью сосредоточить внимание на религиозно-философских аспектах произведения, избежать растягивания событий во времени, выстроить композицию так, чтобы отчетливо вырисовывались этапы «возрождения» Владимира и факторы, оказавшие влияние на киевского князя.

В поэме имеет место смешение времен: настоящее и будущее перетекают друг в друга, благодаря чему подчеркнуто, что будущее величие России – следствие крещения Руси. Решение Владимира определяет судьбу страны, вырывает народ из мрака невежества и порока, открывает для каждого путь к спасению, что особенно важно для Хераскова, верившего в то, что человека можно подтолкнуть к добру (Богу), развеяв заблуждения и указав верную дорогу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРЕДАНИЕ КАК ОСНОВА СТИХОТВОРНОЙ ПОВЕСТИ «ЦАРЬ, ИЛИ СПАСЕННЫЙ НОВГОРОД»*

«Царь, или Спасенный Новгород» – одно из поздних произведений М.М. Хераскова, в котором поэт отходил от жестких канонов классической эпопеи, но историческая тематика, дающая возможность проводить параллели между прошлым и настоящим, не теряла для него привлекательности. Стихотворная повесть в семи песнях, изданная в 1800 году³¹⁴, близка к эпопее по структуре и содержанию, однако Херасков отказался от alexandrinского стиха. Повесть написана четырехстопным ямбом с перекрестными рифмами, при этом в песни II вовсе нет рифм, хотя сохраняется размер. В примечании поэт комментирует свой эксперимент: «Для тех, которые любят стихи (так названные) без рифм, сочинил я вторую Песнь по их вкусу – лучше ли писать такого рода стихи, чем с рифмами, спорить не стану – не любя никаких споров. Признаюсь, что мне легче было других Песней написать вторую Песнь; но многие для того только предпочитают истуканное художество живописному, что удобнее написать картину, чем сделать статую; – преодоленная трудность больше уважения приобретает. Мне кажется, стихи с рифмами, по их затруднению, предпочтительнее стихов без рифм. – Притом мы привыкли к рифмам, а сладость стихотворная и в тех и в других равно изливаться может» (Царь 1800, с. 66).

Стихотворная повесть М.М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» мало известна и почти не изучена, что отчасти объясняется оттеснением в начале XIX века эпопеи на литературную периферию. В обзорной статье А.В. Западова поэма описана предельно лаконично: исследователь упоминает, что Херасков обыгрывает сюжет о восстании Вадима Храброго, который ранее лег в основу трагедии Я.Б. Княжнина. Однако Херасков полемизирует с Княжнинным, безоговорочно осуждает героя, «пользуясь случаем излить свою неприязнь к французской буржуазной революции»³¹⁵. Произведение привлекало внимание исследователей, рассматривающих различные интерпретации сюжета о Вадиме Новгородском: «Царю» уделено внимание в Пушкинской энциклопедии в связи с трагедией А.С. Пушкина «Вадим»³¹⁶, автор словарной статьи Т.А. Китанина

³¹⁴ Херасков М.М. Царь, или Спасенный Новгород. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1800. – 246 с.

³¹⁵ Западов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и прим. А.В. Западова. – Л.: Советский писатель, 1961. – С. 42.

³¹⁶ См.: Китанина Т.А. <Вадим> // Пушкинская энциклопедия: Произведения. – Вып. 1. А – Д. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 235–243.

также обращается к проблеме интерпретации новгородского сюжета в статье «Предание о Вадиме Новгородском в политической драме конца XVIII – начала XIX в., или Почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» и вновь вспоминает произведение Хераскова³¹⁷. Повести «Царь» касаются И.И. Замотин³¹⁸, а позже Ф.Я. Прийма³¹⁹, В.А. Кошелев³²⁰, В.В. Рукавичникова³²¹, рассматривавшие различные обработки предания о Вадиме Новгородском в русской литературе. В монографии В.А. Кошелева «Историческая мифология России в творчестве Лермонтова» (2014) одна из глав посвящена поэме Хераскова³²². Более подробно В.А. Кошелев, подготовивший стихотворную повесть «Царь, или Спасенный Новгород» к новому изданию, разбирает произведение во вступительной статье и комментариях³²³. Творение Хераскова, по мнению исследователя, зиждется на опыте Французской революции и является не столько интерпретацией предания о Вадиме Новгородском, сколько осмыслением русской государственности и самодержавия как исконной формы правления на Руси. Поэт высказывался против «вольности» и «народоправства», на практике способных привести к «ужасу безначальственного правления», примером чего служит Франция. «Царь, или Спасенный Новгород» – повесть в первую очередь политическая, а не историческая. Главные герои произведения – персонажи идеологические, их поступки и речи служат раскрытию идеи власти и безвластия. Исследователь отмечает привлекательность отрицательных персонажей и их убеждений, однако, реконструируя «историческую»

*При создании главы использовалась наша статья: *Семенова А.В.* Интерпретация сюжета о Вадиме Храбром в поэме М.М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» // *Libri Magistri*. – 2015. – Вып. 2. Русская поэзия в контексте мировой культуры. – С 10–17.

³¹⁷ См. *Китанина Т.А.* Предание о Вадиме Новгородском в политической драме конца XVIII – начала XIX в., или Почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» // «Он видит Новгород великой»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». – Великий Новгород, 31 мая – 4 июня 2004. – С. 16.

³¹⁸ *Замотин И.И.* Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе. (Вадим по представлению М.М. Хераскова) // *Филологические записки*. – Вып. 4–5. – Воронеж, 1900. – С. 49–66.

³¹⁹ *Прийма Ф.Я.* Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // *На путях к романтизму: Сб. научных трудов*. – Л., 1984. – С. 100–138.

³²⁰ *Кошелев В.А.* Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском // *Литература и история*. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 93–109.

³²¹ *Рукавичникова В.В.* История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. Дис. ... канд филол. наук. – Великий Новгород, 2001. – 191 с.

³²² *Кошелев В.А.* Историческая мифология России в творчестве Лермонтова // *М.Ю. Лермонтов: Историческая мифология. Исследования и материалы*. – Великий Новгород; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. – С. 74–89. – («Лермонтов и Херасков»).

³²³ *Кошелев В.А.* Михаил Херасков и новгородское «самодержавство» // *Херасков М.М. Царь, или Спасенный Новгород: Стихотворная повесть / Изд. подгот., коммент. В.А. Кошелев*. – Великий Новгород: Печатный двор, 2018. – С. 3–52; *Херасков М.М. Царь, или Спасенный Новгород: Стихотворная повесть / Изд. подгот., коммент. В.А. Кошелев*. – Великий Новгород: Печатный двор, 2018. – 239 с.

ситуацию, Херасков показал последствия мятежа «свободолюбцев», подобного революции во Франции. При этом историческая достоверность автора не интересовала: Новгород в его изображении – «великий и могучий» город со сформированной сословной иерархией. Новгородцы успешно дают отпор врагам, многие горожане придерживаются нравственных норм, близких христианским, – все это мало соответствует истине. В.А. Кошелев не обходит вниманием поэтические «эксперименты» Хераскова, который стремился преодолеть классицистические рамки и искал новые формы: одним из первых в русской литературе поэт ввел в произведение «оссианический» пейзаж, отказался от традиционного для эпопеи александрийского стиха (которому ранее был верен). По наблюдению В.А. Кошелева, «причудливая композиция» повести позволяла Хераскову переходить от строгого повествования о сложных исторических событиях к лирическим размышлениям о собственном бытии³²⁴.

С 1800 года произведение не переиздавалось вплоть до 2018 года, когда В.А. Кошелев подготовил ее первое переиздание (со статьей и комментариями)³²⁵.

В основе сюжета стихотворной повести «Царь, или Спасенный Новгород» лежит историческое предание о Вадиме Храбром – новгородском мятежнике, отстаивавшем исконное народовластие и не признавшем Рюрика правителем города. Описываемые автором события относятся к числу загадок российской истории, поскольку сохранилось мало свидетельств о возмущении в Новгороде, его причинах и участниках. Это дало возможность свободно интерпретировать историю Вадима, домысливая подробности и варьируя сюжет в соответствии с замыслом автора. Среди поэм Хераскова на темы российской истории «Царь, или Спасенный Новгород» имеет наименьшую собственно историческую основу.

Мода на новгородскую тему введена была в русскую литературу Екатериной II, написавшей «Историческое представление из жизни Рюрика» (1786) в подражание Шекспиру³²⁶. Интерес императрицы к летописным преданиям о первых русских правителях во многом объясняется стремлением обосновать укоренение монархии на Руси

³²⁴ Кошелев В.А. Историческая мифология России в творчестве Лермонтова. – С. 86–87.

³²⁵ Херасков М.М. Царь, или Спасенный Новгород: Стихотворная повесть / Изд. подгот., коммент. В.А. Кошелев. – Великий Новгород: Печатный двор, 2018. – 239 с.

³²⁶ <Екатерина II.> Подражание Шакеспиру, историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил из жизни Рюрика. – СПб., 1786. В 1792 и 1793 гг. пьеса переиздавалась с предшествующими тексту примечаниями историка И.Н. Болтина, см.: <Екатерина II.> Подражание Шакеспиру. Историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил, из жизни Рюрика / С примечаниями генерал-майора И. Болтина. – 3-е изд. – СПб.: Тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1793. – LXIX+88 с.

как наиболее приемлемого пути развития государства³²⁷. «Историческое представление из жизни Рюрика» создавалось в период работы Екатерины II над «Записками касательно российской истории», императрица знакомилась с древнерусскими историческими и литературными памятниками³²⁸. В Предуведомлении Херасков ссылается на трагедию А.П. Сумарокова «Синав и Трувор», в которой также затронута тема гражданской войны в Новгороде: «...когда Великий Новгород при Боярине Гостомысле возмущился; о чем и Г. Сумароков в своей трагедии, Синав и Трувор, говорит ...» (Царь 1800, с. IV–V). В 1789 году Я.Б. Княжнин создал трагедию «Вадим Новгородский», позже сюжет о Вадиме лег в основу произведений П.А. Плавильщикова («Рюрик», трагедия в пяти действиях, пост. 1794 [1791?], опублик. 1816³²⁹), А.С. Пушкина («Вадим», отрывок из незаконченной поэмы, 1821–1822³³⁰; «Вадим», начало незаконченной трагедии, 1822³³¹), В.А. Жуковского («Вадим Новгородский», сентиментальная повесть, 1803³³²), К.Ф. Рылеева («Вадим», наброски думы, впервые напечатано в 1871 г. по рукописи Ф. Булгарина³³³), А.С. Хомякова (отрывок неоконченной поэмы «Вадим», начало 1820-х годов), М.Ю. Лермонтова (повесть «Последний сын вольности», 1832). В.А. Кошелев отмечает, что «предание о Вадиме Новгородском (Вадиме Храбром) было одним из самых притягательных для русской словесности конца XVIII – первой четверти XIX вв., «просветительской» и «декабристской» эпох русской культуры. Уже в те поры

³²⁷ Об этом говорит А.А. Улюра: «Ряд сочинений Екатерины II — преимущественно драматургия 1780-х гг. — подчинены задаче обоснования идеи исконности на Руси монархической власти. Идеологическая тенденция эта очевидна, прежде всего, в весьма объемных и тенденциозных «Записках касательно российской истории», условно хроникальном жанре «исторических представлений» («Начальное управление Олега», «Из жизни Рюрика») <...>. Обе пьесы Екатерины II составляют идейное и драматургическое единство, своеобразный цикл, сюжет которого почерпнут из летописных источников, а задачей выступает историческое обоснование монархического пути развития страны и репрезентация образа идеального просвещенного правителя» (Улюра А.А. Исторические драмы Екатерины II "в подражание Шекспиру" // Тезисы докладов научной конференции "Россия – Британия" [электронный ресурс; режим доступа: <http://rus-shake.ru/criticism/Uliura/Catherine/>]).

³²⁸ Об источниках исторических драм Екатерины II см. Моисеева Г.Н. Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). – Т. 28. – Л.: Наука, 1974. – С. 289–295.

³²⁹ Новейшее комментированное переиздание см. в кн.: Плавильщиков П.А. Собрание драматических сочинений / Сост., вступ. статья, коммент. А.Ф. Некрыловой. – СПб.: Гиперион, 2002. – С. 99–158 (текст), 569–572 (коммент.).

³³⁰ Пушкин А.С. Вадим // Пушкин А.С. Полн. собр. сочинений: в 10 т. – Т. IV. Поэмы, сказки. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 155–162.

³³¹ Пушкин А.С. Вадим // Пушкин А.С. Полн. собр. сочинений: в 10 т. – Т. V. Евгений Онегин, драматические произведения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 489–490.

³³² Жуковский В.А. Вадим Новгородский // Жуковский В.А. Полн. собр. сочинений и писем: [В 20 т.] – Т. 8. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 346–355.

³³³ Рылеев К.Ф. Вадим // Рылеев К.Ф. Полн. собр. сочинений: [В 2 т.] – Т. 1. – М.: Сокол, 1906. – С. 117.

высказывались сомнения в подлинности рассказанных в нем событий, но они ничуть не умаляли его популярности. Ибо если бы это была на самом деле выдумка, – то ее стоило выдумать: человек «ампирной» эпохи воспринимал ее по аналогии с легендами «классического» типа. Вадим Новгородский становился в его представлении первым отечественным оппозиционером, то есть первой личностью в истории начальной российской государственности. Литератор XVIII – начала XIX столетия получал эту легенду с уже определенным и изначально двусмысленным подтекстом»³³⁴.

Новгородская тема в контексте Французской революции оказалась весьма актуальной, поскольку позволяла проводить параллели между мятежным Новгородом и революционной Францией. Как следствие, в произведениях на новгородскую тему разворачивалась своеобразная пропаганда против всякого рода мятежей либо, напротив, высказывались идеи свободы и равенства. Исследователи, в частности В.А. Кошелев и Т.А. Китанина, обратили внимание на то, что в русской литературе сложилось две противоположные традиции интерпретации сюжета о Вадиме Новгородском: в одном случае Вадим предстает носителем демократических идеалов и борцом за свободу народа, в другом – злонамеренным мятежником, стремящимся захватить власть³³⁵. В пьесе Екатерины II Вадим и Рюрик являются двоюродными братьями, внуками Гостомысла, сыновьями средней и младшей дочерей новгородского посадника. Вадим отказывается признать Рюрика законным правителем Новгорода, несмотря на завещание Гостомысла. Однако Рюрик одерживает верх, Вадим попадает в плен и в конечном итоге, проникнувшись великодушием Рюрика, клянется быть верным подданным князя. Таким образом, противостояние Вадима и Рюрика оказывается распрей родственников, претендующих на княжеский престол, а не идейным конфликтом борца за демократию и призванного со стороны монарха. В трагедии Я.Б. Княжнина, напротив, на первое место выходит идейное противоборство. Вадим и Рюрик отстаивают различные формы

³³⁴ Кошелев В.А. Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском. – С. 64.

³³⁵ «Зыбкие и противоречивые указания исторических источников обусловили принципиальные различия в идеологическом представлении Вадима Храброго: то ли это защитник новгородцев, политический борец и «узник совести» – то ли просто властолюбивый соперник «действующего» князя Рюрика? Что было стимулом его выступления: то ли простая жажда власти (сменить на княжеском столе «незаконного» Рюрика), то ли незаурядное и нетривиальное желание ввести «общенародное правление». А поскольку речь шла о Новгороде, в будущем прославленной столице «русской республики», то это «общенародное правление» представлялось как изначально «республиканское» (Кошелев В.А. Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском. – С. 65). «Основные герои поэмы Хераскова – откровенно идеологические персонажи, на разные лады рассматривающие идею власти и безвластия. При этом символ безвластия оказывается не менее привлекательным, чем символ власти» (Кошелев В.А. Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском. – С. 77).

государственного устройства, и каждый из них по-своему прав³³⁶. Читатель волен встать на сторону одного из героев в зависимости от собственных убеждений, и трудно определить, кто более привлекателен – Вадим или Рюрик. Мятёжник в изображении Княжнина весьма убедителен и заставляет усомниться в правоте Рюрика и Гостомысла – апологетов монархии. Однако допущение, что народовластие может быть альтернативой монархии, оказалось неприемлемым в период Французской революции, трагедия Княжнина была крайне отрицательно воспринята властью: по приказу Екатерины II издание «Вадима Новгородского» было сожжено³³⁷, постановка отменена, трагедия длительное время находилась под запретом (более 120 лет)³³⁸. В напряженной политической обстановке потребовалась новая интерпретация сюжета о Вадиме Новгородском. П.А. Плавильщиков в трагедии «Рюрик» переставил акценты, избегая подозрительных намеков на равноправие Вадима и Рюрика: первый становится завистливым злодеем, толкающим новгородцев к хаосу безначалия, второй – просвещенным монархом, несущим благо. Таким образом, стихотворная повесть Хераскова, опубликованная в 1800 году, оказалась в череде произведений с выраженным политическим подтекстом. Впоследствии полупоэтический новгородский мятёжник, выступивший против Рюрика, очень интересовал А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, работавших над произведениями о Вадиме, но не завершившими их³³⁹. Обоим поэтам точка зрения Княжнина была ближе версии Хераскова, Вадим представлялся им положительным героем с трагической судьбой. Таким образом, интерпретация предания о Вадиме Храбром непосредственно зависит от политических убеждений автора, взявшего за основу произведения сюжет о новгородском восстании.

Сюжет повести «Царь, или Спасенный Новгород» почерпнут из российской истории, однако, как и в случае с «Владимиром», необходимо учитывать, что в качестве собственно исторических материалов автор мог использовать лишь лаконичные

³³⁶ «Княжнин в своей последней философско-политической трагедии «Вадим Новгородский» заставил двух идеальных героев отстаивать две различные формы государственного устройства – древнее народовластие и новую просвещенную монархию. И хотя в финале княжнинской трагедии народ на коленях умоляет Рюрика владеть им, оба героя, проходя свой путь до конца, сохраняют право на собственное понимание народного блага» (Китанина Т.А. Предание о Вадиме Новгородском в политической драме конца XVIII – начала XIX в., или Почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим». – С. 15).

³³⁷ См. Дашкова Е.Р. Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самою / Перевод с англ. языка. – Лондон: Trubner & Co, 1859. – С. 239.

³³⁸ Более подробно о следствии в связи с публикацией трагедии Я.Б. Княжнина см. комментарии Л.И. Кулаковой в изд.: Княжнин Я.Б. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1961. – С. 729–737.

³³⁹ См.: Лермонтов М.Ю. Последний сын вольности: Повесть // Лермонтов М.Ю. Полн. собр. сочинений: В 5 т. – Т. 3. – М.; Л.: Academia, 1937. – С. 111–136; Пушкин А.С. Вадим // Пушкин А.С. Полн. собр. сочинений: В 16 т. – Т. 7. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 245.

упоминания о давних событиях в летописях и сочинениях по истории России. В Предуведомлении к поэме автор, как ранее в «Россияде» и «Владимире», ссылается на неопределенные источники, то есть произведение имеет зыбкую историческую основу: «...к сожалению моему нашел я некоторые, хотя изглаженные, но по преданиям еще памятные следы злосчастного возмущения в Российской Истории, когда Великий Новград при Боярине Гостомысле возмутился» (Царь 1800, с. IV–V). Круг возможных источников очерчивает В.А. Кошелев: Воскресенская и Иоакимовская летописи (последняя – в пересказе В.Н. Татищева)³⁴⁰, «Повесть временных лет». Некоторые сведения о возмущении новгородцев, недовольных приходом Рюрика, содержатся также в Никоновской летописи под 6372 (863/864) годом: «Того же лета оскорбишася Новгородци, глаголюще: яко быши нам рабом и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби Новгородцев, советников его»³⁴¹. В «Повести временных лет» нет предания о Вадиме Новгородском, однако В.А. Кошелев обращает внимание на то, что Херасков мог сослаться на события, упомянутые в «Повести временных лет» в связи с призванием варягов и предшествующие приходу Рюрика³⁴². Гражданская война в Новгороде, описываемая Херасковым, имела место, согласно «Повести временных лет», не из-за конфликта нового князя с Вадимом, а из-за междоусобиц и отсутствия единоначалия в Новгороде. В.Н. Татищев, ссылаясь на не дошедшую до нас Иоакимовскую летопись, приводит в «Истории Российской» рассказ о мятеже Вадима Храброго под 869 годом: «В сии времена Славяне бежали от Рюрика из Новагорода в Киев, зане убил Вадима храбраго, Князя Славенскаго, иже не хотеша яко рабы быти Варягом»³⁴³. М.В. Ломоносов в «Древней Российской истории...» М.В. Ломоносов дополняет летописные свидетельства о Вадиме, предлагая относительно полную картину событий: «Видя Руриков разум и мужество, некто знатный новгородец, именем Вадим, человек, склонный к общенародному прежнему владению, и сам желал быть, по-видимому, в том участником или еще и главным, советовал с единомышленниками своими, как бы избыть от росской власти. И уповая на свою у

³⁴⁰ Кошелев В.А. Историческая мифология России в творчестве Лермонтова. – С. 76–77.

³⁴¹ Русская летопись по Никонову списку: [В 8 ч.]. – Ч. 1 / Под ред. Августа Шлецера. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – С. 16.

³⁴² Речь идет о следующей записи: «В лето 6370 (862). Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к варягом, к руси» (Повесть временных лет / Подг. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 1996. – С. 13).

³⁴³ Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 2. – М.: Тип. М. ун-та, 1773. – С. 13.

новгородцев важность и на сообщников, говорил не закрытно, что Рурик пришел привести их россам в рабство и в роды родов утвердить самодержавство. Услышав сии возмутительные речи и узнав умышление, Рурик Вадима с главными сообщниками предал смерти. И так <...> на владении утвердился непоколебимо»³⁴⁴. Еще более развернутые свидетельства находим у М.М. Щербатова, который оговаривает, что изначально Рюрик, Синеус и Трувор не обладали всей полнотой власти: «Новгородцы, избрав себе в Государи сих трех Князей, не дали им неограниченной власти, а единственно токмо препоручили им, дабы они границы от вражеских нападений защищали; чего ради для жития им и вышеименованные города, на границах лежащие, дали и построили»³⁴⁵. Однако через два года после прихода Рюрика на Русь в Новгороде вспыхнул бунт: «Темнота истории скрывает от сведения нашего, что подало причину к сему возмущению, от беспокойного ли нраву Новгородцов оное было произведено, или Князь Рюрик хотел по обыкновенному в людях честолюбию преступить границы врученной ему самовольно власти, и утеснить любящей вольность народ. Но какая бы к тому притчины не были, однако бунтовщики ли или защитники своих прав Новгородцы, под предводительством их начальника Вадима, нареченного храброй, успеху не имели, и оной со многими Новогороцкими сановниками и с другими храбрыми людьми был по велению Рюрика убиен» (Щербатов 1770, с. 193). Схожее, но более лаконичное, свидетельство содержит «Ядро российской истории»: «По смерти обоих братьев меньших Синауса и Трувора, Рурик Великий Князь Новгородский оба княжества Белозерское и Изборское к Новгородскому присовокупил, и стал Северной России Самодержец. Против сего Князя Рюрика забунтовали было Новгородцы: но он тот бунт усмирил, убив своими руками великого и храброго мужа Вадима, а советников его казнить повелел...»³⁴⁶.

А.Н. Соколов скептически оговаривает, что ждать от поэмы какой бы то ни было историчности не приходится, несмотря на отзвуки «эпической манеры развертывания исторического материала», каковым является привидевшееся Рюрику будущее России вплоть до правления Павла I – А.Н. Соколов называет данный эпизод «неорганическим привеском»³⁴⁷. Исследователь обнаруживает в поздней поэме Хераскова следы эпической манеры – обращения к музе, традиционные термины «петь» и «лира», высокий эпический зачин, аллегорические образы Раздора, Премудрости, Добродетели, батальная живопись в

³⁴⁴ Ломоносов М.В. Древняя Российская история: В 2 ч. – Ч. 1–2. – СПб: Тип. Имп. акад. наук, 1766. – С. 114.

³⁴⁵ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен: [В 14 т.]. – Т. I. – СПб: Тип. Имп. акад. наук, 1770. – С. 192.

³⁴⁶ <Манкиев А.И.> Ядро российской истории. – М.: Тип. М. ун-та, 1770. – С. 26–27.

³⁴⁷ Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. – С. 184.

эпической духе. Однако, несмотря на некоторые черты классической эпопеи, сам Херасков называет свою историческую поэму повестью, много места отводит частной жизни персонажей, теснящей общественную тематику, во вступлении говорит о своих «преклонных летах» и в том же интимно-лирическом тоне завершает повествование. А.Н. Соколов заключает, что Херасков, создавая повесть в стихах, отказался в «Царе, или Спасенном Новгороде» от высокого стиля, присущего эпопее, но сохранил при этом серьезность и значительный объем (семь песней), что сближает произведение с эпопеей.

В.А. Кошелев также обратил внимание на то, что исторический сюжет в поэме «Царь, или Спасенный Новгород» весьма условен: «автор менее всего озабочен верностью исторических деталей: изображенный им Новгород весьма мало похож на «городок» IX века»³⁴⁸. Литературная обработка событий, слабо отраженных в летописях, требовала от автора «Царя» большего количества домыслов, чем в «Россияде» и «Владимире». Свободная интерпретация давала возможность использовать историческое предание как иллюстрацию взглядов автора на актуальную проблему, соотнося современную ему ситуацию с событиями далекого прошлого.

События поэмы разворачиваются в Новгородской земле в середине IX века. Основу сюжета составляет конфликт мудрого правителя Гостомысла, радеющего о благе народа, и молодого боярина Ратмира, который растлевает новгородцев, сеет вокруг себя разрушение, раздор и смерть:

Где Волхов орошая стены
Издrevле Новгород поит,
Там вдруг Раздор воздвиг знамены,
Пылает бунт, мятеж кипит.
От пагубной граждан измены,
Дрожит земля, трепещут стены,
Тоске нет меры, бедствам числ...
(Царь 1800, с. 2)

И далее:

Граждане злобой упились;
Разбой считают за геройство.
Расторглось общее спокойство;

³⁴⁸ См. Кошелев В.А. Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском. – С. 78.

Огни мятежные зажглись.

(Царь 1800, с. 24)

Гостомысл видит лишь один способ спасти Новгород – призвать Царя, пусть даже против воли народа. Он отправляет верного соратника Конара к варяжскому князю Рюрику и его братьям, Рюрик откликается на зов Гостомысла и приходит к Новгороду со своей дружиной. Мятежники во главе с Ратмиром и его сподвижником Сегоном готовы сражаться до конца, несмотря на бедственное положение горожан. Ратмир убеждает людей в том, что Рюрик в качестве царя и Гостомысл хотят отнять у новгородцев свободу:

О други! Если вы хотите
Под игом рабства пребывать,
Ко Гостомыслу в стан идите
Злодейску руку лобызать,
Которая на ваши дома
Готовит молнии и громы;
Оковы там для вас звучат.
Отечества и ваш предатель,
Сей гордый воли неприятель
Продать великий хочет град:
Противясь общим Россов благам,
Союзным Новграду Варягам
Противу нас вражду внушил,
В союз с Владетелем вступил.

(Царь 1800, с. 109)

Рюрик же обещает быть новгородцам добрым отцом, желает народу благополучия и мира. Он ищет не злата, но спасает от варваров притесненных людей. Каждый из противников стоит на своем, убежденный в собственной правоте, и все решает сражение под стенами Новгорода. Рюрик побеждает, Ратмир попадает в плен, но, как и обещал, до конца остается верен идеалу свободы: Ратмир убивает себя, чтобы не быть рабом. Мятеж утихает, Рюрик приходит к власти и приносит народу благоденствие на долгие годы.

Сюжет произведения согласуется с историческими свидетельствами о новгородском мятеже и призвании Рюрика на княжение. В пользу предположения В.А. Кошелева о том, что Херасков описывает междоусобную войну в Новгородской земле, предшествовавшую призыванию варягов и не имеющую отношения к мятежу Вадима,

говорит то, что Херасков именует своего героя не Вадимом, а Ратмиром. Персонаж вполне может быть воспринят как представитель одного из боярских родов Новгорода, борющийся за власть. Многие поступки Ратмира, его личный конфликт с Гостомыслом, желание отомстить Либеде и Изонару не вяжутся с Вадимом Храбрым, о котором, впрочем, известно крайне мало. Однако последующее столкновение Ратмира с Рюриком и их идейное противостояние, призывы Ратмира бороться за свободу, дабы не быть рабами варягов, дают основания считать Ратмира персонажем, прототипом которого стал Вадим. Помимо этого, «Царь» перекликается с существовавшими к этому времени литературными произведениями, интерпретирующими сюжет о Вадиме Новгородском.

Среди персонажей поэмы исторические прототипы имеют лишь несколько героев: очевидно, это Рюрик и Гостомysl, а также Ратмир, если соотносить его с Вадимом Храбрым.

Новгородский посадник Гостомysl, согласно В.Н. Татищеву, ссылающемуся на Нестора, Иоакима и Теофила (Готлиба) Зигфрида Байера, был славянским правителем новгородской земли, но завещал призвать варяжского князя с целью прекратить междоусобицы в Новгороде³⁴⁹. Херасков в поэме избегает именованя Гостомысла князем: герой выполняет функции правителя, но не единовластного, он боярин, глава совета старейшин. В остальном поэт не спорит с историческими источниками, однако дополняет краткие летописные свидетельства, восстанавливая события по своему разумению. Поэт рассказывает предысторию гражданской войны: характеризует главных действующих лиц – Ратмира, Гостомысла, Рюрика; обстоятельно разъясняет причины конфликта, причем руководствуется при этом не столько летописными свидетельствами, сколько идеологическим замыслом поэмы; вводит ряд вымышленных персонажей, необходимых для сюжетной организации произведения. Остальные персонажи поэмы: Либеда³⁵⁰, соратники Ратмира, в том числе богатырь Сегон, напоминающий Гидромира или Бразина из «Россияды» и Рогдая из «Владимира», Илем и Токсар, сторонники Гостомысла – Изонар, Конар, жертвы войны – отец Илема, старый Звен, Пламира, Раида и

³⁴⁹ «Прежде же пришествия Рюрикова колена Славенских Князей бывшее Гостомыслом пресеклось. Как Иоаким и Нестор сказуют, что по смерти Гостомысла Славенского Князя, по повелению или завещаниям его, призвали из Варяг Руссов Князя себе Рюрика с братиею» (*Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 1. – М.: Тип. М. унта, 1769. – С. 387). И ниже со ссылкой на Байера: «От начала Руссы владетелей Варягов имели. Выгнавши же оных Гостомysl от Славенского поколения правил государством, ради междоусобных мятежей ослабевшим, и от силы Варяг утесненным. По его совету Руссы владетелей от Варягов опят возвратили, то есть, Рюрика с братьями» (Там же. – С. 393).

³⁵⁰ Согласно Екатерине II, у Гостомысла были дочери, то есть у Либеды мог быть прототип (см. *Екатерина II.* Записки касательно Российской истории. Ч. I–II // Сочинения Императрицы Екатерины II...: [В 12 т.]. – Т. 8. Труды исторические. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1901. – С. 8–9).

братья-враги, а также олицетворенные Раздор и Дискордия, Премудрость и Россия – вымышленные, равно как и связанные с ними события.

Введение в поэму «Царь, или Спасенный Новгород» вымышленных событий и персонажей обусловлено конкретными задачами автора. В Предуведомлении к стихотворной повести Херасков заявляет о намерении изобразить две картины, соотносимые с современностью: «...в одной представить весь ужас безначальственного правления, пагубу междоусобий, бешенство мнимой свободы и алкание безумного равенства» (Царь 1800, с. IV–V), печальным примером чему послужила охваченная революцией Франция: «Признаюсь, что разительнейшие черты страшного мятежничества перенес я в мою Повесть из пагубного переворота беснующейся Франции, позор нашего века пишущего, стыд роду человеческому наносящего, и меру возможных злодейств преисполняющего» (Царь 1800, с. IV–V); противопоставлено этому «народов счастье», каковое автор наблюдал в России XVIII века: «...взглянул я на мое Отечество, и кистью моей всеобщее благоденствие наше управляло, благоденствие, коим Россия через многие веки до ныне наслаждается» (Царь 1800, с. IV–V).

Херасков проецирует события IX века на современность, проводя ряд параллелей, вследствие чего поэма приобретает выраженный назидательный характер. Мятеж, описанный в «Царе», следует понимать не столько как собственно историческое событие, сколько как предостережение от беды, постигшей Францию и способной повториться в Российской империи, если республиканские поветрия окажутся слишком сильны. Автор настаивает на губительности, даже дикости идей свободы и равенства, внешняя привлекательность которых весьма обманчива и опасна:

Какой народ благоразумный,
Верховную отвергнув власть,
Взалает при свободе шумной
Во узы безначальства впасть;
Искать народного блаженства
В мечтах безумного равенства
И безначальство возлюбить;
То смысл небесный с скотским сблизить,
И человечество унижить,
Слепым подобну тварям быть?

Свобода кажется красива
Для грубых чувствами сердец;

Не терн – руке ее олива;
 Не буря – на главе венец;
 Для них безвластия порфира
 Сложена зрится из зефира;
 Но в чистое взгляни стекло:
 Лежашу Правду узришь в гробе,
 Врученный жезл правленья злобе,
 Невинность в узах – в лаврах Зло.
 (Царь 1800, с. 7)

Херасков вновь прибегает к испытанному приему – дискредитации идей французских просветителей и революционеров, довольно популярных в кругу образованных людей в России. Известно, что в 1750–1779-е гг. Екатерина II состояла в переписке с Д. Дидро и Вольтером, отчасти разделяла их убеждения, пока в России не разразилось Пугачевское восстание, а затем грянула Великая французская революция. Борьба за свободу и всеобщее равенство на практике приняла безобразные формы: погромы, убийства, грабежи и прочие бесчинства, изменившие представления о революции. Казнь Людовика XVI и Марии-Антуанетты окончательно развеяла симпатии высшего сословия к республиканским постулатам.

Херасков отвергал социальное равенство, которое понимал как нечто противное естественной природе вещей, установленной свыше, гармония в обществе и государстве в свою очередь зиждется на богоизбранном монархе:

Бог землю, воздух, огонь и воды
 Лишил свирепыя свободы...
 (Царь 1800, с. 26)

И в другом месте:

...Ратмир кичливым разговором
 Мне ваши чувства доказал:
 Стезями страшного равенства
 Он ищет общего блаженства;
 Но в мире сем равенства нет! –

 На весь состав взгляни вселенной,

В громаде сей совокупленной:
 То хлад, то зной, то тьма, то свет;
 Не можно нам равенства чаши
 В одной черте установить;
 Устав сей древний предки наши
 Старались свято сохранить.

Родятся люди жизнью равны,
 Но свойства их различны суть:
 Одни разумны, храбры, славны,
 Другие слабы, робки суть;
 Одни беспечну любят праздность,
 Другие тщание и труд; –
 По сим несходствам в людях разность
 Всевышний узаконил Суд.

Свободу в чувствах мы имеем
 И добрыми и злыми быть;
 Мне мнится – подло быть злодеем,
 А сладко ближнего любить!
 Там в сердце к ближним нет любви,
 Нельзя там блага полагать,
 Пролитием невинной крови
 Где счастья должно достигать.

(Царь 1800, с. 93–94)

По Хераскову, Французская революцию – это кара, ниспосланная людям за непозволительно легкомысленное алкание равенства. Тщеславие и гордыня свободолюбцев довели Францию до революции подобно тому, как некогда схожие стремления едва не погубили Новгород:

Злодейству в мире попускает
 Торжествовать нередко Бог;
 Когда Он грешным грех отмщает,
 И гордости смирает рог;
 Тогда злодеи торжествуют,
 Как ветры внутрь горы бунтуют, –

Дрожит невинность, страждет честь;
 Над градом казней туча ляжет.
 Коль строго Бог за зло накажет,
 Пример тому – Французы есть.
 (Царь 1800, с. 25)

Республиканские идеи – упразднение сословий, отказ от титулов, уравнивание в правах – в повести «Царь» пропагандирует Ратмир. Пыл героя, его верность своим убеждениям, красноречие и смелость заставляют прислушиваться к нему, в призывах сбросить оковы, не быть рабами пришлого правителя и руководствоваться своей волей есть определенный смысл и притягательность:

Но дав друзья друг другу клятву,
 Свободу нашу защищать,
 Побед на предлежащу жатву
 Бесстрашно должно поспешать.
 Варягам с другом их угодно
 Цепями нас обременить;
 Из двух чье дело благородно,
 То небу надлежит решить.
 Но ежели во время бою
 Не увенчает счастье нас, –
 Я град зажгу моей рукою
 И тем от уз избавлю Вас,
 Да вы, окованны цепями,
 Не будете Варяг рабами.
 (Царь 1800, с. 109–110)

Дискредитация вредоносных, по мысли Хераскова, демократических идеалов достигается посредством разоблачения их главного носителя. Явив порочную натуру Ратмира, автор показывает пропагандируемые им ценности с обратной стороны. Благородный борец за свободу, едва ли не мученик на практике оказывается коварным искусителем – весьма привлекательным, умеющим внушать доверие, но растлевающим невинные души. Ратмир, подобно архетипическому змею, будит в окружающих недозволенные желания и подталкивает к преступлению: Пламира, кроткая сирота, поддается соблазну, но стыд и безответная любовь к Ратмиру вынуждают ее уйти от

людей. В отчаянии девушка падает еще ниже – предает Гостомысла, но Ратмир велит бросить Пламиру в лесу, ничуть не смягчаясь, а затем и вовсе позволяет Сегону убить ее за то, что девушка предрекает мятежникам поражение. Месть Либеде и Изонару, арест и угроза казни с целью шантажировать Гостомысла, гибель старого Звена, отправленного к мятежникам в качестве парламентаря, также характеризуют Ратмира не с лучшей стороны. Сторонники Ратмира, как и он сам, на практике оказываются злодеями. Сегон, правая рука Ратмира, берет на себя функции палача: он ответственен за смерть старца, отца Илема, убивает Пламиру, поражает противников и гибнет сам на поле брани. Юный Токсар во всем подражает своему кумиру Ратмиру, но желая спасти его, юноша щадит Либеде, чем заслуживает резкое порицание Ратмира и принимает смерть от его руки.

Исторические источники не содержат существенных подробностей о мятеже и тем более о гражданской войне в Новгороде, Херасков сгущает краски, изображая братоубийственную войну как повторяющееся историческое явление. Стремление к свободе и равенству оборачивается для новгородцев трагедией. Это еще один способ продемонстрировать, к каким печальным последствиям приводят попытки отказаться от подчинения монарху. Итогом вольномыслия новгородцев становится кровопролитная гражданская война со всеми ее ужасами: беспорядком, горем ни в чем не повинных стариков, детей и женщин, сведением личных счетов. Благополучный мир рушится вследствие стремления изменить издавна существующий порядок вещей, и тлению подвергается не только уклад жизни, но и души людей. Вседозволенность – следствие свободы – развращает новгородцев и подвигает их совершать неблагоприятные поступки, разрывать семейные узы, попираť сыновний долг и братскую преданность. Показательна история Илема, который приходит в дом старика отца вместе с мятежниками, чтобы предать поруганию родовое гнездо. Отец взывает к чести Илема, напоминает о славе предков и долге юноши перед ними. Однако мятежники отрицают эти понятия и в знак отказа от патриархального мира сжигают старый мощный дуб, под которым покоится мать Илема. Для старика этот дуб – связь с предками, для мятежников – символ боярской гордыни. Старец отрекается от сына и, разорвав на себе одежды, бросается в огонь, чтобы остаться частью старого, ныне оскверненного мира. Илем не может вынести святотатства и следует в огонь за отцом. Мятежников это несколько не отрезвляет. Ратмир призывает спалить пережитки прошлого во имя свободы и равенства, отказаться от предков, ибо семейные узы и вера делают человека слабым, а лишь сильные духом способны построить новый мир:

Мы славному хотим народу

Златое время даровать;
 Необуздаему свободу,
 Гнетущи узы разорвать.
 К толь важным рыцарским приемам
 Потребно твердый дух иметь;
 Оставим суетность Илемам
 Богов и небо в гневе зреть!
 Такой рассудок мрачный, дикий,
 На суеверстве утвержден;
 Для дел великих, дух великий
 Быть должен будто огонь возжен.
 Отважную докажем душу,
 В Царя преобратив народ;
 Я первый всем в пример разрушу
 Почтенны титулы, знатный род; –
 И будем все во граде равны,
 Как други, съединив сердца!

(Царь 1800, с. 80–81)

Еще одна иллюстрация гражданской войны – история братьев, ставших врагами. Причина конфликта традиционна – прекрасная Раида, чьей любви искали оба юноши. Девушка предпочла младшего из братьев, но старший не смирился с этим и, когда вспыхнул мятеж, силой взял Раиду в жены. Обманутый Ринат не простил предательства, перешел на сторону варягов и, встретив старшего брата на поле боя, убил его. Только месть не вернула ему покой: ошеломленный убийством брата, Ринат идет к Волхову, где встречается Раиду. Из ненависти к мужу она убила рожденное от него дитя – плод греха. Содеянное не оставляет героям возможности примириться с собой. Покаявшись друг другу в убийствах, они оба топят в реке. Противные природе человека преступления совершились в условиях мятежа и вследствие развращения нравов идеями свободы и равенства, напрашивается закономерный вывод:

Брат брату, сын отцу злодей! –
 Вот следствие мятежных дней!

(Царь 1800, с. 180)

Ратмиру как носителю республиканских идей в поэме противопоставлен Рюрик – собирательный образ идеального монарха. В повести «Царь, или Спасенный Новгород»,

как в «Россияде» и «Владимире», вновь выведен на первый план Царь. И Иоанн, и Владимир в поэмах Хераскова – правители, отвечающие представлениям об образцовом монархе: оба пекутся не о собственных интересах, а о благе страны и народа, оба не безупречны, но осознают свои недостатки и успешно борются с ними. Автор проводит персонажей по пути просветления, самосовершенствования и познания истины, в чем проявляются масонские взгляды поэта. В отличие от Иоанна и Владимира Рюрик – квинтэссенция монарших добродетелей, прародитель русских царей, воплощение архетипа мудрого и сильного правителя. Он храбр, бескорыстен, справедлив, милосерден и в то же время тверд, близок народу и внушает трепет врагам. Образ Рюрика статичен: варяжский князь изначально безупречен и не вступает в борьбу с самим собой, чем отличается от других монархов в поэмах Хераскова.

Единственный эпизод, когда Рюрик, испытывая смутную тревогу, предается размышлениям – почти финал повести. Став Царем и принеся мир Новгороду, Рюрик идет к Волхову и встречает антропоморфизированное олицетворение России, которая рассказывает о его потомках, о будущем страны. Рюрику не хватает лишь супруги, столь же безупречной, как и он сам. Вознаграждая Рюрика за добродетель, Россия ведет его к прекрасной деве – прообразу русских цариц. Это один из немногих фантастических элементов в поэме, наличие которых задано жанром произведения. Кроме того, путешествие в некое священное место в сопровождении волшебного проводника, пророчество о будущем, видения главного героя и его размышления о собственном назначении – традиционный элемент героических поэм, который в произведениях Хераскова одновременно является аллегорией пути нравственного совершенствования, по которому надлежит пройти просвещенному масону, – схожие эпизоды есть в «Россияде» и «Владимире». Еще одно фантастическое путешествие в повести «Царь, или Спасенный Новгород» совершает повествователь: он перемещается из своего времени в Новгород IX века, чтобы стать свидетелем гражданской войны. Проводником становится дух Гостомысла, явившийся повествователю, таким образом автор связывает прошлое и настоящее в стихотворной повести, как ранее в эпопеях на темы российской истории.

Рюрик в поэме Хераскова схож с историческим варяжским князем. В русских летописях есть указания на то, что Рюрик был главой рода. Например, в «Повести временных лет»: «...и избрашася 3 браться с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другой, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Трувор» (ПВЛ 1996, с. 13). Похожие записи находим в других источниках³⁵¹.

³⁵¹ В Новгородской летописи (младшем изводе): «И всташа сами на ся воевать, и бысть межи ими на рать велика и усобица, и всташаград на град, и не беша в них правды. И реша к себе:

Екатерина II в «Записках касательно Российской истории» называет Рюрика сыном средней дочери новгородского правителя Гостомысла Умилы, бывшей замужем за финским королем³⁵². Со ссылкой на Иоакимовскую летопись род Рюрика с финским королем связывает И.Н. Болтин в примечаниях к «Представлению из жизни Рюрика», добавляя, что Рюрик с братьями назначены «к наследию Гостомыслом по виденному им сну, яко бы из чрева Умилы выросло древо великое, и покрыло весь град Великий, который вещуны разтолковали в пользу ея детей; да и народ оному назначению их к престолу рад был, ибо старшая дочери сын не гождь бе, а по тому и народом был не любим»³⁵³. В.Н. Татищев в «Истории Российской» также пытается установить происхождение Рюрика. Историк опровергает гипотезы о прусских и вандальских корнях Рюрика, спорит со «Степенной книгой» и приходит к выводу о том, что варяжский князь состоял в родстве с финляндским королем Узоном и явился из Лифляндии³⁵⁴, как о том рассказывает Иоакимовская летопись³⁵⁵. В «Ядре российской истории» род Рюрика возведен к римскому императору: «Сии Князи три брата произошли от семени Пруса двоюродного брата Кесаря Августа...» (Ядро российской истории 1770, с. 22). Труды Екатерины II, В.Н. Татищева и А.И. Манкиева давали основания называть Рюрика князем и настаивать на его монарших правах ввиду принадлежности к королевскому роду, с одной стороны, и колену Гостомысла, с другой. Херасков не голословно устами Гостомысла в поэме называет Рюрика варяжским князем, который на скандинавов страх наводит (Царь 1800, с. 34). Посадник намерен призвать именно монарха, Царя:

«князя поищем», иже бы владел нами и рядил ны по праву». Идоша за море к Варягом и рекоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да поидете к нам княжить и владеть нами». Избрашася три брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И седе старейший в Новогороде, бе имя ему Рюрик» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. // Полное собрание русских летописей: [В 43 т.]. – Т. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 106). В Никоновской летописи: «Пойдоша из Немец три брата со всем родом своим: Рюрикъ Синеус, Тривор. И бысть Рюрик старейшина в Новогороде» (РЛНС 1767, с. 15).

³⁵² См. <Екатерина II>. Записки касательно Российской истории. – С. 8–9.

³⁵³ Болтин И.Н. Примечания // <Екатерина II> Подражание Шакеспиру. Историческое представление из жизни Рюрика / Примеч. И. Болтина. – СПб.: в Тип. Корпуса Чужестранных Единоверцов, 1793. – С. X–XI.

³⁵⁴ «У нас же ни в каких старых хрониках сего, чтобы род Рюриков от Прусов и от Цесарей Римских пошел, нет, а только известно то, что оную скаску от Цесаря Августа происшествие, не смотря на то, что ни от него ни от брата никакого отродия ни по женском от Нерона не осталось, перво Глинский слыша оныя басни в Литве привнес, Герберштейн утвердил, а Макарий Митрополит первой в свою летопись, власно как Астрахань, Тмутараканию, без всякаго от древних доказательства, за истину приняв положил но обе оныя басни доводне отвергаются, подлинное же пришествие их является из Лифляндии от Королей или Князей Финландских, и суще мнится, быть близко сродных к Узону Королю» (Татищев 1769, с. 390).

³⁵⁵ «Иоаким паче всех сие утверждает, что Рюрик из Финляндии и как сын дочери Гостомысловой по наследию в Руси Государем учинился» (Татищев 1769, с. 391).

Монарха изберем России,
 Да благоденствует народ.
 Цари суть Боги в мире зримы;
 Их воля – есть священна власть!
 (Царь 1800, с. 26)

Херасков в поэме перелагает текст призвания, приведенный в летописях, дополняя его красочными подробностями:

Скажи ему, что их страна
 Покрыта камнем и песками;
 А наши злачные поля
 Обилуют роскошной жатвой;
 Приосененны мы лесами;
 Здесь полны пажити стадами;
 А паче, что Славенов род
 Умеет быть Царям послушен.

И далее:

... Скажи, что Новгород к нему
 Дрожащи простирает руки;
 Что старец слабый Гостомysl
 Пред ним колена преклоняет,
 В слезах он Рюрика зовет
 На Новгородское Княженье.
 (Царь 1800, с. 35–36)

Херасков подчеркивает, что институт княжения издавна существовал в Новгородской земле и новгородцы умею быть послушными подданными монарха – в этом поэт согласен с Екатериной II. В «Историческом представлении из жизни Рюрика» Триян говорит: «Великий Новгород приобик повиноваться роду Славянских князей, от которых Гостомysl есть последний»³⁵⁶. Херасков утверждает исконность единодержавия на Руси, а народовластие, следовательно, должно понимать как нарушение традиции, заблуждение новгородцев. Исторические источники дают автору некоторые основания говорить о

³⁵⁶ <Екатерина II>. Подражание Шакеспиру. Историческое представление из жизни. – С. 5.

существовании государственности на Руси до прихода Рюрика: новгородцы зовут варягов на княжение, из чего можно заключить, что ранее уславенов были правители (и это дало историкам повод для многочисленных дискуссий)³⁵⁷. Однако Херасков, как и Екатерина II, ставит акцент на то, что монархия является изначальной формой правления на Руси. Ранее М.В. Ломоносов со ссылкой на Нестора пояснял, как возник прообраз монархии в Киеве и почему самодержавие стало оптимальной формой государственного устройства на Руси³⁵⁸. И все же называть Рюрика Царем нельзя, поскольку ни у варягов, ни у русских племен в IX веке правители не венчались на царство по византийскому обычаю (хотя иногда русские великие князья именовались царями, мы рассуждали об этом в предыдущей главе). Более того, в одном из источников – «Ядре российской истории» – прямо оговаривается, что «на северной России в полуночных странах Россиане пространно расплодившись, образ гражданства имели Демократической, и жили всяк по своей воле» (Ядро российской истории 1770, с. 20). В данном случае Херасков допускает анахронизм, поскольку в повести важна идея монархии и образ просвещенного монарха является одним из ключевых для реализации замысла произведения.

Задача донести до читателя мысль о вреде свободы и равенства, приведших Францию к хаосу и способных спровоцировать еще один мятеж в России, вытесняет в поэме «Царь» историческую достоверность. Параллельно Херасков проводит мысль о необходимости почитать монарха как отца, ибо лишь при справедливом самодержце народ и страна процветают. В этом контексте Рюрик предстает символической фигурой, отражающей монархические убеждения автора. Рюрик может быть отождествлен с любым правителем России, особенно из числа наследников первого новгородского князя. Херасков упоминает славных потомков Рюрика: Владимира, Александра Невского, Дмитрия Донского, Иоанна Великого и Иоанна Грозного, которые, как и в «Россияде», почти тождественны в «Царе...», а также представителей новой правящей династии –

³⁵⁷ В частности, В.Н. Татищев со ссылкой на Иоакимовскую летопись и «Повесть временных лет» говорит о существовании «колена Славенских Князей», которое пресеклось со смертью Гостомысла. (Татищев 1769, с. 387).

³⁵⁸ «Кий, Щек и Хорев создатели городов Славенских в Полянех, а особливо Киева, как видно из Нестора, были по случаю особливою знатности или храбрости надъ оными главные повелители; но и тех власть скончалась без потомственного наследства. И хотя Южные Славяне Козарам, как Северные Варягам дань давали; однако без Монархии почитали себя вольными, что весьма тому дивно не покажется, кто разсудить закоренелое прежде упрямство Славян Новгородских противу самодержавной власти Московских Государей. Кий может быть усилился, ходивши по примеру других Северных народов военачальником на Грецию, как объявляет Нестор, защищая его, что он не был перевозчик, как некоторые тогда говорили. Изо всего сего явно, что к приведению наших Славян под самодержавство необходимо нужен был Герой с храбрым народом, приобывшим добровольно повиноваться, каков был Рурик с Варягами Россами» (Ломоносов 1766, с. 54).

Михаила, Алексея, Петра I, Елизавету, Екатерину II и Павла Романовых. В Павле I, которому посвящена поэма, Рюрик словно возрождается:

И Пастырь мудрый в НЕМ явился,
Царям ОН царства отдает.
(Царь 1800, с. 240)

Создавая свою стихотворную повесть, М.М. Херасков прибегал к методу аналогий. Если Рюрик – просвещенный монарх, то Ратмир уподоблен французским революционерам, прежде всего Робеспьеру, который упомянут в произведении. Мы согласны с замечанием В.А. Кошелева о том, что «предводитель варягов Рюрик выглядит умным и гуманным монархом, учеником философов XVIII столетия. Его противник Ратмир – прямой республиканец и честолюбивый мятежник, террорист и фанатик, так похожий на неоднократно поминаемого в повествовании Робеспьера»³⁵⁹. Новгородский мятеж последовательно сравнивается с Французской революцией, причем автор акцентирует разрушительность восстания. Корень всех зол – химера вольности и равенства, которые заведомо противоестественны и потому недостижимы, а стремление к ним приводит ко множеству бед. Примером тому служит восстание новгородцев, а Французская революция подтверждает, что время ничего не меняет, через многие века борьба за равенство влечет за собой все те же пагубные для страны и народа последствия. Мятежный Новгород и революционная Франция – схожие узлы на разных витках истории: каждый раз, когда люди забываются, поддаются искушению свободой и отрицают власть богоизбранного монарха, страна оказывается на грани катастрофы. Будучи масоном, монархистом и противником революции, автор поэмы верил, что иерархия в обществе естественна и ее разрушение недопустимо. С другой стороны, на протяжении тысячелетий люди, ослепленные ложными гордыней, стремятся к свободе и равенству, за что непременно бывают наказаны:

Такая умственность водила
Род смертных по кривым стезям;
Нелепу вольность учредила,
Воздвигнула свободе храм.
Забыв, что в небе есть Властитель,
Им Царь, им каждый Повелитель,

³⁵⁹ Кошелев В.А. Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском. – С. 78.

Явился игом на земли. –
 О вольность! стой - и мне внемли.
 Народной вольности химера
 Есть мрачно умственности дочь;
 Она из мысли Робеспьера
 На Францию простерла ночь; –
 Убила некогда Сократа! –
 Кумир соорудив из злата,
 Весь мир повергла перед ним,
 И правду скрыл развратом дым.
 (Царь 1800, с. 149)

На повесть Хераскова оказали влияние литературные образцы и исторические источники. К моменту создания поэмы, как отмечалось выше, успела сложиться определенная традиция литературной обработки предания о Вадиме Новгородском. «Царь, или Спасенный Новгород» прежде всего оппонирует трагедии Княжнина. С одной стороны, Херасков обыгрывает тот же сюжет, что и Княжнин. Вадим и Ратмир похожи, оба призывают народ бороться за свободу, отринуть оковы, восстать против узурпатора, оба идут до конца и гибнут одинаково. В трагедии Княжнина Вадим является в полной мере трагическим героем, борющимся за свободу и гибнущим за нее. Вадим предпочитает смерть рабству, и, не сумев одолеть противника, убивает себя с победной улыбкой. Герой гибнет, но остается непобежденным. Однако Херасков, в отличие от Княжнина, однозначно дает читателю понять, что Ратмир неправ, дискредитируя его и, как следствие, пропагандируемые им республиканские ценности. Для Хераскова свобода и равенство – зло, и мятежник, восстающий против законного правителя, не может быть оправдан. В этом отношении поэма Хераскова больше общего имеет с трагедией Плавильщикова, хотя Вадим Плавильщикова менее привлекателен, чем Ратмир. Херасков, напротив, целенаправленно показывает, что зло может таиться под притягательной маской, а затем разоблачает отрицательный персонаж, показывая пагубность справедливых на первый взгляд идей.

Херасков также отказывается от концепции Екатерины II, согласно которой Рюрик был сыном средней дочери Гостомысла Умилы, бывшей замужем за финским королем. По завещанию Гостомысла, после смерти его в Новгороде должен был владычествовать внук Рюрик, и новгородцы приняли здравый совет посадника³⁶⁰. Кроме того, Екатерина II в «Историческом представлении из жизни Рюрика» нивелирует острый момент идейного

³⁶⁰ См.: *Екатерина II. Записки касательно Российской истории.* – С. 8–9.

противостояния, представляя Вадима не столько поборником народовластия, сколько претендентом на княжеский престол, двоюродным братом Рюрика, перед которым Вадим в итоге склоняется, получив милосердное прощение³⁶¹. Херасков в большей степени следует за Ломоносовым, который подчеркивал, что призвание варягов на Русь и противостояние Вадима и Рюрика является переломным моментом в российской истории. Это во многом обусловлено тем, что Херасков, будучи классицистом, в стихотворной повести отчасти придерживался канонов эпопеи, предметом которой достоин быть выбор дальнейшего пути развития государства, но не локальный мятеж.

³⁶¹ <Екатерина II>. Подражание Шакеспиру. Историческое представление из жизни Рюрика. – С. 88.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Толкование исторических событий в поэмах Хераскова обусловлено доминирующими в них мотивами: в «Россияде» превалируют идеи избавления Руси от продолжительного угнетения врагом, укрепления веры и созидания нового государства; во «Владимире» на первый план выходят темы борьбы добра и зла в душе человека, выбора им истинной веры и верного пути, нравственного совершенствования; в «Царе» утверждается достоинство монархии как исконной и наилучшей формы правления на Руси и дискредитируются республиканские идеи.

Вымыслы в поэмах Хераскова, помимо дополнения исторического сюжета, выполняют определенные функции:

- обеспечивают реализацию мотива борьбы за правое дело: в «Россияде» казанская кампания перерастает в священную войну за веру, и Херасков в этом случае придерживается одновременно летописной традиции и литературных образцов, в частности поэмы Т. Тассо; во «Владимире» речь идет о справедливом воздаянии вероломным херсонцам, грабящими русские корабли вопреки существующему мирному договору, а собственно священная война переносится на метафизический уровень, силы добра и зла сражаются за душу Владимира и участь русского народа; победа Рюрика над новгородскими мятежниками во главе с Ратмиром знаменует спасение города от разрушения, установление мира и порядка, следовательно, гражданская война также оказывается судьбоносной для Руси;

- способствуют созданию образа сильного врага, каковым в «Россияде» оказывается условно магометанский мир, сфокусированный в Казанском ханстве, которое к тому же отождествляется с Золотой Ордой; во «Владимире» врагов несколько: это и князь мира, сиречь дьявол в облике Перуна, и служащие ему язычники, и темная сторона души самого человека, но, если отойти от фантастики и аллегорий, то заметим, что Херасков сводит в Херсоне множество реальных противников Руси разных лет, создавая образ коллективного врага засчет серии анахронизмов; в «Царе, или Спасенном Новгороде» враг скорее символичен – это химера свободы и равенства, Ратмир выступает лишь ее носителем в конкретный момент истории;

- дают возможность дискредитировать противников – прием, закрепившийся уже в древнерусских летописях и перекочевавший в эпопеи. И Казань, и Херсон, и за некоторыми исключениями Новгород в поэмах Хераскова предстают средоточием пороков. Поступки Сумбеки, Саргуна, Едигера, Рогдая, Зломира, Пламида, Ратмира и его сподвижников отрицательно характеризуют их, лишая веса доводы персонажей в

дискуссии о вере и нравственности (во «Владимире», отчасти в «Россияде») либо государственном устройстве (в «Царе, или Спасенном Новгороде»);

- помогают выдержать героический пафос, для чего необходимо сосредоточить внимание на богатырях или рыцарях, роль которых в «Россияде» отведена преимущественно Курбскому, Пронскому и Палецкому в обход многих других участников казанского похода, во «Владимире» таким воином становится Всеволод (а также Рогдай, пока окончательно не переходит на сторону язычников), который в действительности не мог принимать заметного участия в сражении за Херсон в силу возраста, в «Царе, или спасенном Новгороде» справедливость с мечом в руках вершит Рюрик. Воинские подвиги персонажей не всегда соответствуют свидетельствам историков, но вносят в поэмы Хераскова необходимую героику;

- создают фантастический колорит произведений посредством введения в повествование многочисленных чудес и аллегорий, рассказов о сверхъестественных событиях и вмешательстве в дела людей высших сил. Любопытно, что наименее фантастичным из рассматриваемых произведений является «Царь, или Спасенный Новгород», где чудесных событий почти нет, хотя историчность произведения минимальна.

В трех произведениях имеет место стяжение прошлого и настоящего посредством введения пророческих эпизодов, в которых кратко прослеживается история России до XVIII века: Иоанну, Владимиру и Рюрику явлены их потомки, укрепившие силу и славу России. Данный прием позволяет акцентировать преемственность духовных и нравственных ценностей, политических ориентиров и монархии, подчеркивает повторяемость событий в истории и необходимость учиться на ошибках прошлого и следовать достойному примеру предков.

«Россияда», «Владимир» и «Царь, или Спасенный Новгород» соотносятся с культурно-историческими и социально-политическими реалиями XVIII века. Победа над магометанским государством, расширение российской территории ассоциировались в сознании современников Хераскова с русско-турецкими войнами в эпоху Екатерины II, проблема упадка нравственности и показательные примеры героев поэмы «Владимир» актуальны в любое время, тем более в период расцвета светской культуры, а в «Царе, или Спасенном Новгороде» проводятся прямые аналогии новгородского мятежа и гражданской войны с Французской революцией.

Исторические сюжеты в поэмах в той или иной мере служат фоном для репрезентации религиозно-философских и политических воззрений автора. В «Россияде», «Владимире» (в первую очередь) и «Царе, или Спасенном Новгороде» заметное место

занимают масонские аллегории, прямые и завуалированные наставления, проповеди (христианская проповедь во «Владимире»), призванные способствовать просвещению, исправлению нравов, наставлению читателей на верный путь – ту самую тернистую дорогу, ведущую к добродетели, истине и спасению души. Герои произведений – Иоанн, Владимир, Всеволод, Стенар и др. – проходят несколько стадий внутреннего преображения, возвращая в себе веру, добродетель, ответственность, самоотверженность, подобно тому как масоны-неофиты постигают тайное знание, переходя со ступени на ступень. Дидактические функции в произведениях Хераскова выполняют мудрые старцы (иногда к ним присоединяются аллегорические персонажи – воплощения Совести, Разума, России и т.д.), сочетающие в себе черты просвещенных масонов, архетипических наставников, убежденных седидами, добродетельных и владеющих тайными знаниями, аскетов-отшельников и отчасти пророков, которые предсказывают будущее не столько героев, сколько России, – Вассиан в «Россияде», Кир и Идолом во «Владимире», Гостомысл в «Царе...». Эти же персонажи вступают в дискуссии с идейными противниками, благодаря чему в произведениях Хераскова приводятся и опровергаются аргументы против этических и политических постулатов, определяющих концепции поэм. Таковы, например, споры Пламида с Идоломом, Рогдая с Кирием и Стенаром или Гостомысла с Ратмиром.

Лейтмотивом трех произведений является апология монархии. В центре повествования всегда находится фигура Царя – Иоанна, Владимира, Рюрика. Херасков подчеркнуто называет русских правителей именно Царями вопреки историческим реалиям (за исключением Иоанна). В поэмах проводится мысль о том, что решения и деяния правителя непосредственно влияют на будущее страны и народа, следовательно, на монархе лежит колоссальная ответственность, которую он обязан осознавать. Благодеяние подданных, интересы государства надлежит ставить выше личных нужд, греховные страсти также недопустимы, поскольку правитель подает пример людям. В поэмах Хераскова прослеживается закономерность: каков монарх, таковы и его подданные, примером чего становятся Сумбека и Едигер, Ферид и Ратмир, вокруг которых гнездится порок. В первой песни «Россияды», пока Иоанн предается праздности, страдают его подданные, а бесчестные бояре потворствуют беспорядку в стране. Владимир до становления на путь исправления потакает преступлениям: с его согласия приносят в жертву варягов, едва не казнят Законеста, совершаются языческие ритуалы. Ратмир развращает новгородцев, сеет раздор. Однако добродетельный Царь всегда несет народу мир, порядок, справедливость, спасение, что в конечном итоге доказывают Иоанн, Владимир и Рюрик. Будучи человеком, Царь может иметь слабости, но его долг

преодолевать их в себе и стремиться к совершенству – по этому пути проходят в поэмах Хераскова Иоанн и Владимир, Рюрик – исключение, поскольку он безупречен изначально, его образ в стихотворной повести «Царь, или Спасенный Новгород» статичен, так как в нем воплощена сама идея монархии и лучшие черты российских правителей, прародителем которых он является. С другой стороны, именно Рюрик в «Царе, или Спасенном Новгороде» соответствует образу монарха в классицистическом понимании. К примеру, Феофан Прокопович со ссылкой на Аристотеля предписывал в эпосе «в определенных отдельных лицах отмечать общие добродетели и пороки». Так, «пьянство, шатание по городу, нападение на первых встречных и другие подобные действия может совершать и государь, но они не соответствуют его званию. Наоборот, государь может рисовать, петь, играть на кифаре, что не умаляет его достоинства, однако служит ему лишь как частному человеку, а не как государю. Но зато мудрое управление государством, законодательство, судебная деятельность, приговоры, распределение наград – это дело государя и по нему-то и распознают государя»³⁶². В этом ракурсе Иоанн и Владимир в поэмах Хераскова – монархи нетипичные, им не чужды отрицательные черты, свойственные человеку, так что образы правителей перерастают классицистические рамки. Херасков требователен к монархам, поскольку никому другому не дано обеспечить процветание страны, народ нуждается в мудром пастыре, заступнике, отце – Царе, власть которого освещена свыше, и любая попытка замены самодержавия иной формой государственного устройства приведет к беде.

По мере создания поэм Херасков вырабатывал свой подход к историческим источникам. Сопоставление «Россияды», «Владимира» и «Царя, или Спасенного Новгорода» с наиболее вероятными историческими источниками показало, что поэт редко противоречил историкам либо подменял зафиксированные ими события фикциями, в большинстве случаев ограничиваясь заполнением лакун вымышленными эпизодами и деталями, перестановкой или стяжением событий во времени, отбором фактов, соответствующих замыслу конкретного произведения, а также введением аллегорий и чудес, многие из которых имеют подтверждение в исторических источниках: волхование Сумбеки, внезапная непогода под Казанью, связанная с чародейством, слепота Владимира и др. Из древнерусских письменных памятников почерпнуты прием дискредитации противника и создания образа врага (например, в «Казанской истории» Казань сближается с Золотой Ордой, в «Россияде» этот прием также имеет место), выделение мотива

³⁶² Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве // Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И.П. Еремина; Акад. наук СССР, Ин-т рус.лит. (Пушк. дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, [Ленингр. отд-ние], 1961. – С. 406.

священной войны (в хрониках – «Никоновской летописи», «Царственной книге», «Истории о великом князе Московском» – подчеркнут священный характер войны с казанцами ради утверждения православной веры). В работе установлены новые соответствия между «Россиейдой» и «Казанской историей» в тех фрагментах, которые имеют очевидную параллель с европейскими поэмами. Такова сцена призвания духов в волшебной роще, написанная в подражание «Метаморфозам» Овидия, или колдовство Нигрина, отсылающее читателя к «Освобожденному Иерусалиму» Т. Тассо. Таким образом, Херасков в поэмах на темы российской истории во многом следовал традициям древнерусской литературы и выстраивал сюжеты преимущественно на основании исторических свидетельств, дополняя их вымыслами там, где не хватало фактического материала либо замысел произведения требовал определенных эффектов.

В работе использовались источники, прежде специально не сопоставлявшиеся с поэмами Хераскова, что также помогло уточнить некоторые детали. Так, в «Российде» ряд деталей восходит к «Опыту Казанской истории древних и средних времен» П.И. Рычкова (1767) (имя крымского хана – Исканар Дивлет-гирей, в других источниках называемого просто Дивлет-Гиреем, и утверждение, что основателем Казани был Батый); из «Скифской истории» А.И. Лызлова (изд. 1776) взяты некоторые другие подробности, например пророчество казанской царевны. Во «Владимире» имя безымянного в летописях греческого философа – Кир – взято, видимо, из «Записок касательно Российской истории» Екатерины II, в свою очередь позаимствовавшей его у В.Н. Татищева; сближение славянской и античной мифологии в поэме имело образцом не только литературные, но и исторические сочинения, в частности – «Древнюю Российскую историю» М.В. Ломоносова (где Лада уподоблена Венере, упоминается Амур); эпизоды столкновения Владимира с печенегами и поединка неизвестного юноши с печенежским богатырем находят соответствие в большинстве источников, но в «Киевском синопсисе» и «Ядре российской истории» А.И. Манкиева они отнесены к тому же периоду, что и во «Владимире» (в «Повести временных лет» и др. источниках столкновение с печенегами происходит после крещения Руси), там же упомянут богатырь Рогдай и дана его краткая характеристика, на основании которой Херасков создал во «Владимире» яркий образ. То же «Ядро российской истории» входит в число источников поэмы «Царь».

От «Российды» к «Владимиру» и «Царю» прослеживается тенденция убывающей историчности, что, в общем-то, естественно (чем больше временная дистанция, отделяющая поэта от описываемых событий, тем менее достоверным становится повествование) и обусловлено в первую очередь разным количеством сведений, на которые мог опираться автор, – от имеющегося в нескольких источниках обстоятельного

описания похода Ивана Грозного на Казань в 1552 году до нескольких строчек (иногда слов) о мятеже Вадима в Новгороде. Вместе с тем эта тенденция согласуется с творческой эволюцией Хераскова, который после основанного на (полу)легендарной истории о Рюрике и Вадиме «Царя» напишет уже совершенно сказочную «Бахариану», «волшебную повесть». Эту эволюцию можно охарактеризовать как движение от поучительной истории к поучительной сказке, от небылицы к идеалу совершенства, от Иоанна, которому после военного и нравственного торжества в Казани предстоит пасть в пучину греха (о чем в поэме есть пророчество), до Владимира, который после множества падений и ошибок не без помощи свыше все-таки делает правильный выбор и, обретя истинную веру, «возрождается» уже необратимо, а от него – до Рюрика, в лице которого Херасков представляет безупречный идеал монарха – для утешения и ободрения подданных монархии и в пример и назидание для российских самодержцев.

Положения, выносимые на защиту:

– Поэмы «Россияда», «Владимир» и «Царь, или Спасенный Новгород» в значительной степени основаны на историческом материале, почерпнутом из летописей и других древнерусских литературных памятников, а также трудов российских историков XVIII в.; некоторые чудесные события и иные фантастические элементы в поэмах восходят к тем же источникам.

– Исторические сюжеты в поэмах в той или иной мере служат фоном для представления религиозно-философских и политических воззрений автора и соотносятся с современными ему культурными и социально-политическими реалиями.

– В соотношении истории и вымысла от «Россияды» (1779) к стихотворной повести «Царь, или Спасенный Новгород» (1800) прослеживается тенденция убывающей историчности, что обусловлено как различием исторических сведений, на которые мог опираться автор, так и логикой его творческой эволюции.

– Анахронизмы и вымыслы выполняют как художественные, так и идеологические функции, в частности в «Россияде» способствуют реализации мотива священной войны, созданию образа сильного врага и его дискредитации и поддержанию героического пафоса, во «Владимире» – служат также религиозно-дидактическим целям автора, в «Царе» – апологии монархии и разоблачению идеалов Французской революции.

– Лейтмотивом всех трех произведений, где в центре всегда находится фигура Царя (Иоанна, Владимира, Рюрика), является апология монархии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Произведения М.М. Хераскова

- Владимир 1785 – *Херасков М.М.* Владимир возрожденный, эпическая поэма / Изданием типографической компании. – М.: Унив. тип., 1785. – 245 с.
- Владимир 1787 – *Херасков М.М.* Владимир, эпическая поэма. – М.: Унив. тип., 1787. – 244 с.
- Владимир 1797 – *Херасков М.М.* Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 2. Владимир, поэма эпическая. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. – 361 с.
- Россияда 1779 – *Херасков М.М.* Россияда, ироическая поэма. – М.: Унив. тип., 1779. – 305 с.
- Россияда 1796 – *Херасков М.М.* Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 1. Россияда, эпическая поэма. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. – 340 с.
- Царь 1800 – <*Херасков М.М.*> Царь, или Спасенный Новгород. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1800. – 246 с.

Другие сокращения

- История о Казанском царстве 1903 – Полное собрание русских летописей. – Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец) / Под. ред. Г.З. Кунцевича. – СПб., 1903. – 546 с.
- КС 1836 – Киевский синопсис. – Киев: Тип. Киевопечерской Лавры, 1836. – 233 с.
- Курбский 1913 – *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. – 194 с.
- Курбский 2015 – *Курбский, Андрей.* История о делах великого князя московского / Изд. подготовил К.Ю. Ерусалимский; перевод: А.А. Алексеев. – М.: Наука, 2015. – 942 с. – (Литературные памятники).
- Ломоносов 1766 – *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история. – Ч. 1–2. – СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1766. – 140 с.
- ПВЛ 1996 – Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с. – (Литературные памятники).
- РЛНС 1767 – Русская летопись по Никонову списку: [В 8 ч.]. – Ч. 1 / Под ред. Августа Шлецера. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1767. – 198 с.

- Татищев 1769 – *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 1. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1769. – 600 с.
- Татищев 1773 – *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 2. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1773. – 536 с.
- Царственная книга 1769 – Царственная книга, то есть Летописец царя Иоанна Васильевича, от 7042 до 7061, напечатан с письменного, который сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1769. – [10], 347 с.
- Щербатов 1770 – *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен: [В 14 т.]. – Т. I. – СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1770. – 325 с.
- Щербатов 1786 – *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен: [В 14 т.]. – Т. V. – Ч. I. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1786. – 555 с.
- Ядро российской истории 1770 – <Манкиев А.И.> Ядро российской истории, сочиненное <...> А.Я. Хилковым. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1770. – 392 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамзон Т.Е.* Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2007. – 48 с.
2. *Абрамзон Т.Е.* Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин. Дис. ... докт. филол. наук. – М., 2007. – 576 с.
3. *Августин (Никитин), архимандрит* Князь Владимир, святой, равноапостольный... Из истории русско-скандинавских церковно-литературных связей // Нева. – 2015. – №11. – С. 235–254.
4. *Автухович Т.Е.* «Владимир» Феофана Прокоповича // Вестник Белорусского государственного университета. 1979. – Сер. IV. – № 1. – Минск, 1979. – С. 13–17.
5. *Аксаков К.С.* Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1981. – С. 89–139.
6. *Александрова И.Б.* Поэтическая теория и поэтическая практика стихотворцев XVIII века – В.К.Тредиаковского, М.В.Ломоносова, А.П.Сумарокова, М.М. Хераскова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 18 с.
7. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. – М., 1973. – 475 с.
8. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XVII – первой четверти XVIII века. – М., 1976. – 454 с.
9. *Андропова В.О.* Жанровые образцы чудесного для русской эпопеи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – Тула, 2009. – Вып. 2. – С. 205–211.
10. *Андропова В.О.* Лес как репрезентация пространства преисподней в поэмах Хераскова и Волкова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – Тула, 2012. – Вып. 3. – С. 494–497.
11. *Андропова В.О.* Персонификация и аллегория в новоевропейских версиях героической поэмы // ФИЛОЛОГОС. Вестник Елецкого госуниверситета (филологическая серия). – Елец, 2013. – Вып. 17 (2). – С. 5–10.
12. *Андропова В.О.* Инфернальное чудесное в русской героической поэме эпохи классицизма. Дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2013. – 159 с.
13. *Альтишуллер М.Г.* Херасков Михаил Матвеевич // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. – Т. 8. – М., 1975. – С. 264–265.
14. *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественно классификации: [В 2 т.]. – Т. II. – М., 1963. – 570 с.

15. *Аристотель*. Об искусстве поэзии. – М., 1957. – 183 с.
16. *Арндт И.* Об истинном христианстве / Пер. с нем. под ред. игумена Петра (Мещеринова). – М.: Эксмо, 2016. – 1008 с.
17. *Артемьева Т.В.* Русская историософия XVIII века. – СПб., 1996. – 107 с.
18. *Артемьева Т.В.* Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова // *Философский век. Альманах*. – Вып. 12. Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт–Петербургский Центр истории идей, 2000. – С. 13–47.
19. *Артемьева Т.В.* От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. – СПб.: Алетейя, 2005. – 496 с.
20. *Афанасьев Э.Л.* На пути к XIX веку (Русская литература 70-х гг. XVIII в. – 10-х гг. XIX в.). – М., 2002. – 304 с.
21. *Афанасьев Э.Л.* Русская литература рубежа XVIII–XIX вв., переломный этап национального самосознания (аксиология и поэтика). Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002. – 397 с.
22. *Бахмутский В.Я.* На рубеже двух веков // *Спор о древних и новых*. – М.: Искусство, 1985. – С. 7–40.
23. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. – Т. 7. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 735 с.
24. *Берков П.Н.* Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века. Из литературного наследия М.М. Хераскова // XVIII век. Сб. статей и материалов. – [Сб.1.] – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – С. 366–370.
25. *Берков П.Н.* Итоги, проблемы и перспективы изучения русской литературы XVIII века // XVIII век. – Сб. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 7–24.
26. *Берков П.Н.* Основные вопросы изучения русского просветительства // *Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века*. – М.; Л., 1961. – С. 5–27.
27. *Благой Д.Д.* История русской литературы XVIII века. – Изд. 3-е. – М., 1955. – 568 с.
28. *Бочкарёв В.А.* Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. – М., 1988. – 224 с.
29. *Буало Н.* Поэтическое искусство // *Литературные манифесты западноевропейских классицистов*. – М., 1980. – С. 425–441.
30. *Буало Н.* Поэтическое искусство / Пер. Э.Л. Линецкой, Ред. А.А. Смирнова. Вступ. ст. и коммент. Н.А. Сигал. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. – 232 с.

31. *Вендитти М., Шруба М.* «Ars poetica» М.М. Хераскова // Russian Literature. – 2014. – Vol. LXXV. – № I/II/III/IV. – P. 535–561.
32. *Водов В.* Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. – Т. II. – Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 944 с.
33. *Волков А.В.* Летописный сюжет в художественной трактовке М.М. Хераскова (Поэма «Владимир») // Studia Slavica. Сборник научных трудов молодых филологов. – [Вып.] X. – Таллин, 2011. – С.11–22.
34. *Волков А.В.* Летописный сюжет в художественной трактовке Я. Княжнина (трагедия «Владимир и Ярополк») и М. Хераскова (трагедия «Идолопоклонники, или Горислава») // К 300-летию со дня рождения М.В.Ломоносова: Язык и литература XVIII века. – М., 2010 (электронный ресурс: http://conf.fa.ru/archive/Lomonosov_2010/24-26.pdf).
35. *Вольтер.* Генриада. Эпическая поэма / Пер. Ив. Сиряков. – СПб.: Типография Академии наук, 1803. – 231 с.
36. *Вольтер.* Некоторые примечания из опыта о эпическом стихотворстве // Невинное упражнение. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1763. – С. 13–21.
37. *Гардзонио С.* Динамическое изображение России в «Россияде» М.М. Хераскова: центр и периферия // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.166–173.
38. *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е, вновь исправленное и дополненное. – М.: Тип. М. ун-та, 1903. – 606 с.
39. *Гомер.* Илиада / Пер. Н.И. Гнедича; Подгот. изд. А.И. Зайцева. – СПб.: Наука, 2008. – 574 с. – (Лит. памятники).
40. *Гомер.* Одиссея / Пер. В.А. Жуковского; Подгот. изд. С. Маркиша, С. Ошерова. – М.: Художественная литература, 1967. – 782 с.
41. *Гончарова О.М.* Херасков и масонская религиозность // Wiener Slawistischer Almanach. – Sonderband 41. – Wien, 1996. – S. 5–24.
42. *Гончарова О.М.* М.М. Херасков // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: [В 3 т.]. – Т. 1. Осьмнадцатое столетие. – Кн. 1. – СПб., 2001. – С. 342–344.
43. *Гончарова О.М.* Национальная традиция и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.
44. *Гончарова О.М.* Смысловое пространство русской культуры: память – традиция – текст: Монография. – СПб.: РХГИ, 2005. – 382 с.

45. *Горохова Р.М.* Торквато Тассо и Россия XVIII века (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад. Из истории литературных отношений. – Л.: Наука, 1973. – С. 148–157.
46. *Горохова Р.М.* Тассо в России конца XVIII века (материалы к истории восприятия) // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы: Сборник статей. – Л., 1980. – С. 127–161.
47. *Горский А.А.* Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. Мировосприятие и самосознание русского общества. – Вып. 2. – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 17–37.
48. *Гранцева Н.А.* Чудо о Князе–Крестителе. – СПб.: Журнал «Нева», 2016. – 240 с.
49. *Греч Н.И.* Опыт краткой истории русской литературы. – СПб., 1822. – 391 с.
50. *Гришакова М.Ф.* Символическая структура поэм М.Хераскова // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана: Сб. статей / Отв. ред. Е. Пермяков.. – Тарту, 1992. – С. 30–48.
51. *Гришакова М.Ф.* Литературная позиция журнала «Вечера» // Классицизм и модернизм: Сборник статей. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1994. – С. 27–37.
52. *Гришакова М.Ф.* Символическая структура поэм М. Хераскова // Опыты изучения поэмы: сб. науч. трудов / сост. Д.И. Черашняя; отв. ред., послесл. Е.А. Подшивалова. – Ижевск, 2011. – С. 5–25.
53. *Гуковский Г.А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли. – М., 1938. – С. 238–246.
54. *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. Учебник. – М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. – 527 с.
55. *Гуковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII в. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 352 с.
56. *Давыдов Г.А.* Поэтика религиозно–философских поэм М.М.Хераскова // Филологические науки. 1999. – №1. – С. 59–64.
57. *Давыдов Г.А.* Поэзия М.М. Хераскова и религиозные искания русских масонов // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / Отв. ред. В.И. Сахаров. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 130–143.
58. *Давыдов Г.А.* Религиозно-философские поэмы М. М. Хераскова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 26 с.

59. *Давыдов Г.А.* Религиозно-философские поэмы М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 215 с.
60. *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самою. Перевод с Английского языка. – Лондон: Trubner & Co, 1859. – XVI, 511 с.
61. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота. – Т. 1–9. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1864–1883.
62. *Державин Г.Р.* Стихотворения / Вступ. ст. и общ. ред. Д.Д. Благого; примеч. А.В. Западова. – Л.: Советский писатель, 1957. – 469 с. – (Библиотека поэта, бс. Изд. 2.)
63. *Дмитриев И.И.* Полное собрание стихотворений / Под. ред. Г.П. Макогоненко. – Л.: Советский писатель, 1967. – 501 с. – (Библиотека поэта, бс. Изд. 2)
64. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1780. – 430 с.
65. *Доланский Ю.* Херасков и Гавличек / Пер. Г.А. Лилич // XVIII век. – Сб.7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 213–219.
66. *Доланский Ю.* Херасков и Линда // XVIII век. – Сб.10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. – Л.: Наука, 1975. – С. 135–142.
67. *Домашнев С.Г.* О стихотворстве [1762] // Материалы для истории русской литературы / Издание П.А. Ефремова. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1867. – С.168–195.
68. *Евсевий Памфил.* Церковная история / Ввод. статья, коммент., библиогр. список и указатели И.В. Кривушина. Научное издание. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. – 544 с. – (Серия «Библиотека христианской мысли. Источники»)
69. *<Екатерина II>.* Записки касательно российской истории // Собеседник любителей российского слова. – 1783. – Ч. 2–7.
70. *<Екатерина II>.* Записки касательно российской истории. – СПб.: Имп. тип., 1787. – 416 с.
71. *<Екатерина II>.* Подражание Шакеспиру. Историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил, из жизни Рюрика / С примечаниями генерал-майора И. Болтина. – 3-е изд. – СПб.: Тип. Корпуса чужестранных единовѣрцев, 1793. – LXIX+88 с.
72. *<Екатерина II>.* Сочинения Императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина: [В 12 т.]. – Т. 8–11: [Труды исторические. Записки касательно российской истории]. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1901–1907.

73. *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского и его читатели // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». – 2008. – №10/08. – С. 82–100.
74. *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 881 с.
75. *Жуковский В.А.* Вадим Новгородский // Жуковский В.А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. – Т. 8. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 346–355.
76. *Заборов П.Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. – Л.: Наука, 1978. – С. 48–52.
77. *Замотин И.И.* Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе // Филологические записки. – Воронеж, 1899. – Вып. 3/4. – С. 1–16; Вып. 5. – С. 17–28; 1900. – Вып. 3. – С. 29–48; Вып. 4/5. – С. 49–88; Вып. 6. – С. 89–114.
78. *Западов А.В.* Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и прим. А.В. Западова. – Л.: Советский писатель, 1961. – С. 5–56.
79. *Западов А.В.* М.М. Херасков // Западов А.В. Поэты XVIII века: А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков. – М.: Изд-во М. ун-та, 1984. – С. 166–234.
80. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 719 с.
81. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Чернобог // Мифология. Энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 736 с.
82. *Ивинский Д.П.* Из комментария к рецензии Н.М. Карамзина на роман М.М. Хераскова «Кадм и Гармония» // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2018. – Т. 77. – №2. – С. 15–36.
83. *Ивинский Д.П.* М.М. Херасков и русская литература XVIII – начала XIX веков. – М.: Р.Валент, 2018. – 216 с.
84. *Иловайский Д.И.* Начало Руси. – М.: Астрель; АСТ, 2006. – 628 с.
85. *Истомин В.А.* Главнейшие особенности языка и слога произведений М.М. Хераскова, А.П. Сумарокова и Екатерины II в лексическом, этимологическом, синтаксическом и стилистическом отношениях. – Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1898. – 121 с.
86. *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. Составл., вступит. статья и коммент. А.Ф. Смирнова. – М.: Современник, 1982. – 351 с.
87. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский, <И.Б.Паперно>. – Л.: Наука, 1984. – 717 с. – (Литературные памятники).

88. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: [В 12 т.] / Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг., выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. – М.: Книга, 1988.
89. *Карамзин Н.М.* Кадм и Гармония, древнее повествование, в двух частях // Критика XVIII века. – М.: Олимп, АСТ, 2002. – С. 330–339.
90. Киевский синопсис. – Киев: Тип. Киевопечерской Лавры, 1836. – 233 с.
91. *Китанина Т.А.* Предание о Вадиме Новгородском в политической драме конца XVIII – начала XIX в., или Почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» // «Он видит Новгород великой»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». – Великий Новгород, 31 мая – 4 июня 2004. – С. 14–20.
92. *Китанина Т.А.* «<Вадим>» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. – Вып. 1. А – Д. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 235–243.
93. *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. – М.: Индрик, 2010. – С.194–200.
94. *Климов Е.В.* Титулатура правителя в Древней Руси // Вопросы истории. 2013. – № 8. – С. 153–157.
95. *Ключарев Ф.П.* Владимир Великий // Российский театр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. – Т. 4. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1786. – С. 81–144.
96. Книга степенная царского родословия. – Ч. I–II. – М.: Тип. М. ун-та, 1775. – 580+298 с.
97. *Княжнин Я.Б.* Владимир и Ярополк // Книжнин Я.Б. Собр. сочинений: [В 4 т.]. – Т. 2. – СПб., 1787. – С. 95–181.
98. *Княжнин Я.Б.* Вадим Новгородский // Книжнин Я.Б. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текстов и примеч. Л.И. Кулаковой. – Л.: Советский писатель, 1961. – С. 249–304. – (Библиотека поэта, бс).
99. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. – М., 2003. – 486 с.
100. *Коздринь П.Р.* Мирообразы русского предромантизма и аллегорический роман Дж. Беньяна «Путь паломника» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. – 2011. – № 1 (2). – С. 94–97.
101. *Коздринь П.Р.* Рецепция романа Дж. Беньяна «Путь паломника» в русской литературе XVIII – XIX вв. Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2011. – 191 с.
102. *Коздринь П.М.* Рецепция романа Дж. Беньяна «Путь паломника» в русской литературе XVIII – XIX вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Абакан, 2011. – 20 с.

103. *Коровин В.Л.* Херасков и Милтон: «Вселенная» и «Потерянный рай» // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2016. – Т. 75. – №6. – С. 48–54.
104. *Коровин В.Л.* Херасков Михаил Матвеевич // Большая Российская энциклопедия. – Т.34 (Хвойка – Шервин). – М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2017. С.30–31.
105. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях главнейших ее деятелей. – М.: Эксмо, 2007. – 596 с.
106. *Коплан Б.И.* Французский источник некоторых «Нравоучительных басен» М.М. Хераскова // XVIII век. – Сб. 2. – М.; Л., 1940. – С. 229–333.
107. *Кочетков И.А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая»: («Благословенно воинство небесного царя») // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1985. – Т. XXXVIII. – С. 185–209.
108. *Кочеткова Н.Д.* Херасков в «Московском журнале» Карамзина // Русская литература. – 2006. – №4. – С. 161–165.
109. *Кочеткова Н.Д.* Херасков Михаил Матвеевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып. 3 (Р–Я). – СПб.: Наука, 2010. – С.344–361.
110. *Кошелев В.А.* Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском // Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.) / Отв. ред. Ю.В. Стенник – СПб.: Наука, 1997. – Вып. 2. – С.93–109.
111. *Кошелев В.А.* Вадим Новгородский // Кошелев В.А. Пушкин: История и предание. СПб.: Академический проект. 2000. – С.77–107.
112. *Кошелев В.А.* Историческая мифология России в творчестве Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: Историческая мифология. Исследования и материалы. – Великий Новгород; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. – С. 9–362.
113. *Кошелев В.А.* Михаил Херасков и новгородское «самодержавство» // Херасков М.М. Царь, или Спасенный Новгород: Стихотворная повесть / Изд. подгот., коммент. В.А. Кошелев. – Великий Новгород: Печатный двор, 2018. – С. 3–52.
114. *Крашенинникова О.А.* «Служить Отечеству трудами и мечом...» (Жанр эпической поэмы в русской литературе и «Россияда» М.М.Хераскова) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 405–443.
115. *Кукушкина Е.Д.* Поэзия М.М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. – Сб. 22. – СПб.: Наука, 2000. – С. 96–111.
116. *Кулакова Л.И.* Херасков // История русской литературы: [В 10 т.] – Т. 4: Литература XVIII века. – Ч. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 320–341.

117. *Кунцевич Г.З.* «Россиада» Хераскова и «История о Казанском царстве» // Журнал Министерства народного просвещения. – 1901. – Т. 333. – №1, отд. 2. – С. 1–15; – Т. 338. – №11, отд. 2. – С. 175–178.
118. *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. – XI, 682, X с.
119. *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. – 194 с.
120. *Курбский, Андрей.* История о делах великого князя московского / Изд. подготовил К.Ю. Ерусалимский; перевод: А.А. Алексеев. – М.: Наука, 2015. – 942 с. – (Литературные памятники).
121. *Лавров Н.Ф.* Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий Археографической комиссии. – Вып. 1 (XXXIV). – Л., 1927. – С. 55–90.
122. *Левицкий А.А.* Н.А. Новиков и М.М. Херасков: масонская тема в творчестве (Предпосылки для дальнейшего исследования) // Новиков и русское масонство. Материалы конференции 17 – 20 мая 1994 г. Коломна. – М.: Рудомино, 1996. – С. 19–29.
123. *Левицкий А.А.* Г.Р. Державин под влиянием «творца бессмертной Россияды» в 1779 году (Часть 1) // Державин и его время: Сб. научных статей. – Вып. 2. – СПб., 2005. – С. 59–72.
124. *Левицкий А.А.* Г.Р. Державин под влиянием «творца бессмертной Россияды» в 1780-е годы (Часть 2) // Державин и его время: Сб. научных статей. – Вып. 3. – СПб., 2007. – С. 29–43.
125. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // Полное собрание русских летописей. – Т. XXIX. – М.: Знак, 2009. – 400 с.
126. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – 301, 50 с.
127. *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история. – Ч. 1–2. – СПб: Тип. Имп. акад. наук, 1766. – 140 с.
128. *Ломоносов М.В.* Идеи для живописных картин из российской истории // Полное собрание сочинений: [В 11 т.]. – Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 365–373.
129. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: [В 10 т.]. – М.; Л.: Изд-ва АН ССР, 1950–1959.
130. *Ломоносов М.В.* Избр. произведения / Вступ. статья, сост. и примеч. А.А. Морозова; подг. текста М.П. Лепехина и А.А. Морозова. – Л.: Советский писатель, 1986. – (Библиотека поэта; Большая серия).

131. *Лукин П.В.* Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект // Древняя Русь. – 2009. – №4 (38). – С. 73–96.
132. *Луняев Е.В.* Герметизм в культуре: опыт изучения // Фундаментальные проблемы культурологии: [В 4 т.] / С.-Петербург. Отд-ние Рос. Ин-та культурологии, Каф. ЮНЕСКО по компаратив. исслед. духов. традиций, специфики их культур и межрелигиоз. диалога. – Т. 3: Культурная динамика. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 151–175.
133. *Луняев Е.В.* Нравственные идеи масонства в поэтическом творчестве М. М. Хераскова // Gratias Agimus: Философско-эстетические штудии: Сборник научных трудов в честь 70-летия профессора А.П. Валицкой: [В 2 т.]. – Т. 1. – СПб., 2007. – С. 124–135.
134. *Луняев Е.В.* Этические воззрения русских масонов эпохи Просвещения. Дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2006. – 230 с.
135. *Лызлов А.* Скифская история / Издана Н. Новиковым. – Ч. 1. – СПб.: Тип. М. ун-та, 1776. – 166 с.
136. *Лызлов, Андрей.* Скифская история / Подг. текста, коммент. и аннотированный список имен: А.П. Богданов. – М.: Наука, 1990. – 518 с. – (Памятники исторической мысли).
137. *Любжин А.И.* «Россиада» Хераскова и латинская эпическая поэзия // Греко-латинский кабинет. – Вып. 3. – М., 2000. – С. 28–43.
138. *Любжин А.И.* Техника эпического каталога в «Россиаде» Хераскова // Античность в современном измерении. Казань, 14–16 ноября 2001. – Казань, 2001. – С. 100–102.
139. *Любжин А.И.* Михаил Матвеевич Херасков // ImWerdenVerlag. – 2003 [электронный ресурс; режим доступа: <http://www.imwerden.de>].
140. *Любжин А.И.* Христианские источники «Россиады» М.М. Хераскова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Вып. 4. – Петрозаводск, 2005. – С. 86–95.
141. *Любжин А.И.* Римская литература в России в XVIII – начале XIX века. – М.: Греко-латинский кабинет, 2007. – 224 с.
142. *Любжин А.И.* «Россиада» М.М. Хераскова и античная эпическая традиция // Colloquia classica et indo-germanica – IV / Отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2008. – С. 415–452.
143. *Любжин А.И.* Новоевропейский эпос в «Россиаде» Хераскова // Русская литература. – 2010. – №1. – С. 3–25.
144. *Любжин А.И.* «Русский Гомер». Опыт о литературной репутации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2014. – №1. – С. 48–58.

145. *Макина М.* Поэмы М.М. Хераскова: (К вопросу о формировании мировоззрения и стиля русского сентиментализма) // Уч. записки Новгородского пед. ун-та. 1963. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 121–134.
146. *Макогоненко Г.П.* От Фонвизина до Пушкина. Из истории русского реализма. – М.: Художественная литература, 1969. – 510 с.
147. <Манкиев А.И.> Ядро российской истории, сочиненное <...> А.Я. Хилковым. – М.: Тип. М. ун-та, 1770. – 392 с.
148. *Мерзляков А.Ф.* О талантах стихотворца // Вестник Европы. – 1812. – Ч. LXV. – № 19–20.
149. *Мерзляков А.Ф.* Россияда, поэма эпическая г-на Хераскова // Амфион. – 1815. – № 1. – С. 32–98; – № 2. – С. 36–77; – № 3. – С. 94–123; – № 5. – С. 81–115; – № 6. – С. 1–41; – № 8. – С. 86–115; – № 9. – С. 49–128.
150. *Мерзляков А.Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности: [В 2 ч.]. – Ч. 1. Пиитика. – М.: Тип. М. ун-та, 1822. – 328 с.
151. *Моисеева Г.Н.* Казанская царица Сююнбике и Сумбека «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). – Т.12. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 174–187.
152. *Моисеева Г.Н.* Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). – Т.28. – Л.: Наука, 1974. – С. 289–295.
153. *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. – Л., 1980. – 261 с.
154. *Моисеева Г.Н.* «Казанская история» в творчестве М.В. Ломоносова // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). – Т. 24. – Л.: Наука, 1969. – С. 357–361.
155. *Назаретская К.А.* Сентиментальные и предромантические мотивы в творчестве М. Хераскова и поэтов его школы 60–70-х гг. // Вопросы романтизма. – Вып. 3. – Казань, 1976. – С. 3–37.
156. *Нестерова Т.П.* Позитивное и негативное в литературных интерпретациях личности Вадима Новгородского // Филологические науки. – 2008. – №3. – С.33–40.
157. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 576 с. – (Полное собрание русских летописей. – Т. 3).
158. Новгородский летописец // Древняя Российская вивлиофика: [В 11 ч.]. – Ч. II. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1786. – 712 с.
159. *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. – М.; Л., 1954. – 744 с.

160. *Орловска А.* Миф России в творчестве М. Хераскова (поэма «Владимир») // Slavica: Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. – Т. XXVIII. – Debrecen, 1997. – P.27–33.
161. *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии: [В 3 ч.]. – Ч. 1. – СПб.: Тип. Имп. рос. акад., 1821.
162. *Пастушенко Л.М.* Письма М.М. Хераскова к Г.-Ф. Миллеру (1756–1764) // XVIII век. – Сб.11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л.: Наука, 1976. – С. 204–210.
163. *Пастушенко Л.М.* Идеино-художественное своеобразие трагедии М.М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Вып. 2. – Л., 1976. – С. 54–62.
164. *Пачини-Савой Л.* Итальянский дипломат XVIII века – переводчик «Россиады» // XVIII век. – Сб. 7. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 207–212.
165. *Пиксанов Н.К.* Массонская литература [второй половины XVIII века] // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т. IV: Литература XVIII века. – Ч. 2. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 51–84.
166. *Пичхадзе А.А., Ромодановская В.А., Ромодановская Е.К.* Жития княгини Ольги, варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.I.63) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. – СПб., 2005. – С. 228–308.
167. *Плавильщиков П.А.* Собрание драматических сочинений / Сост., вступ. статья, коммент. А.Ф. Некрыловой. – СПб.: Гиперион, 2002.
168. *Платонов С.* Русская история. – М.: Эксмо, 2009. – 294 с.
169. *Плетнёва С.А.* Печенеги // Исчезнувшие народы: Сборник статей (по материалам журнала «Природа») / Сост. канд. филос. наук С.С. Неретина; Под ред. д-ра ист. наук П.И. Пучкова. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
170. *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. – СПб.: Акрополь, 1995. – 336 с.
171. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. Археографической комиссии. – СПб., 1872. – 201 с.
172. Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с. – (Литературные памятники).
173. Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 года // К 350-летию покорения Казани. 1552–1902. Подлинная о Казанском походе запись

Царственной книги 1552 года и сказание князя Курбского о покорении Казани / Под ред., с примеч. и планом генерального штаба капитана В. Афанасьева. – М.: Тип. Вильде, 1902. – С. 1–109.

174. Полное собрание русских летописей. – Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб., 1846. – 392 с.

175. Полное собрание русских летописей. – Т. II. Ипатьевская летопись. – СПб., 1843. – 386 с.

176. Полное собрание русских летописей. – Т. III. Новгородские летописи. – СПб., 1841. – 320 с.

177. Полное собрание русских летописей. – Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. – СПб., 1856. – 358 с.

178. Полное собрание русских летописей. – Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – СПб., 1859. – 302 с.

179. Полное собрание русских летописей. – Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб., 1862. – 282 с.

180. Полное собрание русских летописей. – Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб., 1885. – 244 с.

181. Полное собрание русских летописей. – Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб., 1897. – 262 с.

182. Полное собрание русских летописей. – Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб., 1901. – 272 с.

183. Полное собрание русских летописей. – Т. XIII. – Ч. I. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб., 1904. – 310 с.

184. Полное собрание русских летописей. – Т. XIII. – Ч. II. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб., 1906. – 240 с.

185. Полное собрание русских летописей. – Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец) / Под. ред. Г.З. Кунцевича. – СПб., 1903. – 546 с.

186. *Порфирьев И.Я.* История русской словесности: [В 2 ч.]. – Ч. II, отд. 2. – Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1898. – 417 с.

187. *Прийма Ф.Я.* Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // На путях к романтизму: Сб. научных трудов. – Л.: Наука, 1984. – С. 100–138.

188. *Приказчикова Е.Е.* Нравственно-религиозная концепция человека в поэме М. Хераскова «Владимир Возрожденный» // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики): сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-

та, 2007. – С. 49–71. – (Эволюция форм художественного сознания в русской литературе; вып. 2).

189. *Проскурина В.Ю.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: НЛО, 2006. – 328 с.

190. *Проскурина В.Ю.* Империя пера Екатерины II: литература как политика. – М.: НЛО, 2017. – 252 с.

191. *Пушкин А.С.* Вадим // Полное собрание сочинений: в 10 т. – Т. IV. Поэмы, сказки. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 155–162.

192. *Пыпин А.Н.* История русской литературы: [В 4 т.]. – Т. IV. – СПб.: Тип. М.М. Статсюревича, 1899. – 664 с.

193. *Пыпин А.Н.* Массонство в России: XVIII и первая четверть XIX в. / По изданию: Пыпин А. Русское массонство. Пг.: Изд-во «Огни», 1916 / Ред., примеч.: Г.В. Вернадский, С.С. Москаленко. – М.: Век, 1997. – 488 с.

194. *Рижский И.С.* Наука стихотворства. – СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1811. – 352 с.

195. *Розанов И.Н.* Михаил Херасков // Розанов И.Н. Русская лирика. От поэзии безличной к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. – М., 1914. – С. 33–35.

196. *Розанов И.Н.* Михаил Матвеевич Херасков // История массонства. Великие цели. Мистические искания. Таинство обрядов: [В 2 т.]. – Т. 2. – М., 2002. – С. 410–426.

197. *Руднева О.Н.* Анакреонтические оды М.М. Хераскова (Вопросы поэтики и творческого метода) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Худ. метод и поэтика. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1990. – С. 56–65.

198. *Руднева О.Н.* Лирика М.М. Хераскова и русское нравоучительное массонство // Русская классика: проблемы интерпретации: Материалы научно-практической конференции. – Липецк: ЛГПУ, 2001. – С. 3–10.

199. *Руднева О.Н.* «Руссоитские» мотивы в творчестве М.М.Хераскова // Литературное произведение. Человек и мир: Межвузовский сб. науч. трудов. – Липецк: ЛГПИ, 1996. – С. 9–15.

200. *Руднева О.Н.* Художественный мир «Нравоучительных од» М.М. Хераскова // Русская классика: проблемы интерпретации: Материалы научно-практической конференции. – Липецк: ЛГПУ, 2002. – С. 14–20.

201. *Руднева О.Н.* Поэтическая индивидуальность М.М. Хераскова: философские и эстетические искания. Дис. ... канд. филол. наук. – Липецк, 2003. – 245 с.

202. *Руднева О.Н.* Поэтическая индивидуальность М.М. Хераскова: философские и эстетические искания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2004. – 22 с.

203. *Рукавичникова В.В.* Розыскное дело о «Вадиме Новгородском» // Чело. – Новгород, 1999. – №3 (16). – С. 64–68.
204. *Рукавичникова В.В.* История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. Дис. ... канд филол. наук. – Великий Новгород, 2001. – 191 с.
205. Русская летопись по Никонову списку: [В 8 ч.]. – Ч. 1 / Под ред. Августа Шлецера. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – 198 с.
206. Русская летопись по Никонову списку: [В 8 ч.]. – Ч. 6 / Под смотрением Императорской Академии наук. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1790. – 261 с.
207. Русская летопись по Никонову списку: [В 8 ч.]. – Ч. 7 / Под смотрением Императорской Академии наук. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1791. – 359 с.
208. Русские поэты XVIII века / Вступ. статья, примеч. и сост. В.Л. Коровина. – М.: Эксмо, 2014. – 288 с. – (Серия «Классика в школе»)
209. *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. – М.: Наука, 1979. – 248 с.
210. *Рычков П.И.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – [14], 196, [35] с.
211. *Сахаров В.И.* Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. – М., 2000. – С. 66–118.
212. *Сахаров В.И.* Масонская проза: история, поэтика, теория // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. – М., 2000. – С. 193–220.
213. *Семенова Е.В.* Система жанров русской духовной поэзии XVIII в. Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002. – 370 с.
214. *Семенова Е.В.* Художественный мир в духовной поэзии М.М. Хераскова // Инновационная наука. – 2015. – №9. – С. 227–228.
215. *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. – М., 1915. – 512 с.
216. *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 1224 с.
217. *Серман И.З.* Херасков и Курбский // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). – Т. 24. – Л.: Наука, 1969. – С. 353–356.
218. *Сидорова Л.П., Панфилова Е.М.* «Демофонт» М.В. Ломоносова и «Мартезия и Фалестра» М.М. Хераскова (к вопросу о развитии конфликтов и характеров в русской трагедии XVIII в.) // Ломоносов и русская литература. – М.: Наука, 1987. – С. 221–235.

219. *Сидорова Ю.Н.* «Россияда» М.М. Хераскова и «Казанская история» (К вопросу об источниках поэмы) // Литература Древней Руси: Сб. трудов. – Вып. 1. – Л., 1975. – С. 97–104.
220. *Сидорова Ю.Н.* «Генриада» Вольтера и «Россиада» М.М. Хераскова (К вопросу о международных связях русской литературы XVIII в.) // Типология и взаимосвязи русской и зарубежной литературы. – [Вып. 1.] – Красноярск, 1976. – С. 3–23.
221. *Силаев А.Г.* Истоки русской геральдики. – М.: Фаир-Пресс, 2003. – 240 с.
222. *Сионова С.А.* М.М. Херасков и М.Н. Муравьев (К проблеме преемственности в русской литературе XVIII века) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. – Л., 1983. – С. 63–74.
223. *Сиповский В.В.* Херасков М.М. // Русский биографический словарь. – Т. «Фабер–Цявловский». – СПб., 1901. – С. 309–318.
224. *Сиповский В.В.* Из истории русского романа и повести: (Материалы по библиографии, истории и теории русского романа). – Ч. 1: XVIII век. – СПб.: Изд. 2-го отд. Имп. Акад. наук, 1903. – 333 с.
225. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* Изд. 2-е. – М., 2002. – 512 с.
226. *Соколов А.Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М.: Изд-во М. ун-та, 1955. – 690 с.
227. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения: [В 18 кн.]. – Кн. 1. – Т. 1–2. – М.: Голос, 1993. – 768 с.
228. *Стенник Ю.В.* Литературная критика неоклассицизма (А.Ф.Мерзляков) // Очерки истории русской литературной критики. Т. 1: XVIII – первая четверть XIX в. СПб., 1999. – С. 247–268.
229. *Стенник Ю.В., Степанов В.П.* Литературно–общественное движение конца 1760-х–1780-х годов // История русской литературы: [В 4 т.]. – Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – С. 571–626.
230. *Стенник Ю.В., Кочеткова Н.Д.* Литературно–общественное движение 1780-х – 1790-х годов // История русской литературы: [В 4 т.]. – Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – С. 673–706.
231. *Стрижев А.Н. (сост.).* Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807): Материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. – 2013. – № 32. – С. 232–285.
232. *Строев П.М.* О Россияде, поэме г. Хераскова (Письмо к девице Д.) // Современный наблюдатель российской словесности. – 1815. – Ч. 1. – №1. – С. 9–38; – №3. – С. 71–82.

233. *Строев П.М.* О Россияде, поэме г. Хераскова (Письмо к девице Д.) // Литературная критика 1800–1820-х годов / Сост., примеч. и подготовка текста Л.Г. Фризмана. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 210–230.
234. *Сумароков А.П.* Избранные произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. П.Н. Беркова. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 607 с. – (Библиотека поэта, большая серия; Изд. 2-е).
235. *Тарасова Ю.Г.* Историческая реальность и художественный вымысел в эпическом опыте Е.П. Люценко «Чеслав» // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. научн. трудов. – Саратов, 2009. – Вып. 3. – С. 214–219.
236. *Тассо Т.* Освобожденный Иерусалим / Пер. В.С. Лихачева. Подг. текста, статья, коммент. А.О. Демина. – СПб.: Наука, 2007. – 715 с.
237. *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 1. – М.: Императорский Московский университет, 1769. – 600 с.
238. *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 2. – М.: Императорский Московский университет, 1773. – 536 с.
239. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен: [В 5 т.]. – Т. 5 / [Изд. О. Бодянского]. – М.: Императорский Московский Университет, 1848. – 533 с.
240. *Тредиаковский В.К.* Мнение о начале поэзии и стихов вообще [1752] // Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. Подг. Изд. Н.Ю. Алексеева. Отв. Ред. С.И. Николаев. – СПб.: Наука, 2009. – С. 100–109.
241. *Тредиаковский В.К.* Предызъянение об исторической пииме [1766] // Тредиаковский В.К. Сочинения: [В 3 т.] – Т. 2. – СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук, 1849. – С. III–LXXIX.
242. *Тредиаковский В.К.* Стихотворения / Под ред. акад. А.С. Орлова, при участии А.И. Маленина, П.Н. Беркова и Г.А. Гуковского, вступ. статья С.М. Бонди. – М.; Л.: Советский писатель, 1935. – 491 с.
243. *Улюра А.А.* Исторические драмы Екатерины II «в подражание Шекспиру» // Научная конференция «Россия и Британия. К 450-летию установления дипломатических связей». С 17 декабря 2003 г. по 10 марта 2004 . Тезисы докладов. – [2004]. – С. 153–156 [электронный ресурс; режим доступа: <http://rus-shake.ru/criticism/Uliura/Catherine/>].
244. *Федотова Л.Л.* Религиозно-масонские идеи в поэзии М.М. Хераскова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 2. – С. 286–289.
245. *Федотова Л.Л.* Концепции соборности в поэме М.М. Хераскова «Россиада» // Вестник Военного университета. – 2009. – №1. – С. 119–125.

246. *Федотова Л.Л.* Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 29 с.
247. *Федотова Л.Л.* Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 181 с.
248. *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 502 с.
249. *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. – 281 с.
250. *Хвойка В.В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам) / С прил. описания раскопок в ус<адьбе> М.М. Петровского в г. Киеве и с. Белгородке Киев<ского> у<езда>. – Киев: Тип. Т-ва Е.А. Синькевич, 1913. – 103 с.
251. *Хворостьянова Е.В.* Проблема поэтической эквивалентности в русской литературе XVIII века: (Две редакции «Россиады» М.М. Хераскова) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. – СПб.: Наука, 2004. – С. 288–294.
252. *Херасков М.М.* Россиада, ироическая поэма. – М.: Унив. тип., 1779. – 305 с.
253. *Херасков М.М.* Владимир возрожденный, эпическая поэма / Изданием типографической компании. – М.: Унив. тип., 1785. – 245 с.
254. *Херасков М.М.* Россиада, ироическая поэма. – 2-е изд., исправленное, пересмотренное и дополненное. – М.: Унив. тип., 1787. – XII, 331 с. – (Эпические творения М. Хераскова: [В 2 ч.]. – Ч. 1).
255. *Херасков М.М.* Владимир, эпическая поэма. – 2-е изд. – М.: Унив. тип., 1787. – 244 с. – (Эпические творения М. Хераскова: [В 2 ч.]. – Ч. 2).
256. *Херасков М.М.* Идолопоклонники, или Горислава // Российский театр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений: – Т. 4. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1786. – С. 223–303.
257. *Херасков М.М.* Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 1. Россиада, эпическая поэма. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. – 340 с.
258. *Херасков М.М.* Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 2. Владимир, поэма эпическая. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. – 361 с.

259. *Херасков М.М.* Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 3. [Плоды наук, дидактическая поэма; Вселенная; Чесменский бой, поэма]. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. – 368 с.
260. *Херасков М.М.* Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. – Ч. 4. [Трагедии: Венецианская монахиня; Пламена; Мартезия и Фалестра; Борислав; Идолопоклонники, или Горислава]. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798. – 436 с.
261. *<Херасков М.М.>* Царь, или Спасенный Новгород. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1800. – 246 с.
262. *Херасков М.М.* Бахарияна, или Неизвестный. Волшебная повесть, исчерпнутая из русских сказок. – М.: Тип. Платона Бекетова, 1803. – 479 с.
263. *Херасков М.М.* Эпические творения: [В 2 ч.]. – Ч. 1. Россияда. – М.: Унив. тип. 1820. – XXX, 336 с.
264. *Херасков М.М.* Эпические творения: [В 2 ч.]. – Ч. 2. Владимир. Плоды наук. – М.: Унив. тип., 1820. – 264, XX, XIV с.
265. *Херасков М.М.* Россияда. Поэма в XII-ти песнях. Полный текст поэмы. Объяснительные статьи. СПб.: Тип. И. Глазунов, 1895. – VI, 288 с. – (Русская классная библиотека, изд. под ред. А.Н. Чудинова: Пособие при изучении русской литературы: Вып. 20)
266. *Херасков М.М.* Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и примеч. А.В. Западова. – Л.: Советский писатель, 1961. – 410 с. – (Библиотека поэта, бс).
267. *Херасков М.М.* Царь, или Спасенный Новгород: стихотворная повесть / Изд. подгот., коммент. В.А. Кошелев. – Великий Новгород: Печатный двор, 2018. – 240 с.
268. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. – Казань: Государственное издательство, 1923. – 302 с.
269. Царственная книга, то есть Летописец царя Иоанна Васильевича, от 7042 до 7061, напечатан с письменного, который сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1769. – [10], 347 с.
270. *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1906. – 125 с.
271. *Шахматов А.А.* Жития князя Владимира: текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / [Подгот. текста, предисл., вступ. статья Н.И. Милютенко]. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – 384 с.
272. *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета. – М., 1855. – 608 с.

273. *Щапов Я.Н.* Достоинство и титул царя на Руси до XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании. Мировосприятие и самосознание русского общества. – Вып. 2. – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 7–16.
274. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен: [В 14 т.]. – Т. I. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1770. – 325 с.
275. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен: [В 14 т.]. – Т. V. – Ч. I. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1786. – 555 с.
276. *Эмин Ф.* Российская история жизни всех древних от самого начала России государей: [В 3 т.]. – Т. 1. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1767. – 452 с.
277. *Яценко И.Я.* Скифия // Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. – М.: Прогресс, 1990. – С. 225–226.
278. *Aptekman, Marina.* Jacob's Ladder: Kabbalistic Allegory in Russian Literature. – Boston, MA: Academic Studies Press, 2011. – 249 p.
279. *Baehr S.L.* The Paradise Myth in Eighteenth–Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991. – 308 p.
280. *De Dobbeleer, Michel.* The Figure of Vassian as Key to the Interpretation(s) of Mikhail Kheraskov's Rossiad // Slavica Gandensia, 31. 2004. – P.47–64.
281. *Drozdek, Adam.* Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems // Ricerche Slavistiche. – 2013. – [Vol.] 11 (57). – P. 89–113.
282. *Orłowska A.* Poemat klasycystyczny Michala Cheraskowa. – Lublin, 1987. – 146 p.
283. *Orłowska A.* Motywy biblijne w liryce i poematach Michala Chieraskowa // Biblia w literaturze i folklorze narodów w schodnio słowiaskich. – Krakow, 1998. – S.143–181.
284. *Thiergen, Peter* (Тирген, Петер). Studienzu M.M. Cheraskovs Versepos «Rossiada»: Materialien und Beobachtungen. Rheinische Friedrich–Wilhelms–Universität Bonn, 1970 (Diss. Philol.)
285. *Vlasto A.P.* A noble failure – Kheraskov's Vladimir Vozroshdyonny // Горски вијенац: A Garland of essays offered to professor Elizabeth Mary Hill. Eds. R. Auty, L.R. Leviter, A.P. Vlasto. The Modern Humanities Research Association, Cambridge 1970.